

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Кафедра уголовного процесса

**ДОКАЗЫВАНИЕ В
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**
Часть III

Учебно-методические материалы

Красноярск - 1998

Составитель А. С. Барабаш

при техническом содействии А. С. Шагиняна

Доказывание в уголовном процессе: Учебно-методические материалы / Краснояр. гос. ун-т; Сост. А. С. Барабаш. Красноярск, 1997, 1094 с.

Работа состоит из семи разделов, объединенных в пять книг (частей), и содержит тексты различных авторов по широкому кругу проблем доказывания, а также методические указания и задания по рассматриваемым вопросам. Предназначена для студентов юридического факультета, изучающих курс уголовного процесса, аспирантов, преподавателей.

Красноярский
государственный
университет
1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ IV. Понятие доказательств, их относимость, допустимость и достоверность. Доказательственные факты и средства доказывания. Источники доказательств.....421

Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве.....421

Строгович М. С. Избранные труды, т. 3. Теория судебных доказательств.....440

Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом I инстанции 479

Курылев В. С. Основы теории доказывания.....493

Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания.....521

Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе.....568

Хмыров А. А. Косвенные доказательства.....588

Хмыров А. А. Основы теории доказывания.....600

Карнеева Л. М., Кертэс И. Источники доказательств.....614

Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела.....627

Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания 632

Филимонов Б. А. Основы теории доказательств в Германском уголовном процессе.....666

Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве.....675

Раздел IV. Понятие доказательств, их относимость, допустимость и достоверность. Доказательственные факты и средства доказывания. Источники доказательств

Вышинский А. Я.

Теория судебных доказательств в советском праве. Издание третье, дополненное. М., 1950, с. 222-249

Понятие судебных доказательств

Переходя непосредственно к советскому доказательственному праву и к советской системе доказательств, необходимо остановиться прежде всего на некоторых основных вопросах теории системы доказательств.

В формировании судейского убеждения главную, основную и решающую роль играют *судебные доказательства*.

Принцип внутреннего убеждения, лежащий в основе советского процесса, не только не освобождает от необходимости приведения судебных доказательств в известную систему, но, наоборот, еще более подчеркивает значение такой системы, обеспечивающей правильное и целесообразное применение тех или других видов доказательств в соответствующих случаях. Построение системы доказательств возможно лишь на прочной научной основе, на основе научно обоснованных принципов доказательственного права, что и составляет *главное содержание теории доказательственного права*.

Теория доказательственного права, дающая научное обоснование системы доказательств, принятой в данном положительном процессуальном законодательстве, сосредоточивает свое внимание не только на принципах системы доказательств, но и на таких вопросах, как вопросы о природе доказательств, о допустимости тех или иных фактов в качестве судебных доказательств, о бремени доказывания (*onus probandi*), о классификации доказательств, о значении и особенностях отдельных видов доказательств.

Определяя судебные доказательства, буржуазная наука доказательственного права подчеркивает их тождество с точки зрения

самого процесса доказывания с обычными доказательствами, какими могут быть любые факты, события, явления, вещи¹. Действительно, судебные доказательства — это обычные факты, те же совершающиеся в жизни явления, те же вещи, те же люди, те же действия людей. Судебными доказательствами они являются лишь постольку, поскольку они вступают в орбиту судебного процесса, становятся средством для установления интересующих суд и следствие обстоятельств, для решения интересующих суд и следствие вопросов.

Судебные доказательства различаются как: а) факты или обстоятельства, подлежащие доказыванию (установлению), т. е. факты, которые нужно доказать, — *facta*, или *acta*, или *res probandae*, и б) факты, являющиеся способом, средством доказывания, т. е. факты, которые используются для того, чтобы что-либо доказать, — *facta*, или *acta*, или *res probantes*.

Доказательства как средства доказывания и составляют предмет теории доказательственного права, изучающей: а) виды доказательств (классификация), б) принципы собирания и предъявления доказательств, в) методы пользования доказательствами и г) методы оценки доказательств.

Доказательственным правом является совокупность норм или правил, регулирующих порядок собирания, предъявления, пользования и оценки доказательств.

Как теория доказательственного права, так и самое доказательственное право, как это будет показано более подробно дальше, имеют дело не только и не столько с логическими категориями, логическими понятиями, совершенно необходимыми в процессе судебного расследования, сколько с живыми фактами, с самой жизнью, чрезвычайно сложной и многообразной, не допускающей отвлеченного, чисто «логического» с собой обращения. Было бы ошибочным поэтому процесс судебного доказывания сводить к обычному процессу формального логического мышления, как это делает подавляющее большинство буржуазных

¹ Вот характерные определения «доказательств» в буржуазной литературе: «В самом обширном смысле под доказательством понимают такой факт, по предположению истинный, который рассматривают как долженствующий служить мотивом для верования в существование или несуществование другого факта» (Бентам, О судебных доказательствах, Киев. 1876, стр. 8). «Слово «доказательство», принимаемое в самом широком смысле, обозначает всякое средство, прямое или косвенное, прийти к познанию фактов, событий (*d'arriver a la connaissance des faits*)» (Bonnier, *op. cit.*, p. 3). «Все, что наполняет мир вещественный, все, что может быть вами воспринято из мира духовного, может составлять уголовное доказательство» (Владимиров, Учение об уголовных доказательствах, СПб, 1910, стр. 100; аналогично Тальберг, Фойницкий и др.).

юристов, начиная с Бентама (1827 г.), Уильза (1838 г.), Стифена (1876 г.) и кончая более поздними и современными теоретиками судебного права.²

Надо, однако, отметить, что и в старой буржуазной науке процессуального права высказывались решительные возражения против такой точки зрения. Серьезные возражения против отождествления судебной логики с формальной логикой выдвигал, например, еще проф. Жиряев, один из виднейших старых русских процессуалистов, писавший в своей «Теории улик» (1855 г.) по поводу высказываний Россгирта³ следующее: «Влияние теории познания на теорию улик так велико и очевидно, что некоторые криминалисты, например, Россгирт, даже не находят в учении о последних ничего юридического, и внесение главы об уликах в уголовный кодекс, или систему уголовного судопроизводства считают неправильным присвоением со стороны уголовной юриспруденции того, что собственно и исключительно должно принадлежать логике».

Проф. Жиряев правильно возражал против этого мнения, указывая на то, что «...условия применяемости улик не должны быть основываемы на одних лишь законах логического мышления, но зависят и от обстоятельств места, времени и т. п.».⁴

Однако в этих выступлениях, как правило, вместо логических категорий выдвигаются на первый план психологические категории, понятия «правового чувства», судебной интуиции и т. п., что, разумеется, ни в малейшей степени не содействует правильному решению проблемы.

Указание проф. Жиряева на значение «обстоятельств места и времени» глубоко правильно, как не менее правильно его предупреждение против опасности измерять ценность уголовных доказательств лишь законами логики,⁵

В судебном исследовании действуют, разумеется, и правила формальной логики. Здесь мы также имеем дело с наблюдением фактов, с методом индукции и дедукции как средствами умозаключе-

² См., например, работу профессора Кембриджского университета Kenny «Outlines of criminal law» (1936 г.), в которой с особенной отчетливостью выражен формально-логический характер англо-американской доказательственной теории.

³ С. F. Rosschirt, Zwei kriminalistische Abhandlungen, Heidelberg, 1836.

⁴ Жиряев, Теория улик, Дерпт, 1855, стр. 10. Против сведения судебного процесса к простому оперированию логическими категориями высказывается ряд ученых и в позднейшее время, см., например, работу Фридриха «О наказании мотивов и мотивах наказания» и другие статьи в дореволюционном журнале «Право» (за 1915 г. № 11 и др.).

⁵ Так оценивало значение доказательств в конце прошлого столетия подавляющее большинство процессуалистов-криминалистов. См. по этому вопросу интересную, цитированную выше работу проф. Жиряева «Теория улик».

чения, оценки фактов, выводов из рассмотренных фактов. Тем не менее судебное исследование не исчерпывается применением правил формальной логики, которые сами по себе оказываются недостаточными и голое применение которых способно увести суд и следствие на ложный путь. Особенно это надо иметь в виду при анализе так называемых *улик*, *косвенных доказательств* (*preuves des preuves, indices, Indezien*), оценка которых лежит преимущественно в плоскости логического анализа и умозаключений.⁶ Не подлежит никакому оспариванию тождество процесса доказывания обычному процессу мышления. Проф. Владимиров по этому поводу кстати приводит слова Гэсли о том, что величайшие научные открытия получены не какой-нибудь таинственной способностью, а обыкновенным умственным процессом, применяемым каждым из нас в самых скромных ежедневных делах.

«Полицейский, — писал Гэсли, — открывает преступника по следам его шагов таким же точно умственным процессом, каким Кювье восстановил образ исчезнувших животных Монмартра на основании одних только остатков их костей».⁷

По Гэсли, процесс анализа происхождения на платье, например, чернильного пятна ничем не отличается от процесса дедукции и индукции, при помощи которых Адамс и Леверрье открыли новую планету. Процесс мышления, применяемый в судебном разбирательстве, разумеется, есть умственный процесс. Но подобно тому, как научное мышление при всем своем сходстве с обычным мышлением с точки зрения *законов* процесса мышления отличается весьма существенно от последнего, так и судебно-процессуальное мышление отличается и от научного и от обывательского мышления.

Обычное (обывательское) мышление отличается поверхностностью, примитивностью, недостаточной методичностью. Научное исследование пользуется строго квалифицированными приемами или методами оперирования с различными понятиями или явлениями, отличается определенной системой. Судебно-процессуальное исследование, несмотря на ряд своих особенностей, не позволяющих отождествлять его с научным исследованием, должно быть столь же квалифицированным, как и научное исследование. Здесь еще опаснее всякого рода упрощенчество, пользование приемами, лишенными научного характера. Здесь чрезвычайно опасна обывательщина, так как суд имеет дело с такими величайшими ценно-

⁶ О косвенных доказательствах см. ниже, § 9.

⁷ Владимиров, Учение об уголовных доказательствах, СПб, 1910, стр. 3.

стями, как благо народа, интересы государства, как свобода, честь и самая жизнь человека.

Поэтому в уголовно-процессуальном доказывании особенно необходима строгая научность применяемых методов суждения и умозаключения, хотя и стесненная в своей полноте и глубине рамками судебного процесса, ограниченного более строгими пределами времени, чем исследовательская научная работа.

Конечно, старые юристы правы, утверждая, что осуществляемый при этом процесс мышления подчиняется общим законам мышления и должен регулироваться правилами логики. Здесь вполне применимы приемы доказывания, свойственные логике, — приемы индукции и дедукции.⁸ Но ведь процесс судебного доказывания, как мы говорили уже об этом выше, нельзя сводить к одним только правилам дедукции и индукции. Ошибочность такого положения можно показать на том же примере, который приводит сам проф. Владимиров. Большая посылка: «честные люди дают правдивые свидетельские показания» и малая посылка: «Петрова — честный человек» не во всех случаях влекут вывод: «показания Петровой правдивы». Здесь надо принять во внимание условия «места, времени и другие обстоятельства», как справедливо указывал проф. Жиряев.

Впрочем, проф. Владимиров, признавая различие между научным и судебным исследованием и вместе с тем одобрительно цитируя Стэрки, непоследователен в этом вопросе: Стэрки видит единственного надежного путеводителя в анализе таинственных и запутанных происшествий в разуме, подкрепленном опытом, то есть знанием людей, их быта, обычаев. Опыт жизни и корректирует ошибки разума, оперирующего только логическими понятиями.

В уголовном процессе возможно применение дедукции — применение общего начала к частному случаю, суждение от общего к частному.

Основной принцип дедукции (аксиома силлогизма) состоит в том, что правильное или истинное для целого класса явлений правильно или истинно для каждого из этих явлений, правильно или истинно для каждого случая, относящегося к этому классу. Другое правило дедукции гласит: вещи, сосуществующие с какой-либо ве-

⁸ «Задача исследования истины в области фактов, составляющих предмет судебного исследования, по существу не отличается от общей задачи науки — выработки правильных суждений о фактах вообще» (Владимиров, Учение об уголовных доказательствах, СПб. 1910, стр. 5). «Начала, по которым решается эта задача, составляют предмет логики и сводятся к правилам о дедукции и индукции, прилагаемых во всех научных исследованиях» (там же). См. об этом специальную литературу по логике.

щью, сосуществуют и между собой, в математике — две величины, порознь равные третьей, равны между собой.

Дедукция — чрезвычайно распространенный метод суждения, с успехом применяемый в любой исследовательской работе. Надо, однако, иметь в виду, что положительные результаты дедукция дает лишь при условии правильного отнесения различных явлений к одному и тому же классу.

Другим методом логики является индукция, которая также вполне допустима в судебном исследовании, как и в научном исследовании. Индукция представляет собой заключение от известных фактов к неизвестному, от частного к общему как выводу из известного и частного. Индукция опирается на презумпцию единообразия в природе, на предположение о действии в отношении известного ряда явлений общей причины. Самая причина определяется методом согласия и методом различия.

Как дедукция, так и индукция вполне применимы и действительно применяются в судебно-процессуальном доказывании.⁹

В качестве примера применения индукции в практике советского процесса можно привести следующую страницу из дела по обвинению следователя Сенина во взяточничестве. Пользуясь этим методом, обвинитель так строил цепь доказательств против Сенина: «Вот Сенин взял деньги с Левензон Блюмы Израилевны. Сенин признался. А вот Левензон Петр не признался. И возникает вопрос: виновен он или невиновен? Вспомним, как он защищался, доказывая свою невиновность таким образом: «Взятка была дана тогда, когда я сидел в тюрьме». Вот что он говорил Верно. Как же он мог дать взятку, когда сидел в тюрьме? Но, во-первых, установлено, что в 20-х числах мая, по его собствен-

⁹ Пример применения дедукции в судебном процессе: неопороченные и пользующиеся доброй репутацией люди являются достоверными свидетелями, заслуживающими доверия. Данное лицо — ничем не опороченный человек, его показания перед судом признаются достоверными и используются доверием суда. Данное лицо показывает так-то и так-то, являясь очевидцем исследуемого факта. Суд принимает его показание за факт, за достоверное доказательство.

Пример применения индукции в судебном процессе: гр-н А. обвиняется в краже. Украденные вещи найдены у гр-на А. Факт кражи вещей — известное (а); факт нахождения вещей у гр-на А.—другое известное б); факт виновности гр-на А. есть вывод из а + б.

Применяя индукцию, т. е. правило суждения или доказывания от известных фактов (а + б) к неизвестному факту (виновность А. в краже), можно прийти к выводу, что виновником является гр-н А. Нетрудно, однако, догадаться, что это чисто формальная логика доказывания, не принимающая во внимание всех иных возможных данных (с, d, e, f...) способных резко влиять (и нередко в обратном направлении) на конечные выводы-

ному показанию, по документам дела, он, будучи препровождаем в народный суд, вместе с конвоиром, зашел к себе на квартиру.

Правда, когда он был в этом уличен на суде, он сказал, что он на квартире никого не застал, или, вернее, что он на квартире жену не застал, а застал только маленькую девочку, и, следовательно, говорить о деле никак не мог. Но Левензон затем признался, что, уходя, он встретил свою жену, с которой успел перекинуться несколькими словами. Но для того, чтобы сговориться, что надо заплатить, достаточно несколько слов, нескольких секунд; ведь каждому известно, что и тюремные нравы и тюремная почта дают широкие возможности сговора. В этом отношении очень характерен эпизод с Боннель, получившей в тюрьму капот. В капоте был карман, в карман вшивается письмо. Письмо получается и идет обратно такой же почтой в другом капоте, который изображает почтовый баул, и переписка осуществляется самым энергичным образом. Очевидно, у Левензона тоже был «капот», был там карман, в который было вшито письмо. При этих условиях подготовка могла идти путем переписки. Он приходит домой в 20-х числах мая и здесь на секунду встречается со своей женой. И странная вещь — 29 мая он освобождается, а 1 июня Левензон появляется на квартире у Сенина и вручает ему 5000 рублей. Вот фактическое положение вещей. Но встаньте на житейскую почву, прислушайтесь к голосу жизни и спросите, как тут обстояло дело? Так ли, как рассказывал Левензон, что все сделала жена, а он ничего не знает? Этого не может быть. Как бы он ни уверял, что у нее собственные деньги, — это неправда. Не может быть, чтобы он не знал, не может быть, чтобы жена ему не говорила. Он говорит очень красноречиво, но очень неубедительно. А главное, его объяснения совершенно расходятся с правдой: 29 мая он был на свободе, а 1 июня его жена передала деньги Сенину. В таком случае, все данные говорят за то, что он в этом принимал непосредственное и активное участие в своих собственных личных целях. Вот почему я думаю, что версия у Левензона несостоятельна; против нее говорит правда жизни, и жизнь в вашем приговоре должна будет сказать о нем свою правду.

Посмотрите, как это дело Левензона быстро и скоропалительно проходит. Оно поступает 26-го числа в губернскую прокуратуру, 29-го поступает в следственный отдел, а 30 мая Левензон на свободе. Произведен допрос Левензона? Нет. Есть какие-нибудь следственные действия, произведенные следователем? Нет. Что же случилось? Дана взятка в 5000 рублей, и Левензон на свободе. Если Шаховнин, выпуская Левензона, не произвел никаких следственных действий, то это не значит, что он вообще никаких действий не про-

извел. Все же он некоторые действия произвел, и эти действия заключались в том, что он получил от Сенина 2000 рублей и незаконно освободил арестанта из-под стражи. Об этом он говорит сам в своих показаниях».¹⁰

Сенин (следователь), Левензон (обвиняемый в том, что он дал Сенину взятку через свою жену, Шаховнин (судья, незаконно прекративший дело Левензона) здесь изобличаются рядом фактов, из которых каждый, будучи установлен и ставши таким образом известным (частным), ведет к новому факту (до того неизвестному), устанавливает этот факт и дает основания для утверждения виновности обвиняемого.

Здесь методом индукции — от факта нелегальной переписки Левензона с женой и обвиняемой Боннель, от факта появления Левензона дома, от факта прекращения о нем следственного дела, от факта получения следователем от жены Левензона 5000 рублей — прокурор приходит к заключению об участии в этом преступлении не только сознавшей в нем жены Левензона, но и не сознавшегося самого Левензона.

Однако, говоря о процессе доказывания (судебного) как об обычном мыслительном процессе, не следует забывать, что каждое судебное дело представляет собой, как правило, эпизод классовой борьбы, где действует своя логика, не всегда и не во всем совпадающая с книжной логикой, имеющей дело с абстрактными величинами.

В уголовных делах все складывается не так логично, как это можно было бы ожидать. Нередко поэтому суду приходится отвергать выводы, которые кажутся прямо вытекающими из только что установленных посылок. Можно указать случаи, когда строго логичные выводы могут оказаться ошибочными и, наоборот, когда истина лежит там, где, согласно правилам (формальной логики, ожидать ее очень трудно.

Вот почему правила дедукции и индукции необходимо применять под контролем основного научного метода доказывания, каким является диалектический метод суждения, утверждающий единство противоположностей, обязывающий рассматривать явления не изолированно одно от другого, но в совокупности всех их сторон и особенностей, во всех их «переходах» и противоречиях.¹¹

¹⁰ Вышинский, Судебные речи, М, 1948, стр. 32—33.

¹¹ Ленин, Конспект книги Гегеля «Наука логики», («Философские тетради», 1936, стр. 188): «Отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны *действительности*, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (особо для себя существующи-

Вопрос об относимости доказательств в советском праве

Важнейшим вопросом в учении о доказательствах является вопрос о том, все ли факты, явления могут быть допущены в качестве судебных доказательств, и если не все, то что должно являться основанием к их допущению или недопущению. Этот вопрос был уже частично освещен в главе IV, об английском доказательственном праве.

Основное правило в этой области заключается в том, что в качестве доказательств допускаются обстоятельства, имеющие значение для дела, имеющие отношение к фактам, подлежащим установлению на суде.

Исторически не все факты признавались (и признаются в значительной степени в буржуазном процессуальном праве и сейчас) способными быть доказательствами. Понятие «факта» здесь суживается, так как объем фактических обстоятельств, фактический состав преступления или гражданского правонарушения устанавливается нормой закона, причем эти фактические составы устанавливаются законодательством нередко произвольно.¹²

Суд и следствие обязаны обращаться к фактам, которые соответствуют установленным для них в праве признакам, требованиям, круг которых определяется предметом, задачей следственного или судебного исследования. Это надо понимать в том смысле, что в уголовном, например, процессе должны фигурировать факты, связанные с признаками, определяющими понятие состава преступления, *corpus delicti* (состава преступления), или имеющие вообще отношение к преступлению и обвиняемому в его совершении лицу, то

ми). *Лишь в их совокупности и в их отношении* реализуется истина». И дальше. «Совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаимо) отношения — вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, причем эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны, как отражения объективного мира. Дialeктика вещей создает диалектику идей, а не наоборот».

В этой конспективной записи Гегеля Ленин сделал пометку: «Гегель гениально угадал диалектику вещей (явлений, мира, природы) в диалектике понятий» (стр. 189).

Здесь мы находим гениальные руководящие указания Ленина и для построения советской теории судебных доказательств.

¹² Проф. П. И. Люблинский (предисловие к работе Стифена «Очерк доказательственного права», СПб, 1910, стр. II) правильно подчеркивает эту особенность «фактов», фигурирующих в судебном процессе, указывая на часто наблюдающуюся искусственность их конструирования, особенно в отношении фактических составов различных преступлений, договоров, распоряжений и пр.

есть факты, содержащие в себе признаки данного преступления, а не только данного события.

Задача уголовного или гражданского процесса в этом случае заключается в том, чтобы отобрать именно те факты, которые имеют непосредственное отношение к исследуемому вопросу, не загромождая и не усложняя процесс обстоятельствами или фактами, не имеющими отношения к предмету процесса.

Процессуальные правила и направлены на облегчение *наиболее успешного* решения этой задачи. Именно этой задаче должны служить вырабатываемые законом и судебно-следственной практикой правила, приемы, методы. Мы уже видели выше, насколько несостоятельны метод доказывания и правила так называемой теории формальных доказательств, какими крупнейшими пороками страдают и правила системы доказательств, сменившей основанную на этой теории систему доказательств современного буржуазного процесса.

Советский судебный процесс и советское процессуальное право, не отвергая необходимости пользования формально-логическими категориями, расширяют аналитические возможности своего исследования путем применения диалектического метода познания, являющегося строго научным, корректирующим узко юридические методы процессуального исследования.¹³

Однако до настоящей высоты подлинной «логики фактов», получающей свое истинное развитие и выражение в диалектико-материалистической логике, не мог подняться даже лучший из буржуазных судов, суд присяжных, который, по замечанию Ленина, вносил живую струю в дух канцелярского формализма и схоластики.¹⁴ До этой высоты смог подняться и поднялся в действительности только советский суд, суд социалистического государства рабочих и крестьян.

Советское процессуальное право, не расширяя безгранично круг вопросов, подлежащих судебному исследованию, не ставит, однако, здесь никаких формальных условных границ, допуская к предъявлению на суде и следствии *любые* факты. Допустить те или иные доказательства — дело суда, обязанного при решении этого

¹³ Практика судов присяжных дает множество примеров того, как вопреки строгой юридической теории и строгим юридическим правилам вердикты присяжных складываются на основе, главным образом, общественно-политических, нравственных и бытовых мотивов. Говоря о дореволюционном русском суде присяжных, А. М. Бобрицев-Пушкин, хотя и несколько преувеличивает это обстоятельство, но в основном правильно подчеркивает, что в этом суде «логика фактов» всегда служила ему образцом «логики умозрения» (см. «Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных», М., 1896, стр. 551).

¹⁴ См. Ленин, Соч., т. 4, стр. 369.

вопроса руководствоваться только одним — стремлением к установлению истины, той материальной, или объективной, истины, задаче которой подчинен весь процесс.

Вопрос о допущении к предъявлению на суде и следствии любых фактов в качестве доказательств не следует смешивать с вопросом о том, какие факты должны и могут быть доказываемы. Этот последний вопрос в буржуазной юридической литературе формулируется как вопрос о пределах судебного исследования, как учение о так называемом *thesis probanda*, то есть о том, какие именно факты обстоятельства или положения подлежат доказыванию.

Согласно господствующим в буржуазной теории взглядам, не все обстоятельства подлежат доказыванию. Имеется ряд таких обстоятельств, которые не подлежат доказыванию по своей очевидности и бесспорности, или таких, доказывание которых противоречит общепризнанным или установленным наукой фактам, или таких, доказывание которых противоречит господствующим в данном обществе нравственным или политическим понятиям и убеждениям. Правило о недопустимости доказывания некоторых категорий фактов вполне целесообразно.

Нет никакой необходимости доказывать то, что по общепринятым понятиям не требует доказательства (например, различные научные положения, формулирующие действие законов природы, законов физики, механики и пр.). С другой стороны, недопустимо пытаться доказывать на суде или следствии положения, заключающие в себе утверждения, считающиеся безнравственными, политически вредными, преступными (например, в советском суде оспаривать антиобщественный характер преступного деяния, безнравственность эксплуатации человека человеком, доказывать разумность капиталистической системы и ее преимущества перед системой социалистической). Не может явиться предметом доказывания в суде или на следствии несогласие с теми или другими положениями закона, нормами действующего права. Не может служить предметом судебного доказывания наличие или отсутствие того или иного закона. Это предполагается известным суду *ex officio*. Здесь действует правило *iura novit curia*.

Все эти ограничения вполне понятны и оправданы природой вещей, характером стоящих перед следствием и судом задач. Но за пределами этих ограничений, продиктованных самой логикой, разумом процесса — *auctoritate rationis*, суд и следствие свободны в выборе доказательств, в использовании в качестве доказательств тех или других фактов. Единственное ограничение ставится суду в этом отношении требованием не отвлекаться от своей прямой задачи, не

увлекаться задачами, посторонними суду, не имеющими непосредственного отношения к данному делу.

Это требование еще римляне выразили в формуле, сохраняющей свою обязательность и до сего дня: *«in iure non remota causa, sed proxima spectator»* (суд рассматривает не отдаленную, а ближайшую причину).

Нет сомнения, что самое установление того, что есть *causa remota*, и что *causa proxima*, представляет самостоятельную и далеко не второстепенную задачу суда.¹⁵ Определение или установление связи, сближение одних фактов, непосредственно относящихся к главному предмету судебного рассмотрения, с другими фактами, не имеющими к нему прямого отношения, представляется достаточно сложной задачей. Решение этой задачи, как правило, стоит в прямой зависимости от взглядов на вещи судьи, от его точки зрения на те или иные конкретные факты и обстоятельства.

Решая данный вопрос, суд должен исходить из своего опыта. Он должен также помнить, что суд — не исследовательская лаборатория, имеющая право до бесконечности продолжать цепь связанных между собой звеньев, пока не будут найдены все возможные решения вопроса. Суд обязан ограничить свою исследовательскую работу теми обстоятельствами и теми фактами, наличие которых достаточно для того, чтобы убедиться в истинности и правильности принимаемого решения по данному конкретному делу.

Этим самым определяются пределы исследования на предварительном следствии и на суде, пределы привлечения доказательственного материала.

Действующие в советском процессе правила, относящиеся к этому вопросу, не дают оснований ограничивать свободу следователя или судьи в большей степени, чем это диктуется той логикой процесса, о которой мы говорили выше.

Уголовные и уголовно-процессуальные кодексы союзных республик в ряде статей дают исчерпывающий материал для определения границ следствия (предварительного или судебного, безразлично).

Статьи 43, 47 и 48 УК РСФСР¹⁶ и ст. ст. 112, 113, 166, 206 и 257 УПК РСФСР и др. говорят об обстоятельствах, имеющих зна-

¹⁵ Проф. Фойницкий, например, считает, что суд не должен интересоваться вопросом о влиянии на подсудимого среды или наследственности (см. «Курс уголовного судопроизводства», СПб. 1899, т. II, стр. 270). С этим, конечно, нельзя согласиться, так как эти обстоятельства имеют прямое отношение к вопросу о выборе меры наказания (или меры судебно-медицинского характера).

¹⁶ Здесь, как и во всех других случаях, при ссылках на статьи УК или УПК РСФСР имеются в виду также соответствующие статьи уголовных и уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

чение для дела, раскрывая полностью это понятие и не оставляя, таким образом, никаких сомнений в том, что относится и что не относится к задачам суда и следствия.

Так, ст. 113 УПК РСФСР считает имеющими для дела значение обстоятельства, выяснение которых может иметь влияние на правильное расследование дела; ст. 166 гласит: «Свидетель может быть спрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле, и о характеристике личности обвиняемого»; ст. 206 УПК говорит об обязанности следственных органов дополнить расследование в случае указания подследственным обстоятельств, «...имеющих значение для дела и ранее не расследованных...».

Такое же значение в данном вопросе имеет и ст. 257 УПК, обязывающая председательствующего в судебном заседании удерживать «...из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношения к рассматриваемому делу...» (разрядка моя. — А. В.). Это требование, само по себе достаточно категорическое, подкрепляется указанием на обязанность председательствующего в судебном заседании направлять следствие в сторону, наиболее благоприятствующую раскрытию истины.

Аналогично решается вопрос о допустимости тех или иных обстоятельств в качестве доказательств нашим Гражданским процессуальным кодексом.¹⁷

Самая ответственная и трудная задача заключается, разумеется, в определении, какое же именно обстоятельство является существенным для дела, какое обстоятельство является имеющим для дела значение.

Ответа на этот вопрос в правилах советского судопроизводства найти нельзя. Это и вполне естественно, ибо таких правил найти нельзя, таких правил на все случаи жизни нет и быть не может. А случаи эти исключительно разнообразны и нередко неповторимы, о чем свидетельствуют многочисленные факты из судебной практики любого государства.

Общее руководящее начало здесь можно сформулировать лишь как требование исходить: а) из состава данного преступления и б) из причинной связи исследуемого обстоятельства с предметом судебного дела и его юридическими элементами.

¹⁷ См., например, ст. 119 ГПК РСФСР: «Допущение тех или иных доказательств, представленных сторонами, зависит от того, найдет ли их суд существенными для дела»,

Таким образом, следствие и суд, разбираясь, например, в деле об убийстве, должны интересоваться фактами, относящимися к данному преступлению и ко всем тем обстоятельствам, которые, будучи так или иначе связаны с этими фактами, могут способствовать выяснению всего дела.

Насколько в этом отношении опасно пытаться заранее определить возможные категории или ряды фактов, имеющих значение для дела, можно проиллюстрировать примерами, приводимыми проф. Розиным в курсе уголовного судопроизводства (1916 г.).

Объясняя значение понятия относимости обстоятельств, проф. Розин пишет: «Все, что стоит за пределами намеченной логическо-юридической связи или стоит лишь в отдаленной связи с делом, не может и не должно быть предметом исследования, так как повело бы только к ненужному загромождению процесса доказывания».¹⁸

В этом рассуждении все неправильно. Неправильна прежде всего ссылка на пределы «намеченной логическо-юридической связи», так как заранее наметить в уголовном или гражданском процессе пределы такой связи, как правило, совершенно невозможно. Эти пределы определяются не предложениями следователя, а фактическими обстоятельствами дела, условиями, обстановкой совершения преступления. Нередко эти «пределы» далеко выходят за рамки самого преступления, уводя следователя в стадию приготовления к совершению преступления, к фактам, предшествовавшим осуществлению преступного намерения или плана.

Вопрос подготовки к преступлению, приобретения орудий преступления, преследования своей жертвы, подготовки на случай «провала» своего alibi, т. е. ссылки на присутствие в другом месте, подготовки возможности скрыться от преследования, скрыть следы совершенного преступления — вот широчайшие «пределы» «логическо-юридической связи», замыкаться в которых в силу заранее принятой «наметки» совершенно невозможно и вредно для дела расследования преступления.

¹⁸ Розин, Уголовное судопроизводство, 1916, стр. 391.

В качестве примера такого «загромождения процесса» проф. Розин указывает на такие «ненужные элементы», как вопрос о погоде в день преступления, о выражении лиц тех, кто был при совершении преступления, об их позах и т. п. Но сам исс проф. Розин вынужден сделать оговорку: «если, однако, тот или другой из этих случайных моментов не имеет значения для уличения кого-либо из предполагаемых виновных».

Ошибочны также указания на «отдаленную связь», якобы включающую необходимость для следствия интересоваться фактами и этого рода.

Следствие и суд сами должны, в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, определить пределы расследования, сами должны решать в каждом конкретном случае, что важно, что полезно, что необходимо включить в поле своего внимания, сделать предметом исследования.

Все попытки заранее определить, какие обстоятельства могут иметь значение для дела и какие не могут, обречены на неудачу, особенно в уголовных делах, где сложность и запутанность положений встречаются чаще, чем в гражданских делах. И в гражданских делах это невозможно, хотя здесь предмет спора, как правило, определяет не только род доказательств, но и пределы доказывания. Так, по иску об имуществе круг доказательств заранее определяется характером спорных отношений, возникших по поводу этого имущества. Поэтому если одна из сторон попытается расширить круг доказательств, включая в их число факты, действия, отношения, не касающиеся спорных вопросов, суд без труда может ограничить эти поползновения, может установить «пределы» доказывания. В споре об имуществе нет места обстоятельствам, относящимся к личным характеристикам тяжущихся, к вопросу об отношении, например, ответчика к своим соседям, к своей семье и т. д. Но во многих случаях не всегда заранее можно определить, что надлежит допустить в качестве доказательства по данному делу и что не надлежит, т. е. установить пределы судебного исследования спорного вопроса.

В гражданском процессуальном праве это достаточно сложная задача облегчается тем, что по ряду дел закон устанавливает возможность доказывать те или другие обстоятельства лишь способами, указанными в законе. Это ограничение, естественно, еще более сокращает круг обстоятельств, способных фигурировать в деле в качестве доказательств.

В советском гражданском процессуальном праве общее правило о так называемых предустановленных доказательствах содержится в ст. 128 ГПК РСФСР, устанавливающей допустимость свидетельских показаний во всех случаях, кроме тех, когда закон устанавливает для определенных действий и отношений обязательную письменную форму. Таков случай договора займа свыше 50 руб.; при заключении его не в письменной форме стороны не могут ссылаться на свидетелей (ст. 211 и примечание к ст. 136 ГК РСФСР).

Таково же требование ст. 138 ГК РСФСР о договоре о безвозмездной уступке имущества на сумму более 1000 руб.; здесь обяза-

тельно нотариальное удостоверение договора под страхом его недействительности. Доказывание свидетельскими показаниями исключается.

По ст. 217 ГК РСФСР, заемщик вправе оспаривать действительность договора займа по его безденежности, доказывая, что деньги или имущественный эквивалент в действительности не были им получены от заимодавца или получены в меньшем количестве, чем это показано в договоре. Но если договор должен быть совершен по закону в письменной форме, оспаривание его путем свидетельских показаний не допускается, кроме случаев уголовных преступлений. По такого рода делам допрос свидетелей возможен, по разъяснению Пленума Верховного суда РСФСР от 16 ноября 1925 г., лишь в исключительных случаях, но не в доказательство уплаты по векселю.¹⁹

Все эти случаи и составляют так называемые предустановленные доказательства, исключаящие какой-либо иной способ доказывания, кроме способа, установленного в законе, а следовательно, ограничивающие выбор доказательств.²⁰

Наличие предустановленных доказательств в гражданском процессуальном праве определяется интересами прочности гражданского оборота, не допускающего необоснованной ломки, даже сколько-нибудь значительного колебания основания, на котором этот оборот зиждется. Здесь большая роль принадлежит письменным актам и особенно актам, удостоверенным установленным в законе порядком (например, нотариальным). Было бы опасно для прочности гражданских правоотношений, оформляемых ввиду их важности письменными актами, допущение их оспаривания при помощи свидетелей. Запрещение оспаривать некоторые факты иным способом, чем это предусмотрено законом, имеет в виду побудить граждан своевременно принимать в защиту своих прав на случай возможного их нарушения меры, указанные государством в качестве гарантии охраны этих прав.

Этот принцип логичен и целесообразен, в силу чего он и существует в советском праве, хотя и значительно ограничен в рамках действия. Что касается уголовного процесса, то здесь он неприменим и не применяется в силу самой природы фактов, с которыми имеет дело уголовный процесс, в силу тех задач, которые стоят пе-

¹⁹ См. Гражданский процессуальный кодекс с комментариями, изд. «Право и жизнь», 1928, стр. 185.

²⁰ О предустановленных доказательствах в русском дореволюционном праве см. Исаченко, Русское гражданское судопроизводство, 1906.

ред уголовным судом в деле защиты государства, общества и граждан от всяких преступных посягательств на их блага и интересы.

Таким образом за некоторыми исключениями, установленными в гражданском процессуальном законодательстве, выбор доказательств по делу предоставлен суду, следствию, сторонам.

Особо стоит вопрос о доказывании так называемых *отрицательных фактов*.

В буржуазной литературе правило об отрицательных доказательствах формулируется в связи с так называемым *onus probandi* — обязанностью доказать выставленное положение.²¹

Старое римское процессуальное правило по этому поводу гласит: «*ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat*» (обязанность доказывать лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает).

Бонье (Bonnier, 1843), защищая это положение, называет его принципом разума и общественной безопасности (*un principe de raison et de sécurité sociale*), приложением разума и доброго чувства к процессу. Французский Гражданский кодекс отразил это правило в ст. 1315, гласящей: «Тот, кто требует исполнения обязательства, должен доказать его. Наоборот, кто претендует на освобождение от этой обязанности, должен доказать, что произвел уплату или совершил должное действие и погашение обязательства».²²

Здесь и возникает вопрос о возможности доказывания отрицательного факта.

Мы видели выше, что английское право отрицает возможность доказывания отрицательных фактов, например, ссылки обвиняемого на то, что он никогда не был в таком-то месте, что он никогда не носил такого-то платья, не видел такого-то человека и т. д. Повидимому, это правило имеет под собой известную почву. Доказывать такого рода обстоятельства крайне трудно, иногда вовсе невозможно.

Тем не менее это правило неприемлемо, так как всякое отрицание может быть заменено положительным заявлением, отрицательный факт может быть заменен положительным фактом. Заявляя: «Я там никогда не был», говорящий не только отрицает, но и утверждает, что он был в других местах, кроме данного места, и в подтверждение этого он может представить различные доказательства. Кокцей (юрист XVII века) дал остроумное разрешение этого противоречия, показав, что отрицательные обстоятельства не должны приниматься как доказательства не в силу своей отрицательной

²¹ Об *onus probandi* см. ниже.

²² См. Bonnier, Traité, 1843.

формы, а в силу своей неопределенности, что возможно и в отношении утвердительных фактов.²³

Не подлежит сомнению, что предметом доказывания могут являться в равной мере как положительные, так и отрицательные факты. Отрицание возможности доказывать отрицательные факты в ряде случаев может означать запрещение вообще что-либо доказывать в опровержение того или иного обвинительного тезиса. В ряде случаев это должно означать для обвиняемого невозможность защищаться против выдвинутых обвинений. Важно также иметь в виду, что доказывание отрицательного факта, иначе говоря, доказывание, что известного факта не было, не есть простое отрицание этого факта. Простое отрицание какого-либо факта, разумеется, лишено всякой доказательственной силы. Но отрицательный факт можно доказывать, и доказывание этого факта

²³ «Если неопределенные отрицательные факты нельзя доказывать, то это не вследствие того, что они отрицательные, а вследствие того, что они неопределенные» (Bonnier, Traite). Заявление обвиняемого, что он всегда носил пуховую шляпу, говорит Владимиров, иллюстрируя приведенное выше мнение Кокцея, также из-за его неопределенности невозможно доказать, хотя оно и выражено в положительной форме (см. Владимиров, Учение об уголовных доказательствах, СПб, 1910, стр. 120). «Таким образом, читаем мы у Bonnier, под отрицательной формой скрывается вполне определенное положительное утверждение» (р. 24). Bonnier всю разницу между отрицательным и положительным предположением, между отрицанием и утверждением сводит к одной лишь разнице в форме.

может быть не менее убедительным, чем доказывание факта положительного.²⁴

Советское доказательственное право не делает различия между положительными и отрицательными фактами и не устанавливает для последних никаких ограничений по сравнению с первыми.

²⁴ Kenney правильно указывает, что утверждение невозможности доказывать отрицательные факты находится в противоречии с презумпцией невиновности обвиняемого, пока не доказано противное («*Outlines of criminal law*», 1936).

Случевский пишет: «Не подлежит сомнению, что доказывать несуществование чего-либо может быть часто труднее, чем доказывать существование какого-либо факта, тем не менее нельзя отрицать возможности предъявления доказательств отрицательных положений» («Учебник русского уголовного процесса», ч. II, Судопроизводство, 1892, стр. 151).

**М. С. Строгович. Избранные труды.
т. 3. Теория судебных доказательств.
Москва, издательство "Наука", 1991, с. 76-112**

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ

ПОНЯТИЕ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

1

Обнаружение по уголовному делу материальной истины, т. е. установление фактических обстоятельств дела в соответствии с действительностью, производится при помощи судебных доказательств, которые, таким образом, являются средствами обнаружения материальной истины. Установить фактические обстоятельства дела, т. е. событие преступления, совершение его определенным лицом и вину последнего, следствие и суд могут только при помощи доказательств. Поскольку событие преступления является событием прошлым по отношению к деятельности следствия и суда, которые не могут это событие непосредственно воспринять, — как само это событие, так и все связанные с ним фактические обстоятельства уголовного дела должны быть доказаны. Любой факт, любое обстоятельство, имеющее значение для дела, должны быть доказаны — и доказаны таким образом, чтобы наличие этого факта, обстоятельства было установлено с полной достоверностью. Разумеется, само существование или несуществование исследуемого по уголовному делу события, факта, обстоятельства не зависит от того, смогли ли участники процесса, субъекты процессуальной деятельности его доказать, но пока то или иное обстоятельство дела не доказано, относительно его нельзя сказать, что оно было, имело место в действительности, а потому из него нельзя сделать никаких выводов, его нельзя положить в основание решения по делу.

Иными словами, судебные доказательства являются единственным средством познания фактов и обстоятельств, исследуемых по уголовному делу, и утверждать что-либо о них следствие и суд могут лишь постольку, поскольку они доказаны, т. е. подтверждены собранными по делу и проверенными доказательствами. Совершенно исключается возможность и правомерность каких-либо утверждений следствия и суда о событии преступления, о совершении его определенным лицом, о виновности этого лица, не опирающихся на

конкретные доказательства, собранные по делу, законным образом зафиксированные, тщательно проверенные и оцененные.

Конечно, в процессе расследования уголовного дела следствие может выдвигать различные предположения (версии, гипотезы) относительно расследуемых фактов, виновности того или иного лица и т. д. Но, во-первых, сами предположения должны опираться на доказательства, вытекать из них, а не быть простыми догадками, а во-вторых, все эти предположения являются основанием лишь для производства тех или иных следственных действий, для направления расследования в ту или другую сторону, но никак не для окончательного вывода о факте преступления и виновности обвиняемого. Из этого вытекает исключительно важное значение доказательств в уголовном процессе, в практической деятельности органов следствия, прокуратуры и суда при расследовании и разрешении уголовных дел.

Своевременное обнаружение и процессуальное закрепление доказательств, тщательная их проверка и правильная оценка — все это является необходимым условием успешной борьбы с преступлениями, с посягательствами на Советское государство, на советский правопорядок. Раскрыть преступление и изобличить преступника — это значит обнаружить доказательства, которые с достоверностью устанавливают событие преступления, дают возможность привлечь к законной ответственности его совершителя, с несомненностью установить его вину и обуславливают применение к нему заслуженного наказания. Своевременное раскрытие преступления, изобличение и наказание преступников являются крайне важными условиями укрепления советского социалистического правопорядка, охраны советской социалистической законности, а это в практической деятельности советских органов следствия, прокуратуры и суда зависит главным образом от умения находить доказательства, правильно разбираться в них, делать из них соответствующие действительности выводы об обстоятельствах каждого уголовного дела.

Мы сказали выше, что доказательства являются единственным средством установления фактов и обстоятельств уголовного дела: установить тот или иной факт, то или иное обстоятельство дела — значит доказать его; то, что не доказано, того нельзя и утверждать. Из этого вовсе не следует, как говорили римские юристы, а за ними повторяют многие буржуазные юристы, что «то, чего нет в актах дела, не существует в мире» (*quod non est in actis non est mundo*) или, иначе: «то, что не доказано, не существует в природе». Конечно, это не так: то, что существует — существует, чего не было — того и не было независимо от того, удалось ли следствию и суду в этом убе-

даться и правильно установить. Если преступление было совершено — оно и было совершено и не делается несовершенно от того, что его не удалось раскрыть.

Иными словами, факт преступления и совершение его определенным лицом — это объективные факты, существующие (или не существующие) в действительности, независимо от того, смогли ли следствие и суд их обнаружить и доказать. Но если в отношении этих фактов следствие и суд не располагают доказательствами, на основании которых можно сделать вывод, что преступление было совершено и совершено оно именно данным лицом, ни следствие, ни суд не могут и утверждать этого, т. е. не могут сделать вывод о виновности кого-либо в совершении преступления.

В конце 1918 г. или начале 1919 г. В. И. Ленин, говоря о бдительности в отношении представителей эксплуататорских классов и тяготеющих к ним слоев, указывал: «...Вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный террор» товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо того написал на стр. 2 в № 1 своего журнала: «Не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом...».

[...] Основным требованием при пользовании доказательствами является полнота, всесторонность и объективность в собирании и проверке доказательств, недопустимость какой-либо односторонности, предвзятости. Только при выполнении этого требования посредством доказательств может быть обнаружена, установлена материальная истина [...]

Мы сказали, что доказан должен быть каждый факт, каждое обстоятельство расследуемого и разрешаемого судом уголовного дела, ни одно из них не может быть признано установленным без доказательств.

Может возникнуть вопрос: а все же, нет ли таких фактов по уголовным делам, которые не нуждаются в доказательстве, которые могут быть признаны установленными без доказательств?

В буржуазной процессуальной литературе высказывается положение, что не подлежат доказыванию «общеизвестные факты» (notoria), т. е. такие факты, которые всем известны, а потому и не нуждаются в доказательствах.

Это положение встречается и в советской процессуальной литературе [...]

Понятие общеизвестных фактов имело смысл в инквизиционном процессе, в котором для установления фактической стороны де-

ла требовались заранее указанные в законе формальные доказательства, а поэтому выделялись факты, которые в силу их общеизвестности таких доказательств не требовали. Понятие общеизвестных фактов присуще также англо-американскому уголовному процессу с его крайним формализмом и казуистичностью и широким использованием теории формальных доказательств. В англо-американском уголовном процессе только на сторонах лежит обязанность доказывать имеющие для дела значение обстоятельства, поэтому понятие общеизвестных фактов как бы указывает сторонам, о чем они могут говорить в судебном разбирательстве без представления подтверждающих их слова доказательств.

В советском уголовном процессе нет никакой надобности в выделении особой категории общеизвестных фактов, не подлежащих доказыванию. Само собой разумеется, что суд и стороны обладают необходимыми общими сведениями и знаниями — политическими, научными, практическими, житейскими, без которых они не могут выполнять своих функций. Философские, экономические, исторические, географические и другие знания, как те, которыми обладают все советские граждане, так и специальные, необходимые для юриста, являются необходимой принадлежностью советских судей, прокуроров, адвокатов, и в своей деятельности они на эти знания опираются из них исходят. И, конечно, ни одному разумному человеку не пришлось бы в голову доказывать или требовать доказательств в процессе судебного разбирательства таких фактов, как, например, что Москва — столица СССР...

Но суть данного вопроса вовсе не в этом, а в том, что все подобные «общеизвестные факты» вовсе не являются фактическими обстоятельствами конкретного уголовного дела, рассматриваемого судом. Все эти общие сведения никак нельзя рассматривать как отдельные факты конкретных уголовных дел, именно поэтому их и не надо доказывать при расследовании этих дел.

Если же какое-либо сведение в силу фактических обстоятельств данного дела входит в состав последних — его приходится доказывать. Например, тот факт, что ночью бывает темно, а днем светло, не является фактическим обстоятельством данного уголовного дела — его и незачем доказывать. Но если по данному делу имеет значение, например, была ли ночь, в которую было совершено преступление, темная или светила луна, можно ли было на таком-то расстоянии разглядеть лицо человека, совершившего преступление, и т. д., эти факты являются именно фактами данного дела, и их необходимо доказать. Поскольку же речь идет о доказывании фактических обстоятельств дела — эти обстоятельства должны быть доказаны, и нельзя указать каких-либо фактических обстоятельств данного

конкретного дела, которые в силу их общеизвестности не надо было бы доказывать и можно было бы признать установленными без доказательств.

С этим вопросом связан другой вопрос — известное положение буржуазной юриспруденции, — что не подлежит доказыванию существование того или иного закона, на основании которого решается данное дело, так как «суд сам знает законы» (*jura novit curia*). С нашей точки зрения, данный вопрос решается так же, как и вопрос об общеизвестных фактах. Конечно, суд знает законы, равно как их знает и прокурор и адвокат, их должен знать всякий советский гражданин, поскольку они определяют его действия, и доказывать, например, свидетельскими показаниями или экспертизой, что действует такой-то закон, не приходится. Но, прежде всего, существование того или иного советского закона не есть фактическое обстоятельство того или иного уголовного дела.

На основании закона решается уголовное дело, закон применяется к фактическим обстоятельствам уголовного дела, но сам закон, конечно, не есть обстоятельство этого дела, а потому его и нет необходимости доказывать — его надо знать, так как законы для того и издаются, чтобы все их знали и исполняли. Для судей и прокуроров знание законов является их прямой служебной обязанностью. А затем, хотя доказывать существование закона участники процесса не должны, но ссылаться на закон, приводить закон они, конечно, обязаны, а суд при решении дела обязан не только привести закон, на котором он основывает свое решение, но и обосновать применение этого закона к обстоятельствам данного дела. Таким образом, остается в силе выставленное нами выше положение — все фактические обстоятельства уголовного дела должны быть доказаны, без доказательств ни одно фактическое обстоятельство дела не может считаться установленным.

Указанное положение, что каждый факт, имеющий значение по делу, должен быть доказан, может вызвать сомнение в другом отношении. В основе этого положения лежит то свойство судебного исследования, которое заключается в невозможности для следователя, прокурора и суда непосредственно воспринять факты и обстоятельства подлежащего установлению события. В связи с этим и возникает вопрос — действительно ли ни одно обстоятельство, ни один факт, входящий в состав расследуемого преступления, не может быть непосредственно воспринят следователем и судьями или некоторые факты этого рода могут быть ими восприняты непосредственно. Естественно, если некоторые фактические обстоятельства могут быть восприняты следователем и судьями непосредственно, они не подлежат доказыванию, не нуждаются в доказательствах, поскольку

при помощи доказательств устанавливается лишь то, что не поддается непосредственному восприятию.

Проф. М. М. Гродзинский разрешает этот вопрос следующим образом. Указав, что задачу судебного исследования составляет отыскание объективной истины, автор пишет: «Наиболее простым способом установления того или иного факта является непосредственное его наблюдение. Но в уголовном процессе способ этот исключен. Преступление, составляющее предмет судебного исследования, представляет собой факт прошлого по отношению к моменту судебного разбирательства, и, следовательно, непосредственное наблюдение судом данного события не может иметь места; поэтому для суда остается только один путь — это установление различных фактов, на основе которых может быть разрешено данное дело». Таким образом, автор совершенно отчетливо и категорически устанавливает, что все факты, подлежащие установлению по уголовному делу, не могут быть непосредственно наблюдаемы, т. е. восприниматься судом, а потому подлежат доказыванию.

Точка зрения проф. Гродзинского совершенно правильна. Один из важнейших принципов советского уголовного процесса — принцип непосредственности требует, чтобы суд непосредственно и из первоисточника воспринимал доказательства, при помощи которых устанавливаются обстоятельства дела. Поэтому доказательства вполне поддаются непосредственному восприятию суда, например заслушивание судом показаний свидетеля. Но факты, этими доказательствами устанавливаемые, конечно, судом не могут быть непосредственно восприняты, суд их устанавливает не иначе как через посредство доказательств.

Суд может непосредственно воспринять различные предметы, сохранившие на себе следы преступления или преступника, например взломанный запор хранилища, пятна крови на одежде и т. д., но эти предметы в уголовном деле являются не чем иным, как вещественными доказательствами, при помощи которых суд устанавливает имеющие значение для дела факты, так что и в этих случаях суд непосредственно воспринимает доказательства, а не факты, устанавливаемые этими доказательствами.

Следует отметить, что развиваемое здесь положение — что все фактические обстоятельства уголовного дела устанавливаются только при помощи доказательств — имеет несомненное практическое значение для работы органов следствия, прокуратуры и суда. Это положение означает, что все факты и обстоятельства расследуемого и разрешаемого судом уголовного дела должны быть доказаны и их доказывание не может подменяться ни ссылками на их общеизвестность, ни возможностью для судей увидеть их своими глазами и т. д.

Каждый факт, имеющий значение для дела, каждое обстоятельство расследуемого преступления должны быть доказаны и лишь при установлении их доказанности могут быть положены в основу судебного приговора.

2

Доказательства, таким образом, являются средствами установления фактических обстоятельств дела в соответствии с действительностью. В чем же состоят эти средства?

Рассматривая доказательства, на основе которых решаются уголовные дела, нетрудно увидеть в них две стороны, два момента.

Прежде всего, доказательства выступают в качестве источников сведений о фактах, имеющих значение для дела. Эти источники, из которых следствие и суд черпают сведения о фактах, подлежащих установлению по делу, и являются средствами установления этих фактов, т. е. доказательствами их. Так, показание свидетеля о том, что он видел, как обвиняемый наносил ранение потерпевшему, является источником сведений о данном факте, т. е. доказательством нанесения обвиняемым ранения потерпевшему. Протокол задержания на месте преступления лица, совершившего кражу, и свидетельские показания лиц, присутствовавших при задержании этого лица, являются источниками сведений о данном факте, его доказательствами.

Во многих случаях доказательство выступает в качестве установленного из определенного источника факта, который служит основанием для вывода о другом, подлежащем установлению факте. По уголовным делам сплошь да рядом бывает, что тот факт, который подлежит установлению, например совершение данным лицом определенных действий, непосредственно из какого-либо источника установлен быть не может, так как его никто не наблюдал, и потому не может и свидетельствовать о нем. Но если по делу нет источников, из которых можно было бы установить данный факт — совершение данных действий определенным лицом, то могут быть источники, из которых можно установить другие факты, связанные с исследуемым фактом таким образом, что из них можно сделать вывод об этом факте.

Например, по делу о краже нет свидетелей, которые видели бы, как обвиняемый производил кражу, но посредством свидетельских показаний и протокола обыска устанавливаются такие факты, как пребывание обвиняемого в момент кражи в том месте, где была кража, нахождение у обвиняемого тех предметов, которые были похищены и др. В этом случае факт пребывания обвиняемого в месте совершения кражи и факт нахождения у него похищенных предметов в совокупности с другими обстоятельствами дела могут

служить основанием для вывода о факте совершения обвиняемым кражи, т. е. служить доказательствами этого факта.

Отсюда и вытекает двойное значение самого понятия доказательства: доказательство означает источник сведений о подлежащем установлению факте и доказательство же означает тот факт, из которого делается вывод о другом факте.

Тот факт, сложный по своему составу, который необходимо установить для правильного разрешения любого дела и правильное установление которого означает обнаружение по делу материальной истины, называется *главным фактом*. Таким образом, главный факт по любому делу это: а) событие преступления (или отсутствие этого события); б) совершение этого преступления данным лицом, обвиняемым (или несовершение им этого преступления); в) вина совершителя преступления в форме умысла или неосторожности (или отсутствия вины) и некоторые другие обстоятельства.

Главный факт является сложным фактом, во-первых, потому, что он включает в себя факты, являющиеся его составными частями, — факт преступления, факт совершения его данным лицом и факт наличия вины в действиях этого лица. Главный факт является сложным фактом, во-вторых, потому, что по любому делу он всегда фигурирует в двух формах — в положительной и отрицательной. Действительно, для того чтобы разрешить уголовное дело, следствие и суд в отношении каждой составной части главного факта должны убедиться в ее наличии или отсутствии. Первая, положительная форма главного факта: преступление было совершено, совершил его этот обвиняемый, в действиях обвиняемого есть вина (в форме умысла или неосторожности). Вторая, отрицательная форма допускает несколько вариантов: 1) преступление не было совершено; 2) преступление было совершено, но данное лицо (обвиняемый) его не совершало (совершил кто-то другой, не привлеченный по делу); 3) данное деяние (с его объективной стороны) было совершено и совершил его данный обвиняемый, но в его действиях нет субъективного элемента состава преступления, нет вины (ни умысла, ни неосторожности).

Главный факт — это событие, составляющее предмет исследования по данному делу, относительно которого есть данные о наличии в нем состава преступления со всеми его элементами (объективными и субъективными). Главный факт — это искомый факт, подлежащий установлению по делу. Поэтому, поскольку в процессе расследования главный факт еще неизвестен полностью, по поводу него могут быть различные мнения.

Сам главный факт один — это действительное положение вещей, но пока он еще не установлен, не доказан, по поводу него мо-

гут быть различные точки зрения, поэтому он и может фигурировать в процессе расследования и разбирательства дела как в положительной форме (обвиняемый совершил преступление), так и в отрицательной форме (обвиняемый не совершил преступления).

Тот факт, который по своему характеру в состав преступления не входит, а служит лишь основанием для установления существования или несуществования главного факта, называется *доказательственным фактом*. Доказательственный факт — это установленный из определенного источника факт, служащий доказательством главного факта.

Доказательственный факт сам должен быть доказан, он устанавливается из определенных источников (свидетельских показаний и др.), которые служат доказательствами его существования или несуществования.

Доказательства, как источники сведений о подлежащих установлению фактах, имеют, так сказать, универсальный характер в том смысле, что все факты — как главный факт, так и доказательственные факты могут быть установлены только при помощи их. Действительно, любой факт может быть установлен только посредством источника, из которого следствие и суд черпают сведения об этом факте. Доказательства как источник сведений о подлежащих установлению фактах указаны в законе (ст. 58 УПК РСФСР). Посредством этих доказательств устанавливаются имеющие для дела значение факты, и любой факт может считаться установленным, если сведения о нем почерпнуты следователем и судом из какого-либо источника из числа указанных в ст. 58 УПК РСФСР (свидетельские показания, вещественные доказательства и др.).

Доказательства же как доказательственные факты такого универсального, необходимого и обязательного характера не имеют, и не всегда главный факт устанавливается при их помощи. Источники сведений о подлежащих установлению фактах, из числа указанных в ст. 58 УПК РСФСР, могут содержать сведения о главном факте; в этом случае доказательства как источники служат доказательством главного факта без посредства доказательственного факта.

Так, если свидетели показывают, что они видели, как обвиняемый совершил преступление, — их показания являются доказательствами главного факта, т. е. совершения обвиняемым преступления. В этом случае доказательство как источник содержит сведения о главном факте, и доказательственный факт отсутствует.

Доказательство как доказательственный факт имеет место в тех случаях, когда доказательство как источник сведений о фактах содержит сведения не о главном факте, а о другом факте, который в свою очередь является доказательством главного факта. Пример был

приведен выше: свидетельскими показаниями доказывалось нахождение обвиняемого в то время, когда происходила кража, в месте совершения кражи, протоколом обыска доказывалось нахождение у обвиняемого похищенных вещей сейчас же вслед за совершением кражи, а опознанием этих вещей потерпевшим доказывает, что эти вещи именно те, которые были похищены. Всеми этими фактами — нахождением обвиняемого в месте кражи, нахождением у него похищенных вещей и именно тех, которые были похищены у потерпевшего, доказывается (конечно, в совокупности с другими обстоятельствами дела) совершение обвиняемым кражи, т. е. главный факт.

Таким образом, имеются две формы доказывания — прямая, в которой источник сведений о факте служит доказательством главного факта, и косвенная, в которой источник сведений о факте служит доказательством доказательственного факта, а доказательственный факт в свою очередь служит доказательством главного факта.

На этом различии главного и доказательственного фактов и соответственно прямой и косвенной формы доказывания основано деление всех доказательств на *прямые и косвенные*.

Прямые доказательства — это доказательства, указывающие на главный факт, т. е. на совершение обвиняемым преступления. Доказательство считается прямым, если оно указывает именно на эту основную составную часть главного факта, а не на ту или иную деталь главного факта, например время совершения преступления,отягчающее или смягчающее обстоятельство и т. д. (в отношении таких обстоятельств отпадает обычно само различие прямых и косвенных доказательств). Косвенные доказательства — это доказательства, указывающие на доказательственный факт, который в свою очередь указывает на главный факт. Таким образом, доказательственный факт отсутствует в прямом доказательстве и имеется только в косвенном.

Существует мнение, что доказательственный факт наличествует в любом доказательстве, не только в косвенном, но и в прямом. Такова точка зрения проф. М. М. Гродзинского, который следующим образом изображает прямое доказательство: «Если свидетель в своем показании заявляет, что он был очевидцем убийства, совершенного обвиняемым, и если суд после рассмотрения и оценки этого показания признает его правильным, т. е. признает, что свидетель действительно наблюдал указанные действия обвиняемого, то отсюда прямо и непосредственно последует вывод о доказанности основных искомых фактов данного дела. Поэтому здесь доказательственный факт — наблюдение свидетелем действий обвиняемого — является прямым доказательством, а показание свидетеля-очевидца — источником прямого доказательства».

Приведенный проф. Гродзинским пример — пример действительно прямого доказательства: свидетельские показания очевидца преступления являются доказательством главного факта, т. е. совершения обвиняемым убийства. Но где же здесь доказательственный факт? Автор усматривает его в факте наблюдения свидетелем действий обвиняемого. Таким образом, получается, что факт наблюдения свидетелем совершения обвиняемым преступления есть доказательственный факт, доказывающий, что обвиняемый совершил преступление. Из этого примера можно видеть, что проф. Гродзинский придает понятию доказательственного факта своеобразное значение. Ведь не факт наблюдения свидетелем преступления является доказательством этого преступления, доказательством является то, что сообщает следствию и суду наблюдавший этот факт свидетель, т. е. его показания. Факт наблюдения свидетелем преступления не доказательство преступления, а необходимое условие для образования доказательства. Для того чтобы свидетель мог дать показания о данном факте, он должен его воспринять, и это восприятие (наблюдение) есть стадия формирования свидетельского показания как доказательства, но не доказательственный факт.

Но допустим, что доказательственный факт есть в прямом доказательстве, как это утверждает проф. Гродзинский,— в данном примере факт наблюдения свидетелем события преступления. Как же тогда обстоит дело с доказательственным фактом в косвенном доказательстве? Проф. Гродзинский для пояснения сущности косвенного доказательства приводит такой пример: свидетель показывает, что он видел, как обвиняемый убежал из того дома, в котором потерпевший был найден убитым. В этом случае факт бегства обвиняемого из дома, где произошло убийство, является доказательственным фактом, который в совокупности с другими доказательственными фактами может послужить основанием для установления главного факта — совершения обвиняемым убийства. Пример вполне правильный. Но если в приведенном выше примере прямого доказательства, согласно М. М. Гродзинскому, доказательственным фактом является факт наблюдения свидетелем убийства, то в примере косвенного доказательства доказательственным фактом будет факт наблюдения свидетелем бегства обвиняемого из дома, где совершено убийство. Таким образом, в косвенном доказательстве оказывается не один, а два доказательственных факта: первый доказательственный факт — факт наблюдения свидетелем бегства обвиняемого, второй доказательственный факт, доказываемый первым,— факт самого бегства обвиняемого, и этот второй доказательственный факт служит доказательством главного факта — убийства.

Но проф. Гродзинский такого вывода не делает и усматривает в косвенном доказательстве лишь один доказательственный факт, в данном случае факт бегства обвиняемого. В этом проф. Гродзинский совершенно прав — именно в том, что не считает доказательственным фактом факт наблюдения свидетелем бегства обвиняемого. Но тогда нельзя считать доказательственным фактом в прямом доказательстве факт наблюдения свидетелем совершения обвиняемым убийства.

Поэтому следует прийти к выводу, что доказательственный факт имеется только в косвенном доказательстве, а в прямом его нет, так как в нем источник доказательства непосредственно устанавливает главный факт, и именно по признаку отсутствия или наличия доказательственного факта различаются доказательства прямые и косвенные.

В дальнейшем изложении нам придется вернуться к вопросу о прямых и косвенных доказательствах и рассмотреть их подробно с точки зрения методов доказывания, сейчас же мы на этом вопросе останавливаемся только в связи с уяснением самого понятия доказательств в уголовном процессе.

Мы указывали на двойное значение понятия доказательства в уголовном процессе — доказательство как источник сведений о подлежащем установлению факте и доказательство как факт (доказательственный факт), из которого дается вывод о подлежащем установлению факте (т. е. главном факте). Это двойное значение понятия доказательства несомненно осложняет пользование самим термином «доказательство», который применяется для обозначения двух различных хотя и связанных, но не тождественных объектов. Этим объясняются встречающиеся иногда попытки установить единое понятие доказательства и тем самым избежать двойственного значения этого термина.

Одна из таких попыток принадлежит проф. Гродзинскому, трактовку которого по вопросу о доказательственном факте мы рассмотрели. Проф. Гродзинский именует доказательством только доказательственный факт, а доказательство как источник сведений о факте именует «источником доказательства», но не доказательством.

Указав, что решение вопросов о событии преступления, о виновности совершившего его лица и об отягчающих и смягчающих обстоятельствах достигается при помощи доказательств, автор пишет: «Факты, на основе которых разрешаются указанные вопросы, являются фактами доказательственными, служат доказательствами в уголовном процессе; сведения же об этих фактах суд получает из показаний свидетелей и обвиняемого, из заключения экспертов, из

вещественных доказательств и письменных документов, которые представляют собой источники доказательств».

Нельзя согласиться с такой трактовкой вопроса. Прежде всего, она расходится с терминологией действующего уголовно-процессуального законодательства: ст. 58 УПК РСФСР называет показания свидетелей, заключения экспертов и т. д. доказательствами, а не источниками доказательств. Это же укоренилось и в судебной практике. По терминологии проф. М. М. Гродзинского даже вещественное доказательство не доказательство, а источник доказательства. Далее, признание доказательством только факта, а не источника сведений о факте приводит к неправильному выводу, что и прямое доказательство — это доказательственный факт.

Очевидно, нельзя устранить двойное значение понятия судебного доказательства, так как это двойное значение действительно присуще доказательствам. Факты, имеющие значение для дела, устанавливаются именно при помощи источников сведений об этих фактах; эти источники сведений (показания и др.) являются доказательствами этих фактов и ничем иным быть не могут. С другой стороны, некоторые факты, доказываемые посредством определенных источников, в свою очередь служат доказательствами других фактов, подлежащих установлению по делу. Из известных фактов делается вывод о неизвестных фактах. Таково объективное положение вещей в отношении доказательств, и его приходится принять как таковое, как бы соблазнительно ни казалось упростить вопрос и установить для понятия доказательства только одно значение.

Такое различие двух значений понятия доказательства, имеющее свое основание в объективных свойствах судебных доказательств, имеет большой практический смысл и вовсе не является надуманным, искусственным. Действительно, в практической судебной и следственной работе при исследовании обстоятельств уголовного дела, при оценке доказательств следствию и суду приходится оценивать как источники сведений о фактах, так и факты, установленные посредством этих источников, с точки зрения их доказательственной силы.

Оценка источника сведений о подлежащем установлению факте заключается в установлении доброкачественности этого источника, достоверности содержащихся в нем сведений. Так, оценка показаний свидетеля о каком-либо факте заключается в том, чтобы убедиться, показывает ли свидетель правдиво, добросовестно или лжет, а если показывает правдиво, то объективно правильны ли его показания, точно ли он воспринял и передает факт, о котором он показывает, не ошибается ли он. Именно так оценивается каждый источник сведений о подлежащем установлению факте, и без такой

оценки, являющейся результатом тщательного исследования доказательства, сопоставления его с другими доказательствами, проверки его всеми доступными способами суд и следствие не могут сделать из доказательства правильные выводы, т. е. не могут считать установленным, доказанным тот факт, сведения о котором почерпнуты из данного источника.

Когда такая оценка источника сведений о факте с точки зрения его доказательственной силы произведена и доказываемый при помощи этого источника факт можно считать установленным с достоверностью, задача суда и следствия при оценке доказательства еще не закончена. Если доказан доказательственный факт, необходимо оценить этот факт в отношении его доказательственной силы — доказывает ли он в совокупности с другими доказательствами главный факт. Может оказаться, что с полной достоверностью доказанный доказательственный факт все же не служит достаточным основанием для того, чтобы считать главный факт установленным. Например, свидетельскими показаниями с полной достоверностью и несомненностью доказан факт угрозы со стороны обвиняемого убийством потерпевшему, но этот доказательственный факт даже в совокупности с другими фактами может оказаться недостаточным для того, чтобы можно было признать обвиняемого виновным в убийстве. Такая двойная оценка доказательства сперва как источника, потом как доказательственного факта всегда необходима в отношении косвенных доказательств. В отношении же прямого доказательства, в котором отсутствует доказательственный факт, оценка доказательства ограничивается оценкой источника сведений о главном факте.

Как видно из всего изложенного выше, всякое доказательство подлежит оценке со стороны следствия и суда, которые должны в каждом отдельном случае определить доказательственную силу данного доказательства. Оценке подлежит источник сведений о данном факте с точки зрения доброкачественности, достоверности этого источника. Оценке подлежит и доказательственный факт с той точки зрения, насколько этот доказательственный факт доказывает главный факт. Поэтому само понятие доказательства еще не содержит признания доказательства правильным, верным, вполне доказывающим тот или иной факт.

Отнесение какого-либо источника сведений о факте или самого факта к доказательствам по делу вовсе не предreshает результатов оценки этого источника или факта, вовсе не означает, что это доказательство является истинным, убедительным. Если, например, свидетельское показание содержит указание на какой-либо факт, на совершение обвиняемым определенных действий — оно является доказательством по делу, но это не значит, что тот факт, которого ка-

сается это показание, является уже установленным: суд должен оценить показание свидетеля как доказательство, в одних случаях он признает это показание достоверным, в других — недостоверным и отвергнет его. То же самое имеет место и в отношении доказательственного факта. Если, например, по делу о краже установлено, что украденные вещи находились у обвиняемого, у которого они и были обнаружены, — этот факт является доказательством (одним из доказательств) виновности обвиняемого. Но это не означает, что этот факт предreshает вывод суда о виновности обвиняемого: суд должен оценить этот факт в совокупности со всеми обстоятельствами дела и в одном случае может признать обвинение доказанным, а в другом случае — недоказанным (например, если окажется, что обвиняемый приобрел обнаруженные у него вещи у другого лица, не зная их происхождения). Таким образом, доказательство — это то, что подлежит оценке с точки зрения его убедительности, его доказательственной силы, которая устанавливается следствием и судом в каждом отдельном случае, исходя из характера этого доказательства, из его доброкачественности, убедительности.

Двойное значение понятия доказательства, о котором выше было сказано, делает затруднительным определение понятия судебного доказательства по уголовным делам. Но такое общее определение все же должно быть дано. Наиболее подходящим нам представляется следующее определение: *судебными доказательствами по уголовным делам являются все фактические данные, которые в предусмотренных уголовно-процессуальным законом формах устанавливают или опровергают событие преступления, совершение его определенным лицом, вину этого лица и иные обстоятельства, имеющие значение для дела.* Понятие «фактические данные» в этом определении охватывает как источники сведений о фактах, доказывающие эти факты, так и доказательственные факты, доказывающие главный факт.

4

С понятием доказательства связано понятие улики. Каково соотношение этих понятий? Есть три решения этого вопроса в нашей процессуальной литературе.

Одно решение состоит в отождествлении улики с косвенным доказательством: уликой является всякое косвенное доказательство независимо от того, имеет ли оно уличающий обвиняемого или оправдывающий его характер. Такова точка зрения академика А. Я. Вышинского.

Другое решение вопроса о соотношении понятий улики и доказательства предложено проф. М. М. Гродзинским, который на-

зывает уликой косвенное доказательство уличающего характера, а не всякое косвенное доказательство.

Третье решение вопроса о соотношении понятий улики и доказательства, которого придерживается автор этой работы, состоит в том, что улика — это любое доказательство, как прямое, так и косвенное, уличающее обвиняемого в совершении преступления, т. е. доказательство, подтверждающее обвинение, доказывающее виновность обвиняемого в совершении преступления. Мы полагаем, что под уликой следует понимать то доказательство, которое уличает обвиняемого в совершении преступления, иначе это доказательство нет надобности называть уликой. Но, понимая под уликами уличающие обвиняемого доказательства, нет надобности ограничивать их косвенными доказательствами. Прямое доказательство, уличающее обвиняемого в преступлении, несомненно является уликой. Поэтому вполне можно говорить о прямых уликах и о косвенных уликах.

Эта точка зрения, во-первых, соответствует этимологическому значению слова «улика» (от «уличать»), а во-вторых, она находится в полном соответствии с действующим процессуальным законом. Понятию улики придает только обвинительное значение сам действующий закон. Ст. 204 УПК РСФСР предусматривает прекращение дела за недостаточностью улик для предания обвиняемого суду, а ст. 326 УПК РСФСР предусматривает вынесение судом оправдательного приговора ввиду недостаточности улик для осуждения. Разумеется, под уликами здесь имеются в виду доказательства обвинительного характера, так как именно их недостаточность или отсутствие влечет прекращение дела или вынесение оправдательного приговора.

Далее, когда ст. 204 и 326 УПК РСФСР говорят о прекращении дела и о вынесении оправдательного приговора ввиду недостаточности улик, они имеют в виду недостаточность уличающих обвиняемого доказательств не только косвенных, но и прямых. Действительно, почему следует прекратить дело или оправдать подсудимого, если по делу недостаточно только косвенных доказательств, уличающих обвиняемого? Разумеется, этот же результат наступит, если по делу недостаточно и прямых доказательств уличающих обвиняемого ". Таким образом, с нашей точки зрения, уликами являются прямые и косвенные доказательства, устанавливающие виновность обвиняемого в совершении преступления.

Изложенное выше приводит нас к разрешению общего вопроса о возможности различить доказательства обвинительные; т. е. уличающие обвиняемого, и оправдательные, т. е. оправдывающие

обвиняемого²⁵. Это деление доказательств — деление по их предмету, по их отношению к обвинению, предъявленному обвиняемому. Вопрос этот спорный. Против такого деления высказывается А. Я. Вышинский.

Действительно, деление доказательств на обвинительные и оправдательные имеет условный характер, относительное значение.

Нередко бывают случаи, когда доказательство, представляющееся обвинительным, в процессе дальнейшего исследования превращается в оправдательное, равно как и доказательство, казавшееся оправдательным, в дальнейшем может оказаться обвинительным. Судебно-следственная практика знает множество случаев такого «превращения» доказательств. Встречаются случаи, когда свидетель, который был вызван в суд по требованию прокурора и показаниями которого прокурор рассчитывал подкрепить обвинение, в результате перекрестного допроса давал такие показания, которые не подтверждали обвинение, а решительно подрывали его основу. Бывает и обратное явление: свидетель, вызванный по просьбе защитника с расчетом полчить оправдывающие обвиняемого данные, неожиданно для защитника давал показания, неблагоприятные для обвиняемого.

Необходимо учесть и то, что отнесение того или иного доказательства к обвинительным или оправдательным во многом зависит от субъективной точки зрения участников процесса и только в результате исследования доказательства и его оценки можно точно установить его характер — обвиняет или оправдывает оно обвиняемого, служит для подтверждения обвинения или свидетельствует в пользу обвиняемого.

Далее, если мы возьмем какое-либо более или менее сложное уголовное дело и попытаемся распределить все собранные по делу доказательства между двумя группами — обвинительными и оправдательными, мы увидим следующее:

Некоторые доказательства в силу того, что они имеют явно избыточающий обвиняемого характер, очень легко и просто будут отнесены к группе обвинительных доказательств (например, показания свидетеля-очевидца преступления, заключение эксперта,

²⁵ Следует отметить такое обстоятельство: термину «улика» в иностранных языках соответствуют термины, непосредственно не придающие этому доказательству именно уличающего, обвиняющего характера. Улика по-французски — *indice*, по-немецки — *Indiz* (*Indizen*), что означает признак, показатель, указывающее обстоятельство, т. е. доказательство, свидетельствующее о каком-либо факте, не обязательно уличающего порядка. Если уликой называть то, что означает *indie*, *Indiz*, тогда, конечно, она будет означать всякое косвенное доказательство, а не только уличающее, подтверждающее обвинение. Но в русском языке слово улика имеет вполне определенно и ясно выраженный смысл доказательства, уличающего, обвиняющего, и от этого смысла нет оснований отступать.

указывающего на то, что подложный документ составлен рукой обвиняемого). Некоторые доказательства в силу того, что они явно свидетельствуют в пользу обвиняемого, опровергают обвинение, без всякого труда уложатся в группу оправдательных доказательств (например, алиби).

Далее, некоторые доказательства будут представляться спорными в данном отношении — к каким они должны быть отнесены, к обвинительным или оправдательным. То или иное доказательство может быть использовано по-разному: в пользу обвинения и в пользу обвиняемого в зависимости от того, в какую связь его поставить с различными обстоятельствами дела. Затем некоторые доказательства могут содержать вообще различные данные, из которых одни имеют обвинительный характер, другие — оправдательный.

Все изложенное выше подтверждает положение об условности, относительности разделения доказательств на обвинительные и оправдательные. Тем не менее, это деление доказательств имеет немаловажное значение и отказаться от него нет оснований.

Хотя резкая грань между обвинительными и оправдательными доказательствами не может быть проведена, все же в общей совокупности доказательственного материала, собираемого и исследуемого по уголовному делу, всегда необходимо выделять и различать доказательства, уличающие обвиняемого, и доказательства, оправдывающие его. Такое выделение этих двух групп доказательств по уголовному делу абсолютно необходимо, без этого дело не может быть правильно расследовано и разрешено.

Предметом уголовного дела является обвинение определенного лица в совершении конкретного преступления. Это обвинение может быть основано на определенных доказательствах, подтверждено ими, иначе обвинение будет необоснованным, голословным. Эти доказательства, на которых основано обвинение, при правильном построении следствия и судебного разбирательства выделяются из всех материалов дела очень точно и отчетливо, так что в любой момент производства по делу можно точно указать и прямо перечислить доказательства, на которых основано обвинение.

Далее, часто по уголовному делу имеются те или другие данные, служащие к оправданию обвиняемого. Эти данные всегда необходимо точно выяснить и исследовать, без чего дело не может быть правильно разрешено. Пока в деле имеется какое-либо доказательство, противоречащее обвинению, оправдывающее обвиняемого, пока это доказательство не опровергнуто — обвинение не может считаться доказанным. Эти доказательства и являются оправдательными. Далее, в уголовном деле некоторые доказательства усиливают обвинение, устанавливают отягчающие вину обвиняемого обстоятельст-

ва, другие доказательства, наоборот, устанавливают смягчающие вину обстоятельства; первые из них должны быть отнесены к обвинительным доказательствам, вторые — к оправдательным.

Излагаемая нами точка зрения находит свое подтверждение в ст. III УПК РСФСР, которая возлагает на следователя обязанность выяснить как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, оправдывающие его, а равно обстоятельства, как усиливающие ответственность обвиняемого, так и смягчающие ее. Это и есть то основание, по которому различаются доказательства обвинительные и оправдательные: обвинительные доказательства — это те, которые устанавливают обстоятельства, уличающие обвиняемого и отягчающие его ответственность, а оправдательные доказательства — это те, которые оправдывают обвиняемого и смягчают его ответственность.

В уголовном процессе различаются процессуальные функции обвинения и защиты. Из этого и вытекает различение обвинительных и оправдательных доказательств: обвинительные доказательства служат целям уголовного преследования, обвинения, оправдательные доказательства — целям защиты.

Различение обвинительных и оправдательных доказательств в указанном выше смысле достаточно отчетливо укоренилось в судебной практике. В руководящем указании Пленума Верховного суда СССР «О судебном приговоре» (постановление Пленума от 28 июля 1950 г. № 13/9у) сказано, что при вынесении обвинительного приговора суд должен указать доказательства, положенные в основу обвинения, и привести мотивы, в силу которых суд принял эти доказательства и отверг доказательства, оправдывающие обвиняемого; при вынесении оправдательного приговора суд должен указать обстоятельства, опровергающие доказательства, на которых было основано обвинение по обвинительному заключению.

Пленум Верховного суда СССР, как видим, различает, разграничивает доказательства, положенные в основу обвинения, и доказательства, положенные в основу оправдания. Первые и являются обвинительными доказательствами, вторые — оправдательными.

Обвинительные доказательства могут быть как прямыми, так и косвенными. Равно и оправдательные доказательства могут быть как прямыми, так и косвенными. Например, показание свидетеля очевидца о том, что он видел совершение обвиняемым преступления, есть прямое обвинительное доказательство. Заключение эксперта, что подложный документ (по делу о подлоге) написан не рукой обвиняемого, есть прямое оправдательное доказательство. Показание свидетеля о том, что он видел, как обвиняемый бежал с места, где произошло убийство, есть косвенное обвинительное доказатель-

ство. Заключение эксперта по делу об убийстве, что кровь, обнаруженная на одежде обвиняемого, не есть кровь человека, — косвенное оправдательное доказательство.

Различение прямых и косвенных улик, т. е. обвинительных доказательств, практически трудностей не представляет. Само разделение прямых и косвенных доказательств относится, прежде всего, и главным образом к обвинительным доказательствам, т. е. уликам. Действительно, когда говорят о прямых и косвенных доказательствах, обычно имеют в виду доказательства виновности, т. е. обвинительные доказательства. Прямое доказательство прямо указывает на совершение обвиняемым преступления, т. е. на главный факт, косвенное же Доказательство указывает не на главный факт, а на доказательственный факт, который в свою очередь в совокупности с другими фактами указывает на главный факт, т. е. на совершение обвиняемым преступления. Практически и теоретически именно для обвинительных доказательств возникло их разделение на прямые и косвенные [...]

В отношении оправдательных доказательств их разделение на прямые и косвенные является значительно более сложным, так как всякое оправдательное доказательство направлено не на установление виновности обвиняемого в совершении преступления, а на ее полное или частичное опровержение. В силу того, что оправдательные доказательства имеют значение как противовес обвинительным доказательствам, их разделение на прямые и косвенные значительно более сложно и практически более трудно.

Прямое оправдательное доказательство прямо указывает на невиновность обвиняемого, его содержанием является прямое утверждение, что преступление не было совершено или, хотя и было совершено, но обвиняемый его не совершил. Оправдательное косвенное доказательство на невиновность обвиняемого не указывает прямо, но указывает на какой-то побочный доказательственный факт, который в совокупности с другими фактами может привести к выводу о невиновности обвиняемого.

Прямые оправдательные доказательства очень легко различимы тогда, когда они направлены на то, чтобы установить отсутствие самого события преступления. Например, по делу об убийстве экспертиза дала заключение, что смерть потерпевшего последовала в результате самоубийства. Ясно, что это прямое оправдательное доказательство. Другой пример: по делу о превышении власти должностным лицом свидетельское показание или документ содержат утверждение, что совершение действий, приписываемых должностному лицу, входило в круг его полномочий; несомненно, что это тоже прямое оправдательное доказательство.

Косвенные оправдательные доказательства легко различимы тогда, когда они направлены на то, чтобы парализовать действие какого-либо косвенного обвинительного доказательства. Например, если в качестве косвенного обвинительного доказательства по делу об убийстве фигурирует факт угрозы, произнесенной обвиняемым по адресу потерпевшего, то косвенным оправдательным доказательством будет всякое доказательство, указывающее на отсутствие этого факта угрозы или на несерьезный, шуточный характер этой угрозы.

Но могут быть случаи более сложного порядка. Например, потерпевший, допрошенный в качестве свидетеля по делу о разбойном нападении, дает показание, что в обвиняемом он опознает лицо, нападавшее на него. Несомненно, это прямое обвинительное доказательство. Другой свидетель показывает, что потерпевший в беседе с ним сказал ему, что он не мог узнать напавшее на него лицо из-за темноты и волнения. Показание второго свидетеля направлено на опровержение показаний первого свидетеля, потерпевшего, оно, несомненно, является оправдательным доказательством. Но каким — прямым или косвенным? Следует признать, что это показание является косвенным доказательством, хотя оно и направлено против прямого обвинительного доказательства, доказывая его ложность. Это показание является косвенным оправдательным доказательством потому, что оно прямо не указывает на невиновность обвиняемого, на несовершение им разбойного нападения, оно лишь устанавливает факт противоречия в высказываниях потерпевшего и подрывает доверие к показаниям последнего. Этот факт, т. е. то, что потерпевший до допроса говорил не то, что он говорил на допросе, есть факт доказательственный, который в совокупности с другими фактами может привести к выводу о невиновности обвиняемого.

Еще сложнее обстоит дело с вопросом о так называемом алиби. Алиби есть доказательство, устанавливающее факт нахождения обвиняемого в тот момент, когда совершалось преступление, в другом месте, вследствие чего он физически не мог совершить данное преступление. Доказательство, подтверждающее алиби обвиняемого, — это, несомненно, оправдательное доказательство. Какое же оно — прямое или косвенное? В процессуальной литературе обычным является утверждение, что алиби есть прямое оправдательное доказательство. Проф. М. М. Гродзинский так и пишет: «Алиби обвиняемого представляет собой оправдательное прямое доказательство...».

Проф. Гродзинский прав в том отношении, что в практике обычно алиби является таким доказательством, которое наиболее решительно опровергает обвинение в его основе, доказывает не-

виновность обвиняемого в совершении преступления и, как правило, является прямым оправдательным доказательством. Но в качестве общего и абстрактного правила этого все же установить нельзя.

Алиби нельзя рассматривать как какую-то особую категорию доказательств. Алиби означает факт отсутствия обвиняемого в месте, где было совершено преступление, во время его совершения. Этот факт может иметь самые различные значения по разным делам в зависимости от конкретных фактических обстоятельств каждого дела. В одних случаях доказанное алиби означает несомненную невиновность обвиняемого — в тех случаях, когда обвиняемому инкриминируется непосредственное и личное совершение определенных действий в определенном месте и в определенное время. Если в этих случаях установлено, что в момент совершения преступления обвиняемого не было в том месте, где преступление было совершено, — это означает, что обвиняемый преступления не совершал, что он невиновен.

Но в ряде случаев, когда при расследовании дела или судебном разбирательстве делается ссылка на алиби обвиняемого, факт его нахождения во время совершения преступления в другом месте (и следовательно, его отсутствие в месте совершения преступления) представляет собой лишь один из фактов рассматриваемого дела, который может иметь то или иное доказательственное значение в зависимости от его связи с другими фактами дела. Поэтому данный факт, как и всякий другой факт, подлежит оценке в совокупности со всеми обстоятельствами дела; в одном случае он приводит суд (и следствие) к выводу о невиновности обвиняемого, в другом случае лишь видоизменяет обвинение, в третьем случае вообще не служит основанием для какого-либо вывода.

По многим делам, где фигурирует доказательство алиби, следователю и суду приходится учитывать различные обстоятельства, например расстояние от Места нахождения обвиняемого до места совершения преступления, доступный для обвиняемого способ сообщения с местом совершения преступления (не мог ли он все же успеть побывать на месте преступления). При этом следует иметь в виду, что алиби имеет силу прямого оправдательного доказательства при обвинении в непосредственном совершении преступления, в исполнении его. При обвинении же в соучастии в преступлении (подстрекательство, пособничество) алиби обычно является косвенным оправдательным доказательством или вообще не является доказательством (если отсутствие в месте совершения преступления не исключает возможности соучастия в этом преступлении).

Из изложенного следует такой вывод. Вели под алиби понимать доказательство нахождения обвиняемого в другом месте, когда

произошло исполнение преступления, то алиби может быть как прямым, так и косвенным доказательством в зависимости от обстоятельств дела. Алиби есть прямое доказательство, когда доказанный факт отсутствия обвиняемого в месте совершения преступления во время его совершения есть тем самым доказанный факт его невиновности, т. е. главный факт. Это имеет место в тех случаях, когда обвиняемому инкриминируется непосредственное личное совершение определенного действия в определенный момент времени. Например, обвиняемому инкриминируется совершение кражи в таком-то городе, па такой-то улице, в таком-то часу. Доказано, что обвиняемый именно в этом часу находился совсем в другом месте. Следовательно, его не было в месте совершения кражи. В этом случае алиби есть прямое доказательство: отсутствие обвиняемого в месте совершения преступления представляет собой не доказательство невиновности обвиняемого, а доказанную его невиновность, т. е. не доказательственный факт, а главный факт (в его отрицательной форме).

Алиби есть косвенное доказательство тогда, когда присутствие обвиняемого в другом месте и тем самым отсутствие в месте совершения преступления представляет собой один из доказательственных фактов по делу, из которого в совокупности с другими фактами в зависимости от его связи с ними может быть сделан вывод о невиновности обвиняемого. Например, по делу о злоупотреблении должностным лицом своим служебным положением факт отсутствия обвиняемого в месте его службы во время совершения преступной хозяйственной операции есть лишь доказательственный факт. В этом случае данный факт подлежит оценке *в совокупности* с другими фактами для выяснения возможности (или невозможности) того, что преступная операция производилась на основании ранее данных обвиняемым указаний, в связи с установленной им системой работы и т. д.

При излагаемой нами трактовке алиби может возникнуть сомнение, не придаем ли мы алиби, являющемуся прямым доказательством, характер формального доказательства и не устраним ли его оценку судом по внутреннему убеждению, сохраняя эту оценку лишь для алиби, являющегося косвенным доказательством. Конечно, это не так. Самый факт алиби, как и любой факт дела, доказывается при помощи доказательств, являющихся источником сведений о данном факте, — свидетельскими показаниями, письменными документами и т. д. Эти доказательства оцениваются судом в соответствии с общим принципом оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, эта оценка в полной мере относится к алиби

независимо от того, является ли оно прямым или косвенным доказательством.

В случае, когда алиби является прямым доказательством, доказанное алиби есть доказанная невиновность обвиняемого, но доказано ли это алиби или не доказано — решает суд по своему убеждению. В случае, когда алиби является косвенным доказательством, доказанное алиби еще не есть доказанная невиновность обвиняемого, а представляет собой лишь доказательственный факт, оцениваемый наряду с другими фактами дела.

Иными словами, оценка алиби как доказательства производится судом по общим правилам оценки доказательств. Если алиби есть прямое доказательство, его оценка, как и всякого прямого доказательства, имеет одну стадию: оценивается источник, устанавливающий факт присутствия обвиняемого в другом месте. Если алиби является косвенным доказательством, его оценка, как всякого косвенного доказательства, имеет две стадии: оценивается источник, устанавливающий факт присутствия обвиняемого и другом месте, а затем оценивается само алиби как доказательственный факт.

В обычном словоупотреблении в судебной практике под алиби обычно подразумевается лишь такой факт отсутствия обвиняемого в месте преступления, который прямо устанавливает невиновность обвиняемого, в противном же случае говорят о недоказанности, неустановлении алиби. Ничего неправильного в таком словоупотреблении нет, и с ним надо считаться. При этом всегда необходимо иметь в виду, что юридически алиби есть не больше и не меньше как факт отсутствия обвиняемого в месте совершения преступления во время его совершения, а какое значение имеет этот факт в каждом данном деле — зависит от его обстоятельств.

Нам представляется, что изложенная выше трактовка алиби имеет немалое практическое значение. Она устраняет возможность формального подхода к этому доказательству как к чему-то всегда и везде автоматически влекущему прекращение уголовного дела или вынесение оправдательного приговора. Алиби является очень сильным оправдательным доказательством, но это все же доказательство, сила и значение которого зависят от конкретных обстоятельств каждого уголовного дела.

Во всех случаях, когда имеется указание на алиби — в показаниях ли самого обвиняемого или в других доказательствах — это указание должно быть тщательно проверено следствием и судом с тем, чтобы с полной несомненностью было установлено, находился ли обвиняемый в момент, когда совершилось преступление, в другом месте или нет. Когда это обстоятельство установлено, оно должно быть оценено с той точки зрения, исключает ли оно обвинение или

не исключает. На необходимость тщательного исследования вопроса об алиби неоднократно указывал Верховный суд СССР, отменивший обвинительные приговоры, вынесенные по делам, по которым ссылки обвиняемого па алиби не были проверены.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КАК ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О ФАКТАХ

Факты, подлежащие установлению по делу и составляющие предмет доказывания, устанавливаются посредством определенных источников, содержащих сведения об этих фактах. Эти источники указаны в законе, и только посредством этих законных источников могут устанавливаться как главный факт, так и доказательственные факты. Эти источники перечислены в ст. 58 УПК РСФСР: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого. Этот перечень является исчерпывающим, он содержит все виды доказательств, рассматриваемых как источники сведений о подлежащих установлению фактах и являющихся средствами установления этих фактов. Перечисленные источники являются средствами обнаружения, установления по делу материальной истины.

Все перечисленные в ст. 58 УПК доказательства могут быть как прямыми, так и косвенными в зависимости от того, на какой факт — главный или доказательственный — они указывают. Показание свидетеля может прямо изобличать обвиняемого в совершении преступления, например, если свидетель как очевидец наблюдал совершение обвиняемым преступления (прямое доказательство); показание свидетеля может устанавливать побочный доказательственный факт, например бегство обвиняемого с места совершения преступления (косвенное доказательство). То же самое относится к объяснениям (показаниям) обвиняемого: обвиняемый может признать себя виновным и рассказать, как им было совершено преступление (прямое доказательство), но обвиняемый может, отрицая свою виновность, показать о таких фактах, которые служат косвенными уликами против него, например, о враждебных отношениях между ним и потерпевшим, о его па-хождении, пребывании в месте совершения преступления (косвенное доказательство).

Заключение экспертов обычно бывает косвенным доказательством, например когда эксперт по делу о хищении социалистической собственности устанавливает отсутствие оправдательных документов на известную сумму, или по делу об убийстве устанавливает, что обнаруженный на месте преступления след ноги совпадает со следом ноги обвиняемого. Но иногда заключение экспертов может быть

и прямым доказательством, например, когда по делу о подлоге экспертизы письма устанавливает, что подложный документ написан рукой обвиняемого.

Вещественные доказательства по большей части являются косвенными доказательствами, например обнаруженное у обвиняемого похищенное имущество или орудие, которым было совершено преступление. Но иногда вещественное доказательство является прямым доказательством, например, по делу о клевете или ложном доносе — собственноручно написанное обвиняемым клеветническое заявление.

Протоколы осмотра могут быть как прямыми, так и косвенными доказательствами в зависимости от характера тех предметов, которые подвергнуты осмотру. Так, если осмотрено вещественное доказательство, являющееся прямым доказательством, протокол осмотра также может быть прямым доказательством, а если осмотрено вещественное доказательство, являющееся косвенным доказательством, — и протокол осмотра будет косвенным доказательством; косвенным доказательством обычно является протокол осмотра места преступления, так как он фиксирует следы преступления, являющиеся доказательственными фактами. Что касается письменных документов, то они как доказательства могут быть самого различного содержания, могут относиться как к главному факту, так и к доказательственным фактам, в зависимости от чего они и являются прямыми или косвенными доказательствами.

Основное значение доказательства, рассматриваемого как источник сведений о факте (главном или доказательственном), состоит в том, что оно является необходимым средством установления этого факта. Поэтому основной вопрос, возникающий при проверке и оценке каждого доказательства, заключается в том, чтобы убедиться в *доброкачественности* источника сведений о факте, *достоверности* этих сведений. Только при помощи доброкачественных доказательств, содержащих достоверные сведения о подлежащих доказыванию фактах, может быть установлена материальная истина по делу. Для того чтобы можно было считать доказанным, установленным имеющий значение для дела факт, необходимо убедиться, что данный источник сведений доброкачествен, что содержащиеся в нем сведения достоверны.

Это основное и главное при пользовании любым доказательством безразлично, является ли оно прямым или косвенным. Если доказательство прямое — его положительная оценка приводит к установлению главного факта (целиком или в известной его части), по это возможно лишь тогда, когда следователь и суд убедились, что это доказательство является вполне доброкачественным источником

и что содержащиеся в нем сведения вполне достоверны. Если доказательство косвенное — его положительная оценка приводит к установлению доказательственного факта, но сам этот доказательственный факт может считаться установленным опять-таки лишь тогда, когда следствие и суд убедились в доброкачественности источника, в достоверности содержащихся в нем сведений.

Использование любого доказательства как средства установления факта (главного или доказательственного) не является однократным действием и всегда представляет собой определенный процесс. Этот процесс состоит из следующих стадий: 1) обнаружение доказательства, 2) восприятие и процессуальное закрепление доказательства, 3) проверка доказательства и 4) оценка доказательства.

Для того чтобы можно было воспользоваться доказательством для установления имеющего значение для дела факта, это доказательство, прежде всего, надо обнаружить — найти лицо, знающее о данном факте и могущее быть допрошенным в качестве свидетеля, разыскать вещественное доказательство (посредством обыска, осмотра) и т. д.

После того как доказательство обнаружено, для того чтобы его можно было использовать как средство установления имеющего значение для дела факта, оно должно быть воспринято судом (и следствием) с соблюдением установленных законом условий и процессуально закреплено, облечено в установленную законом процессуальную форму. Например, свидетель должен быть допрошен в установленном законом порядке, его показания должны быть запротоколированы, обнаруженное вещественное доказательство должно быть отмечено в протоколе осмотра или обыска, приобщено к делу постановлением следователя или определением суда, детально осмотрено, все его существенные признаки должны быть зафиксированы в протоколе осмотра. Без такого процессуального закрепления, оформления любой источник сведений о факте теряет доказательственную силу, перестает быть законным средством доказывания.

Для того чтобы обнаруженное, воспринятое и процессуально закрепленное доказательство могло послужить достаточным основанием для вывода о доказываемом факте, оно должно быть проверено. Проверка доказательства представляет собой совершение в отношении доказательства ряда действий, направленных на то, чтобы выяснить доброкачественность источника сведений о факте, достоверность этих сведений. Проверка доказательства может быть более или менее сложной в зависимости от характера доказательства, от фактических обстоятельств каждого конкретного дела.

Иногда эта проверка может быть очень легкой и быстрой, заключающейся в сопоставлении данного доказательства с другими

доказательствами, имеющимися в деле, и в анализе самого содержания доказательства с точки зрения точности и конкретности составляющих его сведений. Иногда же проверка доказательства может быть очень сложной и длительной, состоящей в собирании новых. доказательств, подтверждающих или опровергающих данное доказательство, в совершении в отношении этого доказательства таких действий, как допрос новых свидетелей по тому же обстоятельству, повторный допрос свидетеля, показания которого проверяются, устройство очной ставки, следственный эксперимент и т. д. Но в общем виде можно сказать, что ни одно доказательство без проверки его не может быть положено в основу выводов следствия и суда.

Содержащееся в ст. 57 УПК РСФСР принципиальное положение, что суд не связан никакими формальными доказательствами, означает, что любое доказательство принимается судом в качестве основы для разрешения дела лишь в меру убедительности этого доказательства, а убедительность его может быть установлена лишь в результате тщательной его проверки всеми возможными по обстоятельствам дела способами.

Доброкачественность доказательств как источников сведений о фактах устанавливается не по каким-либо формальным признакам, данным в общем виде, а конкретно, в связи с обстоятельствами каждого отдельного дела, в результате более или менее сложного исследования доказательства, его анализа. Нередко при анализе того или иного доказательства приходится извлекать из многих содержащихся в нем сведений отдельные факты и обстоятельства, являющиеся вполне достоверными, отбрасывая сведения неточные, неподтвердившиеся, явно неверные или сомнительные. Так, в показаниях свидетеля или обвиняемого могут содержаться отдельные сведения, правильность которых подтверждается другими обстоятельствами дела и не вызывает сомнения. А в то же время другие утверждения такой достоверностью не обладают в силу их неточности, противоречия другим данным дела, вследствие чего они в результате проверки следователем и судом отбрасываются, не кладутся в основу выводов по расследуемому и разрешаемому судом делу.

Заключительной, завершающей стадией процесса доказывания является оценка доказательства. Оценка доказательства — это вывод относительно того, является ли доказательство доброкачественным и установленный им факт доказанным с достоверностью. Оценка доказательства непосредственно примыкает к его проверке, отчасти переплетается с ней и определяется ею, но с ней не совпадает и от нее отличается. Проверка доказательства — это различные действия, совершаемые для того, чтобы убедиться в его правильности, оценка же — это вывод, решение относительно того, что данное доказа-

тельство правильно (или неправильно), что установленный им факт в действительности имел место (или не имел места).

О принципах оценки доказательств в советском уголовном процессе мы уже говорили в первой части нашей работы, сейчас же нам придется остановиться по преимуществу на методической и логической стороне проблемы оценки доказательств.

Основное положение здесь состоит в том, что ни одно доказательство, как источник сведений о том или ином факте, не может быть правильно оценено, если его брать изолированно от других доказательств, от всей совокупности обстоятельств дела. Предположим, свидетель дал показания по поводу какого-то факта. Можно ли считать данный факт доказанным, если при оценке показаний свидетеля исходить только из самого этого показания, не связывая и не сопоставляя его с другими доказательствами и установленными ими фактами? Конечно, нельзя. Может быть, нет никаких оснований сомневаться в добросовестности этого свидетеля, но точно ли он воспринял и правильно ли передал виденное и слышанное им. не допустил ли ошибки, не забыл ли чего-нибудь — установить это можно, только оценивая это показание в связи со всеми обстоятельствами дела в их совокупности.

Несколько особо стоит вопрос об экспертизе. Предположим, по делу об убийстве эксперт дал заключение, что во внутренностях потерпевшего обнаружен яд и смерть последовала от отравления. Конечно, причина смерти устанавливается заключением эксперта, а не каким-либо иным доказательством. Но, во-первых, само заключение эксперта нуждается в проверке, и принципы советской теории доказательств запрещают рассматривать заключение экспертов как формальное доказательство, а предписывают оценивать его, как и всякое иное доказательство, по внутреннему убеждению судей, сложившемуся в результате рассмотрения всей совокупности обстоятельств дела (ст. 298 и 319 УПК РСФСР). А во-вторых, сделать вывод из этого доказательства о том, что в данном случае имело место именно убийство, на основе одного только заключения эксперта, конечно, нельзя; такой вывод сделать можно на основе заключения эксперта только в совокупности с другими доказательствами, которые устанавливают обстоятельства убийства, мотивы его совершения и т. д.

Изложенное положение не следует понимать так, что для каждого факта, устанавливаемого по делу, нужно обязательно несколько доказательств. Дело не в количестве доказательств, а в их качестве и взаимной связи. Тот или иной факт может устанавливаться по делу каким-либо одним доказательством, по считать этот факт вполне установленным, доказанным, достоверным можно лишь тогда, когда

это доказательство согласуется с другими доказательствами, относящимися к другим фактам, связанным с данным фактом, а не противоречит им.

Действительно, если одно доказательство устанавливает один факт, например совпадение следов на месте преступления со следами обуви обвиняемого, а другое доказательство, например показание свидетеля, устанавливает, что обвиняемый в момент совершения преступления находился совсем в другом месте,— сделать вывод, что обвиняемый действительно был на месте преступления в момент совершения преступления можно, только устранив это противоречие, оценив оба эти доказательства в связи со всеми другими доказательствами, иначе идентификация может оказаться ошибочной, основанной на случайном совпадении признаков следа. Может оказаться и то, что обвиняемый действительно был на месте преступления, но не в тот момент, когда совершилось преступление, а раньше или позже.

Но может возникнуть вопрос такого рода: как быть в том случае, когда по делу имеется только одно доказательство, например одно показание свидетеля, а других доказательств нет? Сказать, что одно доказательство недостаточно,— не значит ли стать на позиции теории формальных доказательств? Сомнение наше сейчас же рассеется, как только мы обратимся к любому правильно расследованному уголовному делу: мы всегда найдем в нем определенную сумму доказательств.

Если же в том или ином случае приговор основывается только на одном, совершенно изолированном доказательстве — он не может быть признан обоснованным. В деле могут быть показания только одного свидетеля, но имеются и показания обвиняемого, который какие-то факты сообщает, имеется протокол задержания, в котором зафиксированы обстоятельства, при которых был задержан подозреваемый, и т. д., так что, если дело правильно расследовано, всегда есть совокупность обстоятельств, которые можно сопоставить, по которым можно оценить доказательства. Согласно ст. 319 УПК РСФСР, оценка доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их *совокупности*.

Значит, чтобы правильно оценить доказательство, нужна совокупность обстоятельств дела. А обстоятельства дела, как мы знаем, устанавливаются при помощи доказательств. Следовательно, по каждому делу, правильно расследованному, имеются различные доказательства, которые можно сопоставить друг с другом, проверить одно другим.

Доказательство, как источник сведений о фактах, очень редко представляет следствию и суду сведения об этих фактах в готовом виде. В одном и том же доказательстве содержатся различные сведения о различных фактах, важных и неважных, имеющих для дела значение и не имеющих такого значения. Одни сведения могут быть вполне определенными, категорическими, другие — расплывчатыми, туманными. Поэтому при пользовании любым доказательством над ним необходимо проделать более или менее сложную аналитическую работу, отделить существенное для дела от несущественного, конкретный факт от предположения, догадки, устранить возможную ошибку, неточность, как бы вылущить из всего того, что есть в данном источнике, только то, что касается действительно имеющих значение для дела фактов и что выражает эти факты правильно, достоверно.

Это очень ясно видно в свидетельских показаниях. Когда следователь или суд допрашивают свидетеля, свидетель сообщает о разных фактах и обстоятельствах. Переменяя изложение воспринятых им фактов сообщением своих личных предположений и впечатлений и сопровождая изложение важных для дела фактов всяческими отступлениями, сообщением того, что свидетеля почему-либо заинтересовало, но что к делу не относится. Конечно, следователь и суд при допросе свидетеля направляют его, сосредоточивают его на том, что относится к делу, и устраняют то, что к делу не относится, но это можно делать только в определенных пределах и с большой осторожностью, так как подобное регулирование дачи свидетелем показаний может сбить, дезориентировать свидетеля. Кроме того, заранее может и не быть известно, относится или не относится к делу то, о чем говорит свидетель. Поэтому, после того как показание свидетелем дано, следователю и суду всегда приходится анализировать это показание в том смысле, что из него выделяется существенное, относящееся к делу отделяется от неотносящегося, достоверное отделяется от неверного или сомнительного.

То же в не меньшей мере относится к любому другому виду доказательств. Например, вещественные доказательства обладают множеством свойств, признаков. Их все необходимо сохранить и зафиксировать при осмотре. Но доказательственное значение для установления относящихся к делу фактов имеют не все эти признаки и свойства вещественного доказательства, а только некоторые из них, которые и необходимо отделить от всех остальных при оценке вещественного доказательства, при использовании его для установления того или иного факта. По всем этим соображениям оценка доказательства как источника сведений о подлежащих установлению фактах не допускает никаких трафаретов и шаблонов, не позволяет

подходить к доказательствам формально, а требует в каждом отдельном случае глубокого проникновения в суть каждого доказательства, исследования связи данного доказательства со всеми другими доказательствами, со всей совокупностью обстоятельств конкретного уголовного дела.

Для оценки доказательств как источников сведений о подлежащих установлению фактах особо важное значение имеет различие *первоначальных* и *производных* доказательств. [...] Поскольку доказательство есть *источник* сведений о каком-либо факте, для оценки доказательства важно установить, какова степень близости этого источника к тому факту, сведения о котором источник содержит. Иными словами, является ли этот источник *первоисточником* сведений о факте, или он лишь воспроизводит эти сведения из другого источника. Первоначальные доказательства — это доказательства, являющиеся первоисточником сведений о факте, производные же доказательства — это источники, воспроизводящие сведения о факте из другого источника.

Так, показание свидетеля-очевидца о том факте, который был им непосредственно воспринят, есть первоначальное доказательство. Показание же свидетеля о том факте, который этим свидетелем непосредственно не был воспринят, но о котором свидетель слышал от другого лица, — то производное доказательство. Подлинный документ, являющийся доказательством, есть первоначальное доказательство, копия этого документа — производное доказательство.

Значение этого различия первоначальных и производных доказательств состоит в том, что доказательство производное, более удаленное от первоисточника сведений о данном факте, чем первоначальное, легче поддается искажению. Действительно, если какой-либо факт был непосредственно воспринят одним лицом, которое о нем передало второму, второе — третьему и лишь это третье лицо в качестве свидетеля давало показания суду, возможность ошибки, искажения значительно больше, чем в том случае, если бы свидетельское показание об этом факте давало то лицо, которое этот факт непосредственно восприняло.

При этом имеет значение степень удаленности производной доказательства от первоисточника сведений о подлежащем доказыванию факте: производное доказательство может быть, так сказать, доказательством из вторых рук, из третьих рук и т. д.[...]

Из изложенного вытекает ближайшая связь разделения доказательств на первоначальные и производные с *непосредственностью* уголовного процесса, являющейся одним из основных принципов советского уголовного процесса. Принцип непосредственности требует, чтобы между судом, разрешающим дело, и исследуемыми им

фактами было как можно меньше промежуточных звеньев, чтобы суд в своих выводах опирался на сведения о подлежащих установлению фактах, полученные из первоисточника, т. е. на первоначальные доказательства.

Следует ли из этого, что производные доказательства вообще должны быть исключены из уголовного процесса, что от них вообще следует отказаться? — Нет, не следует [...]

Производные доказательства в уголовном процессе имеют серьезное значение, которое состоит в следующем. Во-первых, производные доказательства являются средством обнаружения первоначальных доказательств, которые без них могли бы оказаться неизвестными следствию и суду. Например, свидетель дал показания о важных для дела фактах, о которых он узнал от другого лица. Тем самым следователь или суд узнают о лице, которое непосредственно данный факт восприняло, вызывают и допрашивают это лицо и тем самым через посредство производного доказательства получают первоначальное доказательство.

Во-вторых, производные доказательства служат средством проверки первоначальных доказательств. Например, свидетель дал показания о лично им воспринятом факте; это первоначальное доказательство. Но если есть данные, что свидетель об этом же факте рассказывал другому лицу (до допроса или после допроса), это последнее лицо должно быть вызвано и допрошено в качестве свидетеля для того, чтобы таким путем узнать, то же ли самое первый свидетель показал на допросе, что он говорил второму свидетелю в личной беседе с ним, или он говорил что-то другое. Если окажется, что свидетель на допросе изложил какие-либо события иначе, чем он излагал их в беседе с другим лицом, это обстоятельство может оказаться очень существенным для оценки показания свидетеля.

В-третьих, производные доказательства могут заменять первоначальные доказательства, если последние оказываются для следствия и суда недоступными. Например, смерть очевидца вынуждает ограничиваться показаниями других свидетелей, которые сами данный факт не воспринимали, но знают о нем со слов умершего очевидца. Возможно, что подлинный документ, могущий быть доказательством по делу, утрачен, уничтожен, тогда приходится пользоваться его копией. В этих случаях неизбежной замены первоначального доказательства производным к проверке и оценке последнего следует подходить особо осторожно и вдумчиво, так как в производном доказательстве, ввиду его большей или меньшей отдаленности от первоисточника сведений о доказываемом факте, легко может оказаться ошибка, искажение. Но если первоначальное доказательство не является недоступным для следствия и суда, оно должно

быть получено, хотя бы это было связано с трудностями для следствия и суда. Особенно это необходимо в тех случаях, когда имеющееся в деле производное доказательство оспаривается кем-либо из участников процесса.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 26 марта 1952 г. по делу Мансумова приговор был отменен по тому основанию, что суд признал обвиняемого виновным в составлении заведомо ложного документа, не приобщив к делу подлинника составленного обвиняемым документа, о чем ходатайствовал обвиняемый.

В определении Судебной коллегии сказано: «...ходатайство Мансумова как органами предварительного следствия, так и судом неосновательно было отклонено. Тем самым осужденный был лишен возможности доказать свою невиновность... Элементарные правила ведения расследования по уголовным делам требуют приобщения к делу документа, в неправильном составлении которого обвиняется то или иное лицо, в данном случае — Мансумов».

В перечне доказательств, содержащихся в ст. 58 УПК РСФСР, такие доказательства, как показания свидетелей и обвиняемого, заключения экспертизы и письменные документы, совершенно очевидно могут быть как первоначальными, так и производными. Вещественное доказательство по своей природе, как правило, является первоначальным доказательством, так как оно представляет собой индивидуальный, незаменимый предмет, но производным доказательством в отношении его является протокол осмотра вещественного доказательства. Вещественное доказательство является производным, например, в тех случаях, когда оно представляет собой гипсовый слепок следа ноги, обнаруженного на месте преступления при его осмотре: первоначальным доказательством был бы сам след, но его зафиксировать и сохранить можно только при помощи слепка, а равно измерения, описания и т. п.

Протокол осмотра часто является производным доказательством; таков, например, протокол осмотра вещественного доказательства, приобщенного к делу, который следователь производит в порядке ст. 189 УПК РСФСР, так как первоначальным доказательством является само вещественное доказательство. Но протокол осмотра — очень важное, необходимое доказательство, так как только при помощи протокола осмотра суд и стороны могут Удостовериться в том, что имеющееся при деле вещественное доказательство — это тот же самый предмет, который был приобщен к делу на предварительном следствии, и что он не подвергся изменениям, сохранил обнаруженные при его осмотре признаки.

Протокол осмотра может быть и первоначальным доказательством. Протокол осмотра места преступления, фиксирующий состояние этого места, расположение предметов на нем и т. д., — это первоначальное доказательство, так как оно фиксирует первоначальные сведения о том, в каком состоянии было место преступления в момент осмотра, что на нем было найдено, каково было расположение предметов на нем и т. д. Правда, суд может подвергнуть это место непосредственному осмотру в порядке ст. 301 УПК РСФСР, но осмотр — не доказательство, а процессуальное действие, направленное на собирание и проверку доказательств, доказательствами же являются сами предметы, обнаруженные при осмотре, и сам протокол осмотра. А затем осмотру суд может подвергнуть место преступления уже не в то время и не в том состоянии, в каком оно было в момент его осмотра на предварительном следствии. Поэтому протокол осмотра места преступления, удостоверяющий определенные факты в момент осмотра, является первоначальным доказательством для установления этих фактов.

Критерием оценки доказательств как источников сведений о подлежащих установлению фактах является внутреннее убеждение судей, основанное на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 319 УПК РСФСР). Это значит, что суд признает доказательство доброкачественным и содержащиеся в нем сведения достоверными, когда это доказательство убеждает суд в истинности устанавливаемого им факта. Но, как мы не раз уже имели возможность отмечать, в советском уголовном процессе внутреннее судебское убеждение не является просто усмотрением судей, их впечатлением.

Внутреннее судебское убеждение как критерий оценки доказательств не является произвольным и бесконтрольным, оно покоится на твердой основе тщательно исследованных фактов объективной действительности. Отсюда возникает проблема оснований оценки доказательств судом, т. е. оснований, обуславливающих вывод суда о доброкачественности одних доказательств, недоброкачественности других, о достоверности одних установленных доказательствами фактов и о недостоверности, ложности других. Доказательства — это средства установления материальной истины, и правильной оценкой доказательств будет лишь та, которая приводит суд к истине, т. е. к установлению фактов и обстоятельств рассматриваемого дела в соответствии с объективной действительностью. Каковы же основания, из которых исходит суд, придавая силу одним доказательствам и отвергая другие? [...]

Оценка доказательства, представляющая заключительный этап процесса доказывания, сама является сложным процессом. Эта

оценка заключается в том, что на основе уже произведенной тщательной проверки доказательства устанавливается, насколько это доказательство представляет собой доброкачественный источник сведений о том или ином факте, нет ли в нем дефектов, лишающих его достоверности, нет ли в деле каких-либо обстоятельств, вызывающих сомнение в правильности устанавливаемых фактов, подтверждается ли это доказательство другими доказательствами или противоречит им, и если противоречит — в чем причина этого противоречия и как оно разрешается.

К каждому виду доказательств, перечисленных в ст. 58 УПК РСФСР, предъявляются особые требования, исходящие из характера этого вида доказательств, но ни для одного из этих видов нельзя в общей и абстрактной форме установить правило, соответствие которому делало бы то или иное доказательство вполне достоверным или в той же мере недостоверным. Но если нельзя установить таких общих абстрактных правил оценки доказательств, то по каждому конкретному уголовному делу суд всегда может установить основания, в силу которых данное конкретное доказательство является (или не является) достоверным. Эти основания, вытекающие из обстоятельств данного конкретного дела и из характера данного конкретного доказательства, определяют оценку этого доказательства, т. е. вывод суда о достоверности или недостоверности содержащихся в нем сведений, о соответствии или несоответствии действительности устанавливаемого им факта.

В отношении каждого определенного вида доказательств предъявляются особые требования, обуславливающие в связи с обстоятельствами каждого конкретного уголовного дела вывод о его достоверности или недостоверности. Одни требования предъявляются к свидетельским показаниям, иные — к экспертизе, иные — к показаниям обвиняемого и т.д. Об этом в дальнейшем изложении будет сказано особо. Но к любому доказательству, к какому бы виду оно ни принадлежало, предъявляется такое требование: *доказательство должно подтверждаться другими обстоятельствами дела и не должно находиться в противоречии с ними*. Это очень важное положение, и оно нуждается в пояснении.

Противоречия между доказательствами, собранными по делу, всегда могут быть и часто бывают: один свидетель показывает одно, а другой свидетель по тому же факту показывает иначе, или обвиняемый в своих показаниях оспаривает то, о чем показывает свидетель, или экспертиза дает заключение, противоречащее тому, что показывают свидетели, и т. д. Такие противоречия в доказательствах по отдельным уголовным делам вполне возможны. Но из этого следует только одно: уголовное дело может быть правильно разрешено,

по нему может быть установлена материальная истина при том не-пременном условии, что в результате исследования всех обстоятельств дела и проверки всех доказательств эти противоречия устранены. Если противоречие в доказательствах по делу сохраняется, вывод суда (и следствия) по вопросу о событии преступления и о виновности обвиняемого не может считаться достоверным, истинным.

Разрешение противоречий в доказательствах достигается следующим образом. Возьмем такой пример: один свидетель как очевидец показывает, что он видел, как обвиняемый совершил приписываемое ему преступление, а другой свидетель устанавливает алиби обвиняемого. Оценка этих двух противоречащих друг другу показаний вовсе не сводится к тому, чтобы просто принять на веру одно показание и отбросить другое, а состоит в том, чтобы в результате тщательной проверки каждого показания установить основания, в силу которых одно показание, как соответствующее действительности, является достоверным, а второе, как противоречащее действительности, — ложным или ошибочным. Например, может быть установлено, что показание первого свидетеля-очевидца правильно, так как оно подтверждается другими показаниями свидетелей, видевших обвиняемого около места преступления незадолго до совершения преступления или после этого, а показание второго свидетеля (об алиби) неправильно, так как свидетель не мог вполне точно установить время нахождения обвиняемого вместе с ним.

Если все эти обстоятельства установлены, противоречия между доказательствами устраняются, и вывод суда, основанный на показаниях свидетеля-очевидца, может быть признан достоверным, правильным. Разумеется, это только пример, в каждом отдельном деле обстоятельства могут сложиться по-разному. Во всяком случае, при наличии противоречий в доказательствах по делу судом должны быть обсуждены и приведены основания, обуславливающие доверие суда к одним доказательствам и недоверие к другим.

Судебная практика твердо установила положение, что при противоречивости имеющихся в деле доказательств суд не может произвольно принять одни и отвергнуть другие — он должен конкретно указать, почему одни доказательства им принимаются как достоверные, другие отвергаются как неверные. Так, суд может признать обвинение доказанным только тогда, когда объяснения обвиняемого, отрицающего свою виновность, и оправдывающие обвиняемого доказательства опровергнуты; и наоборот, суд может отвергнуть обвинение и оправдать обвиняемого, только указав основания, в силу которых он не признает доказательства, на которых обвинение основано, достоверными, убедительными.

Доказательства являются источниками сведений о фактах, подлежащих установлению по делу, как о главном, так и о доказательственных. Способы доказывания этих фактов однородны независимо от того, доказываются ли главный факт или факты доказательственные. Доказательственный факт доказывается косвенным доказательством таким же образом, как главный факт доказывается прямым доказательством.

Например, свидетель-очевидец показывает, что он видел, как обвиняемый убил потерпевшего. Это прямое доказательство. Свидетель показывает, что он видел, как обвиняемый бежал с места убийства. Это косвенное доказательство, и при пользовании им факт бегства обвиняемого должен быть доказан так же точно и достоверно, как при пользовании прямым доказательством должен быть доказан факт убийства обвиняемым потерпевшего, т. е. главный факт. Нельзя найти различия в приемах оценки первого показания — прямого — и второго показания — косвенного; и в том и в другом случае источник сведений о факте (безразлично — главном или доказательственном) оценивается таким образом, чтобы убедиться в доброкачественности источника, устанавливающего этот факт.

Различие между прямым и косвенным доказательствами проявляется не в моменте оценки доказательства как источника сведений о факте, а после того как доказательство оценено и устанавливаемый им факт признан достоверным: при наличии прямого доказательства такая оценка приводит к установлению главного факта; при наличии косвенного доказательства предстоит еще оценка доказательственного факта как доказательства существования главного факта. По этим основаниям, когда рассматривают доказательства как источники сведений о фактах, способы их оценки не различаются в зависимости от того, прямые это доказательства или косвенные.

Но различие между прямыми и косвенными доказательствами как источниками сведений о фактах имеется в другом отношении, и оно состоит, прежде всего, в способах определения относимости этих доказательств. Рамки главного факта определяются нормами материального уголовного права, поэтому относимость прямых доказательств по каждому уголовному делу определяется сравнительно просто: все прямые доказательства, которые устанавливают (или опровергают) какой-либо элемент главного факта, являются относящимися и подлежат собиранию, закреплению, проверке и оценке. Иное дело — доказательственные факты, их рамки материальным уголовным правом не определяются, а потому определение относимости косвенных доказательств значительно сложнее, оно зависит от особенностей каждого конкретного дела, от способности того или иного факта служить доказательством главного факта.

Отличие в пользовании прямыми доказательствами от косвенных заключается также в том, что в оценке определенного прямого доказательства легче может быть допущена ошибка, и последствия этой ошибки могут быть более тяжелыми, чем при ошибке в оценке отдельного косвенного доказательства как источника сведений о доказательственном факте. Действительно, прямое доказательство непосредственно указывает на обвиняемого как на виновника совершения преступления, и положительная оценка этого доказательства, как правило, означает признание обвиняемого виновным. Например, если свидетель показывает, что он видел, как обвиняемый поджигал строение, принадлежащее потерпевшему, признание этого показания правильным означает тем самым признание совершения обвиняемым этих действий. Поэтому, если свидетель показал неправильно, а суд поверил его показанию, это означает неправильное в своей основе решение дела, осуждение невиновного человека (или оправдание виновного).

Несколько иначе обстоит дело с косвенным доказательством. Неправильная оценка косвенного доказательства как источника сведений о факте означает неправильное установление только отдельного доказательственного факта; еще предстоит оценка самого доказательственного факта как доказательства главного факта в совокупности с другими доказательственными фактами, и допущенная ошибка при этом может быть обнаружена и исправлена.

При этом имеет значение то обстоятельство, что заведомо ложным бывает обычно прямое доказательство и очень редко — косвенное. Действительно, если свидетель по каким-либо мотивам дает заведомо ложное показание, обычно это показание относится к главному факту, так как свидетель пытается либо ложно обвинить обвиняемого, либо ложно его оправдать. Для того же чтобы свидетель дал заведомо ложное показание о доказательственном факте, свидетель должен знать значение этого доказательственного факта, его связь с главным фактом, а это для свидетеля обычно недоступно. Конечно, возможность ложных доказательств, относящихся к доказательственным фактам, т. е. косвенных доказательств, не исключена, и практика знает такие случаи, но эта возможность более ограничена, чем при прямых доказательствах. Но несомненным является и то, что неправильное установление хотя бы одного доказательственного факта может разорвать всю цепь улик и повлечь неправильное разрешение всего дела, так как вся сумма доказательственных фактов, в которой оказался ложный факт, может дать искаженную картину обстоятельств дела и привести следствие и суд к неправильным выводам.

Л. Т. Ульянова
Оценка доказательств судом первой инстанции
Москва, изд-во "Юрид. лит-ра", 1959, с. 5-22

**СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ В
СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Понятие судебных доказательств

Суд является органом социалистического государства, осуществляющим правосудие. Советский суд имеет своей целью защиту от всяких посягательств общественного и государственного строя Союза ССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, прав и интересов граждан СССР, прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций. Советский суд призван обеспечивать точное и неуклонное исполнение законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР (ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик).

Осуществление задач социалистического правосудия по уголовным делам происходит путем разбирательства этих дел в судебных заседаниях и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных.

Решению вопросов о наличии преступления, виновности лица в его совершении и назначении ему наказания либо оправдания невиновных лиц предшествует исследование фактических обстоятельств дела.

Событие преступления и все другие обстоятельства, связанные с ним, относятся прошлому, ибо производство по уголовному делу возникает уже после того, как преступление совершено. Поэтому оно не может непосредственно наблюдаться лицом, его исследующим. Более того, если следователь, прокурор, судья случайно были свидетелями преступного события, они не могут участвовать в расследовании и разрешении уголовного дела в силу прямого запрещения закона.

Событие, являющееся предметом судебного разбирательства, всегда оставляет в памяти людей и на окружающих предметах разнообразные следы, по которым может быть восстановлен факт про-

шлого. Установление обстоятельств этого события происходит при помощи доказательств.

Доказательства являются **единственными** средствами познания фактов, исследуемых по уголовному делу. Выводы следственных органов и суда должны покоиться на изученных доказательствах. Никакие предположения, не опирающиеся на доказательства, не могут служить основанием для окончательного вывода о факте преступления и виновности обвиняемого.

Отсюда понятно, что большая часть деятельности органов следствия, прокуратуры и суда в процессе расследования и разрешения уголовного дела связана с выявлением, закреплением, проверкой и оценкой доказательств. Успех работы следственного аппарата и суда по борьбе с преступностью во многом зависит от умения находить доказательства, правильно разбираться в них, делать из них соответствующие действительности выводы о подлежащих установлению фактах уголовного дела.

Что же представляют собой доказательства, что надо понимать под доказательством в судебном праве? В процессуальной литературе даются различные решения этих проблем.

Некоторые советские процессуалисты считают, что судебными доказательствами являются источники, откуда черпаются сведения о существенных фактах. Так, проф. А. Ф. Клейнман, определяя понятие доказательства, пишет: «Средством установить действительные фактические обстоятельства являются доказательства, которые представляют не что иное, как источник, из которого суд получает необходимые сведения о юридических фактах, имеющих существенное значение для решения...».

Такая трактовка судебного доказательства является односторонней. Согласно этой точке зрения главное внимание обращается на работу с источниками сведения о фактах сами же сведения, фактические данные, на которых основываются выводы по делу, остаются в тени.

На практике такое одностороннее толкование доказательств приводит к серьезным ошибкам. Многочисленность источников сведений о фактах по конкретному делу может создать впечатление у следователей и судей, что вина подсудимого установлена, в то время как при анализе содержания этих источников можно легко убедиться в обратном из-за отсутствия или недостатка доказательственных фактов. Перенесение основного внимания в работе с доказательствами на источники сведений о фактах приводит к недооценке значения доказательственных фактов и вынесению неправильных приговоров.

Примером подобного подхода к исследованию и оценке доказательств может служить дело С. С. был предан суду по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за хищение из вагона-ледника на ст. Троицк пяти ящиков маргарина общим весом 109 кг. В качестве свидетелей обвинения по делу были вызваны в суд и допрошены девять человек. По-видимому, многочисленность свидетельских показаний и привела органы расследования к выводу об обоснованности предъявленного обвинения. Суд же, проверив и оценив показания вышеуказанных свидетелей, установил, что **ни один из допрошенных свидетелей не назвал ни одного факта, могущего быть положенным в основу обвинения С. На основании этого С, был оправдан** {выделено мной—Л. У}.

Другие процессуалисты, наоборот, определяют понятие судебных доказательств только как доказательственные факты, то есть факты, исходя из которых делается вывод о существенных обстоятельствах дела. Так, например проф. М. А. Чельцов пишет: «Доказательствами являются факты, обстоятельства. Об этом прямо говорит ст. 166 УПК: «Свидетель может быть спрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле».

Определение доказательства как доказательственного факта является также неправильным, ибо в этом случае не показывается, каким образом доказательственные факты становятся известными следователю и суду. Отрыв доказательственных фактов от источников их получения затрудняет определение доброкачественности и достоверности самих сведений об обстоятельствах уголовного дела. На практике подобная точка зрения приводит к тому, что некоторые следователи и судьи принимают во внимание только доказательственные факты и не учитывают источники их получения. Между тем от доброкачественности источника во многом зависит достоверность фактов, свидетельствующих об искомых фактах. Такой подход к анализу доказательств тоже приводит к судебным ошибкам. Примером этому может служить дело Г., осужденного народным судом Мечетинского района Ростовской области по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за совершение совместно с другими лицами хищения 1780 кг семян подсолнечника с элеватора.

Основанием для осуждения Г. послужили показания сообвиняемых Л. и Т. и свидетелей Н. и Т., которые утверждали, что Г. принимал участие в хищении. Эти лица заявляли также, что с целью сокрытия следов преступления Г. предлагал женам сообвиняемых

поехать в колхоз и достать справку о том, что семена подсолнечника принадлежат колхозу, и что они сдавались для хранения на элеватор.

Вынося приговор, народный суд обратил внимание лишь на доказательственные факты, содержащиеся в показаниях обвиняемых и свидетелей, не проанализировав сами источники их получения. Из материалов же уголовного дела усматривалось, что обвиняемые Л. и Т., будучи уличены в совершении преступления, и, желая в какой-то мере смягчить свою вину, стали показывать, что Г. являлся соучастником хищения. Свидетелями по делу Н. и Т. были жены обвиняемых, и в силу этого они были заинтересованы в смягчении вины своих мужей.

Заинтересованность в определенном исходе дела обвиняемых Л. и Т. и их жен наложила отпечаток на существо показаний этих лиц, лишив их достоверности.

Признавая осуждение Г. неправильным. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении отметил, что «обвинение Г. в хищении совместно с другими осужденными по делу с элеватора 48 мешков подсолнечника, как основанное исключительно на оговоре заинтересованных в исходе настоящего дела лиц и не подкрепленное по делу объективными доказательствами, является необоснованным».

В некоторых случаях судебно-следственные работники, считая доказательствами только доказательственные факты, допускают иные ошибки. На практике встречаются случаи вынесения обвинительных приговоров, основанных на доказательственных фактах, полученных из одного и того же источника и не подкрепленных какими-либо другими объективными фактами. Между тем единственный источник получения доказательственных фактов не может служить основанием для обвинительного приговора, так как доброкачественность его и достоверность содержащихся в нем фактов должны быть обязательно проверены путем сопоставления с другими объективными доказательствами по делу.

В уголовно-процессуальной литературе довольно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой под доказательствами понимаются и источники доказательств, и доказательственные факты. Например, проф. М. С. Строгович дает следующее определение понятия доказательства: «Самый термин «доказательство» в уголовном процессе применяется в двух значениях: доказательство как источник получения следствием и судом сведений о том или ином факте и доказательство как самый факт, обстоятельство, на основе которого следствие и суд делают свои выводы по данному уголовному делу...

Доказательство как источник сведений о факте называется средством доказывания...

Доказательство как факт, из которого следствие и суд делают выводы по поводу тех обстоятельств, которые необходимо установить по делу, называется доказательственным фактом».

Последняя точка зрения правильнее характеризует понятие доказательства: здесь подчеркиваются наличие источника сведений о том или ином, факте и сам факт, из которого следствие и суд делают выводы о других фактах, подлежащих установлению по уголовному делу. Однако и эта концепция имеет недостаток, заключающийся в том, что доказательство понимается в двух значениях, источник сведений о доказательственном факте и сам доказательственный факт берутся оторвано друг от друга, не подчеркиваются их связь и взаимообусловленность.

Отстаивая двойное понятие доказательства, некоторые процессуалисты считают, что такое разграничение имеет свое основание в объективных свойствах судебных доказательств и что поэтому устранить двойное понятие судебного доказательства нельзя.

С такой трактовкой вопроса вряд ли можно согласиться.

Судебное доказательство нельзя понимать в двух значениях. Под доказательством ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик 1958 года понимает любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Вместе с тем ст. 16 Основ 1958 года подчеркивает, что эти данные устанавливаются показаниями свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами. Не называя источники получения фактических данных доказательствами, закон содержит в себе четкое указание на взаимосвязь фактов и способов (источников) их установления. Источник сведений о фактах нужен лишь постольку, поскольку он ведет к установлению доказательственного факта. Сам же доказательственный факт познается при помощи источника, из которого черпают сведения о нем. Нет и не может быть познания фактических данных судом, следователем и другими участниками процесса вне источников сведений о них. Источники сведений привлекаются в уголовное дело для установления определенных доказательственных фактов и нужны лишь постольку, поскольку эту задачу выполняют. Иными словами, источники сведений о фактах и сами фактические

данные приобретают доказательственное значение лишь в связи друг с другом.

Связь и взаимообусловленность источника сведений о фактах и самих фактов проявляются в том, что, с одной стороны, исследование источника ведется с целью получения сведений о доказательственных фактах, а, с другой, — эти факты не могут быть оторваны от источников, из которых они получены. Учитывая это, мы можем говорить о едином понятии доказательства, состоящем из двух взаимосвязанных элементов — источников сведений о доказательственных фактах и самих фактов.

Неразрывная связь в процессе доказывания доказательственных фактов и источников их установления подчеркивается также действующим законом и судебной практикой.

Статья 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года содержит исчерпывающий перечень источников получения доказательственных фактов.

Статья 57 УПК РСФСР предусматривает не ограниченный формальными доказательствами круг самих доказательственных фактов.

Таким образом, ст. 16 Основ 1958 года и ст. 57 УПК РСФСР содержат дополняющие друг друга правила, подчеркивающие необходимость использования в уголовном процессе определенных источников для получения любых доказательственных фактов.

Правда, при анализе других статей уголовно-процессуального кодекса может возникнуть мысль о том, что сам законодатель дает двойное толкование доказательствам: с одной стороны, доказательствами являются только источники доказательственных фактов, а с другой, доказательствами являются только доказательственные факты.

В действительности же закон не дает никакого разграничения понятия доказательства.

Перечисляя источники доказательств, закон имеет в виду источник сведений не вообще, а источник сведений об определенных фактах. Так ст. 138 УПК РСФСР определяет, что обвиняемый спрашивается обо всем известном ему по делу; ст. 166 УПК РСФСР говорит, что свидетель спрашивается о фактах, подлежащих установлению по делу, и о характеристике личности обвиняемого; ст. 192 УПК РСФСР устанавливает, что в протоколе осмотра описывается все обнаруженное в том виде и последовательности, в каком оно было найдено, и т. д. Обратимся теперь к рассмотрению судебной практики. Анализ постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР показывает, что в применении термина «доказательство» Верховный Суд не совсем последователен.

В одних постановлениях Пленума и определениях коллегий Верховного Суда СССР термином «доказательство» обозначаются источники сведений о доказательственных фактах. Например, «...показания свидетелей Э. и Ж. не могут служить доказательством виновности Г. в вооруженном нападении...»; «единственным доказательством виновности К. в хищении государственных средств является заключение судебно-бухгалтерского эксперта»; «...виновность К. в краже продуктов из киоска доказана показаниями свидетелей З. и С. и вещественными доказательствами».

С другой стороны, в некоторых постановлениях и определениях коллегий Верховного Суда СССР под доказательством понимаются доказательственные факты. Например, «...осведомленность С. о факте кражи и о том, где были спрятаны указанные вещи, еще не является обстоятельством, доказывающим соучастие С. в краже или в сокрытии кражи». Такую нечеткость в терминологии используют сторонники той или иной трактовки понятия доказательства, подбирая подходящие примеры для обоснования своей точки зрения и игнорируя примеры, говорящие обратное.

Между тем более углубленный анализ постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР позволяет сделать вывод, что нечеткость терминологии его решений не свидетельствует о том, что надзорная практика усвоила двоякое понятие судебного доказательства. Наоборот, такой анализ свидетельствует о том, что Верховный Суд СССР использует единое понятие доказательства.

Всюду, где речь идет о доказательственных фактах, Верховный Суд СССР имеет в виду факты, **установленные при помощи показаний свидетеля, вещественных доказательств и тому подобных источников**. Так, в определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР читаем: «То обстоятельство, что ножевые ранения нанесены сапожным ножом, имевшимся у З, "подтверждается фактом обнаружения на месте убийства ножа и заключением судебно-медицинского эксперта...". «...К. виновным себя не признал и утверждал, что в то время как на Ц. было совершено нападение, он находился от места происшествия в 10 — 15 км».

Там же, где говорится о доказательствах — показаниях свидетелей, обвиняемых, письменных документах, вещественных доказательствах, имеются в виду показания, документы, вещественные доказательства, **содержащие определенные сведения о доказательственных фактах**. Например, «...свидетель Н. показала, что 1 июля

1950 г. недалеко от реки она видела М., который шел с какой-то неизвестной женщиной.

Свидетель же М. утверждала, что в этот день она видела гр-ку Г., шедшую с неизвестным мужчиной по дороге в сторону села А.

Свидетель О. утверждала, что М. с женой приехали в село С. в конце июня и оставались там несколько дней»; «...заклучение экспертизы сводится лишь к установлению размеров недостачи товарно-материальных ценностей в магазине и констатации того, что ответственность за недостачу товаров должна быть возложена на материально ответственных лиц».

Таким образом, из анализа постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР можно сделать вывод о том, что судебная практика в применении термина «доказательство» исходит из взаимосвязи и взаимообусловленности доказательственных фактов и источников их получения при доказывании.

Всякие попытки обосновать разграничение доказательств на источники (средства) доказывания и доказательственные факты ссылками на объективные свойства судебных доказательств, на закон и судебную практику несостоятельны. Двойная трактовка понятия доказательства точно так же, как и одностороннее освещение его, приводит на практике к отмеченным ранее ошибкам. Единое понятие доказательства, где равноценное значение имеют как источник сведений о доказательственных фактах, так и сами факты, ориентирует практических работников на исследование всех элементов доказательства в их взаимосвязи.

Обращая особое внимание на единое понятие доказательства и связь фактических данных и источников их получения, мы тем не менее не склонны отрицать известного самостоятельного значения каждого из них в процессе оценки судебных доказательств.

В практической работе при оценке доказательств суду приходится оценивать как доброкачественность источников сведений о фактах, так и достоверность и отношение к делу самих фактов, установленных посредством этих источников. Тщательной оценке суд подвергает каждый источник сведений о фактах, принимая во внимание его специфику. Так, оценка показаний свидетеля, сообщающего о каком-либо факте, заключается в выяснении правильности восприятия и передачи свидетелем этого факта, объективной достоверности или заведомой лживости его показаний, заинтересованности в исходе дела и т. д. Всесторонняя проверка источника — гарантия достоверности фактов, сведения о которых из него почерпнуты. Однако установлением доброкачественности самого источника сведений о доказательственных фактах не заканчивается оценка доказательства. Во-первых, доброкачественность источника не означает

еще, что содержащиеся в нем сведения достоверны (свидетель, например, мог ошибаться). Для окончательного решения вопроса о достоверности доказательства нужен анализ его фактического содержания, сопоставление с содержанием других доказательств. Суд должен также оценить факты, содержащиеся в данном источнике с точки зрения их отношения к существенным обстоятельствам уголовного дела.

Наличие этих двух моментов оценки доказательства (оценка источника и фактических данных) не означает, что суд имеет дело с двумя различными понятиями доказательств. Оценка источников сведений о доказательственных фактах и самих фактов наглядно показывает связь и взаимообусловленность двух элементов единого доказательства. Как было только что отмечено, установление достоверности доказательства возможно только при анализе как источника сведений о фактах, так и самих фактов в их взаимосвязи. С другой стороны, сама доброкачественность источника проверяется через факты, достоверность которых зависит в числе других причин и от особенностей источника.

Любое ли доказательство является сложным, включает в себя два взаимосвязанных элемента: источник сведений о фактах и сами факты? Мы считаем, что эти два элемента являются необходимыми составными частями любого доказательства. Доказательственный факт, представляя собой существо доказательства, имеется как в прямом, так и в косвенном доказательстве. Утверждение о том, что прямое доказательство не содержит доказательственных фактов, равносильно утверждению о наличии формы без содержания. Вместе с тем надо правильно подойти к решению вопроса о характере доказательственного факта в составе прямого доказательства. Нельзя в этой связи согласиться с мнением проф. М. М. Гродзинского, который следующим образом представлял прямое доказательство: «Если свидетель в своем показании заявляет, что он был очевидцем убийства, совершенного обвиняемым, и если суд после рассмотрения и оценки этого показания признает его правильным, то есть признает, что свидетель действительно наблюдал указанные действия обвиняемого, то отсюда прямо и непосредственно последует вывод о доказанности основных искомых фактов данного дела. Поэтому здесь доказательственный факт — наблюдение свидетелем действий обвиняемого — явится прямым доказательством, а показание свидетеля-очевидца — источником прямого доказательства». Точку зрения проф. М. М. Гродзинского подверг критике проф. М. С. Строгович. Правильно отметив, что факт наблюдения свидетелем преступления есть не доказательственный факт, а стадия формирования свидетельского показания, проф. М. С. Строгович делает из этого,

однако, неправильный, на наш взгляд, вывод, что «доказательственный факт имеется только в косвенном доказательстве, а в прямом его нет, так как в нем источник доказательства непосредственно устанавливает главный факт и именно по признаку отсутствия или наличия доказательственного факта различаются доказательства прямые и косвенные».

Трудно согласиться с этим выводом. Доказательственный факт есть в любом доказательстве. Отсутствие доказательственного факта в источнике сведений о нем означает, как уже отмечалось, отсутствие доказательства в деле.

Доказательственным фактом как в прямом, так и в косвенном доказательстве будут определенные сведения о фактах, подлежащих разрешению по делу.

В прямом доказательстве это будут сведения, полученные от свидетеля-очевидца о ходе события, которое он наблюдал. Эти сведения не будут совпадать с главным фактом, но, являясь его «следами» в памяти свидетеля, будут служить сетованием для вывода о нем.

В косвенном доказательстве доказательственным фактом будут сведения, полученные из определенного источника, которые непосредственно не устанавливают искомые факты, но устанавливают факты, от которых можно подойти к выводу об искомых. Так, по делу о взяточничестве доказательственными фактами могут быть сообщенные свидетелем сведения о том, что предполагаемые взяткодатель и взяткополучатель встречались в квартире одного из них, были в ресторане; почерпнутые из официальных документов данные о том, что просьба взяткодателя была разрешена необычайно быстро; что его заявление поступило, минуя регистратуру; сведения, содержащиеся в протоколе обыска о наличии у должностного лица ценных вещей, приобретенных, судя по сохранившимся копиям чеков, тогда-то и т.д.

Таким образом, доказательственный факт, понимаемый как сведения о фактах, подлежащих установлению по уголовному делу, имеется и в прямом, и в косвенном доказательстве.

Наличие доказательственного факта как в прямом, так и в косвенном доказательстве обязывает суд заботиться о доказанности и полноте сообщаемых сведений во всех случаях, а не только тогда, когда речь идет о доказывании косвенными доказательствами. Сведения, полученные из источников, предусмотренных ст. 16 Основ, и имеющие прямое отношение к установлению главного факта, точно так же, как и сведения, содержащиеся в косвенном доказательстве, должны быть проверены, найти объективное подтверждение в других материалах дела. Источники сведений, имеющих прямое отно-

шение к установлению главного факта, не совпадают с ним и не являются его составными частями. Обстоятельства главного факта — это само событие преступления в признаках, выражающих его состав. Прямое доказательство является лишь доказательством наличия или отсутствия этого факта. Доказывать это обстоятельство могут не источники сами по себе, а источники, содержащие в данном случае сведения, непосредственно служащие основанием для вывода о главном факте.

Выше мы отмечали, что доказательства служат единственным средством установления фактических обстоятельств дела в соответствии с действительностью. Этой цели служат и источники сведений о доказательственных фактах, и сами факты. Вот почему вызывает возражения часто встречающееся в процессуальной литературе утверждение, что источники доказательств являются средствами доказывания. Если только при помощи источников доказательств устанавливаются искомые факты по делу, то какова же в доказывании роль доказательственных фактов? Деятельность суда показывает, что в основе оправдательных или обвинительных приговоров всегда лежат факты, полученные из определенных источников. Отсюда ясно, что не только источники доказательств служат средством установления обстоятельств уголовного дела, но и доказательственные факты.

Следы, оставляемые преступлением в памяти людей и на предметах окружающего мира, многообразие связей этих следов с устанавливаемым событием, имевшим место в прошлом, порождают большие трудности в работе с доказательствами. Эти трудности часто увеличиваются в результате умышленной деятельности преступника, стремящегося скрыть следы преступления или направить расследование по ложному пути.

Задача следственных и судебных органов состоит в умении пользоваться доказательствами, в умении правильно отобрать из многообразных фактов объективной действительности следы преступления или, наоборот, обстоятельства, указывающие на его отсутствие, могущие разъяснить сущность уголовного дела.

Большую помощь в работе с доказательствами оказывают правила об относимости и допустимости доказательств. Правила о допустимости доказательств устанавливают, в какой форме возможно выявление тех или иных доказательственных фактов по делу или какие источники сведений о фактах могут быть допущены в процессе.

Статья 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года дает исчерпывающий перечень источников сведений о фактах. Ими являются показания свидетеля, показания потерпевшего, показания подозреваемого, показания обвиняе-

мого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы.

Правила о допустимости доказательств вытекают из требований соблюдения социалистической законности и состоят в том, чтобы обеспечить достоверность фактов, полученных из тех или иных источников. Сведения о доказательственных фактах, полученные в уголовном процессе в не предусмотренных законом формах, не могут быть доказательствами по делу, так как форма их выявления лишает их достоверности.

Свидетельства по слуху и анонимные заявления не могут быть источниками сведений о доказательственных фактах. Временные правила производства предварительного расследования по уголовным делам Грузинской ССР в ст. 18 указывают, что «анонимные заявления, слухи и предположения как доказательства не допускаются». Не могут быть источниками сведений о фактах присяга, клятва, свидетельства по слуху (ст. 57 УПК РСФСР).

Правила о допустимости доказательств иногда в нашей процессуальной литературе трактуются не совсем правильно. Проф. М. А. Чельцов правила о допустимости тех или иных источников сведений о доказательственных фактах распространил также и на допущение доказывания определенных фактов, входящих в предмет доказывания

Правила о допустимости тех или иных источников доказательств и правила о доказывании фактов, входящих в предмет доказывания, относятся к двум разным отделам учения о доказательствах в советском уголовном процессе.

Вопрос о допустимости в уголовном процессе использования определенных источников не следует смешивать с вопросом о том, какие факты должны быть доказываемы.

По мнению проф. М. А. Чельцова, не подлежат доказыванию факты общеизвестные, знание определенного закона. Мы согласны с проф. М. А. Чельцовым, что существуют определенные общеизвестные факты; мы также согласны с тем, что следователь, судья, адвокат, как и любой гражданин, должны знать закон, который определяет их поведение. Доказывать все эти факты свидетельскими показаниями, экспертизой, вещественными доказательствами или письменными документами нет необходимости. Однако родовое понятие общеизвестности различных фактов не может быть применено к конкретным уголовным делам. Если какой-либо, казалось бы общеизвестный, факт входит составной частью в предмет доказывания, его надо доказать. Например, по делу о разбойном нападении потерпевший показал, что его ограбили два человека, и назвал приметы каждого из них. По его утверждению, он запомнил приметы потому,

что ночью было светло и можно было рассмотреть лица грабителей. В результате проверки показаний потерпевшего было установлено, что место, где было совершено разбойное нападение, хорошо освещалось уличными фонарями. В указанном примере общеизвестный факт (ночью бывает темно) стал фактом данного конкретного дела, подлежащим доказыванию.

Точно так же решается вопрос и о «доказывании закона». Существование закона в процессе доказывать не нужно. Однако стороны могут доказывать неприменимость закона в данном конкретном случае, исходя из обстоятельств уголовного дела. Например, обвиняемый предан суду по ст. 136 п. «а» УК РСФСР. Исходя из конкретных фактов убийства, стороны могут ставить вопрос о неприменимости ст. 136 УК РСФСР и доказывать наличие состава преступления, предусмотренного ст. 138 УК РСФСР, то есть убийство в состоянии сильного душевного волнения. Суд, вынося приговор, также должен не только сослаться на определенную статью уголовного кодекса, но и обосновать применение именно этого закона к обстоятельствам данного дела.

Другими правилами, играющими значительную роль в определении объема привлекаемого по делу доказательственного материала, являются правила об относимости доказательств.

Правила об относимости доказательств касаются самого существа доказывания по делу и формулируют, какие доказательственные факты могут непосредственно или в конечном счете освещать те или иные вопросы, подлежащие разрешению по делу.

Круг относящихся к событию доказательств может быть очень большим. Определение относимости тех или иных фактов к предмету доказывания представляется трудной и сложной задачей. Эти трудности могут быть преодолены судом при условии строжайшего соблюдения закона, тщательности, всесторонности и объективности подхода к разрешаемому делу, знания практики.

Относящиеся к событию преступления доказательства лишь тогда должны быть исследованы, когда они имеют существенное значение для разрешения дела; Признак существенности доказательственных фактов — признак относимости этих фактов к рассматриваемому делу.

Относимость доказательств к рассматриваемому делу определяется фактами, составляющими предмет доказывания.

Характер относящихся к делу доказательств зависит от исследуемого события. Доказательства, относящиеся к преступлению по одному делу, оказываются неотносимыми по другому делу. Например, по делу об убийстве будут иметь непосредственное отношение к предмету доказывания орудие, найденное на месте происшествия

(нож, топор, огнестрельное оружие), наличие крови на месте совершения преступления. По делу о хищении государственной собственности путем подлога наличие топора в помещении, где производился подлог, не будет иметь отношения к делу. Здесь существенными обстоятельствами являются накладные, в которых совершена подделка, получение по ним материальных средств и т. д.

Правила» об относимости и допустимости доказательств тесно связаны между собой, ибо они относятся к двум взаимосвязанным элементам единого понятия судебного доказательства. Правило о допустимости имеет отношение к источникам сведений о фактах, а правило об относимости касается самих доказательственных фактов.

Установление недопустимости источника сведений о фактах влечет устранение из дела содержащихся в этих источниках доказательственных фактов (разумеется, поскольку они не содержатся в другом допускаемом источнике). Здесь, следовательно, не встает вопрос об относимости этих доказательств. Статья 285 УПК РСФСР подтверждает это положение. В ней говорится, что устраняются из показаний свидетеля сведения, источник которых не может быть указан. Однако это вовсе не означает, что доказательственный факт, указания о котором содержатся в этом источнике и который имеет отношение к делу, не должен быть установлен в деле по причине недопустимости источника сведений об этом факте. В данном случае относящийся к делу факт должен быть установлен любыми другими допустимыми источниками доказательств,

Неотносимость факта влечет устранение из дела и соответствующего источника, поскольку им устанавливается данный факт.

Правила об относимости и допустимости доказательств следует рассматривать во всех случаях во взаимосвязи. Правильное использование этих правил во многом облегчает работу суда и следственных органов по определению пределов привлечения доказательственного, материала.

Таким образом, судебными доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, полученные при помощи предусмотренных законом источников и являющиеся средствами установления наличия или отсутствия общественной опасности деяния, виновности лица, совершившего это деяние, и иных обстоятельств, имеющих значение, для правильного разрешения дела.

С.В.КУРЫЛЕВ
Основы теории доказывания в советском правосудии.
Минск, Издательство БГУ, 1969, с. 137-173

СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ

Понятие доказательства

1. Всеобщая связь явлений — основа познания при помощи доказательств. Как было отмечено ранее, суд в большинстве случаев познает необходимые для разрешения дела факты при помощи доказательств. Поэтому вопрос о доказательстве, о его сущности составляет одну из центральных проблем доказательственного права — его решение является необходимой предпосылкой для исследования многих других вопросов доказательственного права.

Нередко в литературе, в том числе и в учебной, при определении доказательств пользуются так или иначе понимаемым признаком **цели**, которому придается главное содержание определения. Одни процессуалисты определяют доказательства как «средства, при помощи которых суд убеждается в существовании или не существовании фактов, имеющих значение для дела». Другая группа авторов под доказательствами понимает не средства **убеждения** суда, а средства **«установления»** объективной истинности юридических фактов... (подчеркнуто мной. — С.К.)».

Однако определение доказательства лишь путем указания на цель, которой оно служит, и при помощи многозначного слова «средство» не раскрывает его сущности. Сущность доказательства не в том, что оно **служит** установлению истины, как говорят одни, или убеждению суда, как считают другие, а в том — **почему** оно способно служить средством установления истины, в силу **каких свойств** оно способно убеждать суд.

Теоретической основой для формулируемой таким образом проблемы сущности доказательства должен служить закон всеобщей связи и взаимозависимости явлений природы и общества. Раз все связано, значит и субъективные явления нашего мышления связаны определенным образом с явлениями объективной действительности. Уже здесь заложена первая самая общая основа возможности познания человеком объективной действительности. Марксистско-ленинская теория познания устанавливает, что наше мышление не только само связано с объективной действительностью, но и способно правильно отражать существующие в объективной дей-

ствительности связи и взаимодействия, познавать эту действительность.

Но чтобы познавать действительность, надо иметь в своем распоряжении объект познания — явления, предметы окружающей нас действительности. А как быть, если эти объекты по каким-то причинам недоступны непосредственному исследованию и познанию, например, были в прошлом и к моменту исследования исчезли? Здесь вновь приходит на помощь диалектический закон всеобщей связи явлений.

Раз мир — единое целое, и все предметы, явления в мире связаны друг с другом, то и наш объект познания связан определенным образом с другими предметами, явлениями, которые в свою очередь связаны с иными предметами, явлениями и т. д. В силу универсальной зависимости и обусловленности всякое изменение в нашем предмете, явлении будет, с одной стороны, являться результатом определенных причин (изменения обуславливающих явлений, развития самого предмета, явления), во-вторых, оно определенным образом отразится на всех связанных с ним, зависимых от него и обуславливаемых им явлениях, произведя в них также определенные изменения; изменения последних вызовут в свою очередь изменения в иных связанных с ними явлениях и т.д. до бесконечности.

Поэтому если мы знаем существующие в природе связи, то, пользуясь этим знанием, можем познавать неизвестные нам явления природы при помощи известных. Знание связей означает знание того, какие изменения должны происходить в одних явлениях при определенных изменениях в связанных с первыми других явлениях.

Известные явления, при помощи которых суд, основываясь на знании объективных связей явлений, познает неизвестные, и служат средствами установления объективной истинности наличия или отсутствия искомых фактов, т. е. доказательствами.

Эти известные явления, а также искомые неизвестные могут выступать как в положительной форме (их наличие), так и в отрицательной (их отсутствие). В процессуальной теории все явления, служащие либо доказательствами, либо предметом доказывания, выступающие в положительной или отрицательной форме, называются фактами. Следовательно, доказательство — это известный суду факт, находящийся в определенной связи с неизвестным. Связывая известные факты с неизвестными в сознании, мы тем самым отражаем определенную связь этих фактов в реальной действительности.

Взаимосвязь, взаимообусловленность предметов и явлений как один из наиболее общих законов объективной действительности и является той основой, которая дает возможность осуществлять опосредствованное познание неизвестных и недоступных для воспри-

ятия фактов при помощи связанных с ними известных фактов-доказательств.

Наличие связи факта-доказательства с искомым фактом и является первым и главным существенным признаком доказательства, признаком, благодаря которому доказательство и может служить средством установления неизвестных фактов. Исследование тех форм связей, которые известны науке и применяются в судебной практике, анализ судебной практики по применению наших знаний о связях явлений — это и является тем путем, по которому должна идти разработка многих проблем доказательственного права: сущности косвенного доказательства, принципа относимости доказательств, их оценки и др. Однако вопрос о характере и формах связей доказательства с искомым фактом еще не достаю точно изучен, он лишь в последние годы стал подвергаться исследованию в процессуальной литературе.

Одни процессуалисты долгое время (а некоторые и сейчас) данный вопрос вообще оставляли без рассмотрения, ограничиваясь определением доказательства по признаку цели и описанием отдельных видов доказательств, известных процессуальному праву. Особенно это распространено в гражданско-процессуальной литературе.

Другая группа авторов упоминает о связи между доказательством и искомым фактом, однако, сводит эту связь к причинной и рассматривает ее, как правило, применительно лишь к косвенным доказательствам.

Наконец, третья группа процессуалистов не считает признак связи существенным и обязательным признаком доказательства. В качестве таких доказательств, якобы не обладающих признаком связи, указывают алиби, невозможность для обвиняемого в изнасиловании, жить половой жизнью и др.

Действительно, алиби не является ни причиной, ни следствием искомого факта — совершения обвиняемым преступления, больше того, алиби нельзя рассматривать и как причину **несовершения** обвиняемым преступления. Но можно ли на этом основании приходить к выводу, что между алиби и искомым фактом вообще нет никакой связи, что связь с искомым фактом не является поэтому существенным признаком доказательства? Правильно ли на этом основании рассматривать, например, относимость доказательств как способность определенных фактов «освещать» искомые факты? Слово «освещение» не больше разъясняет вопрос, чем и слово «относящиеся». Почему, спрашивается, одни факты способны «освещать», а другие не способны?

При разрешении этих вопросов надо учитывать следующее.

1. Причинная связь не является единственной формой связи, существующей в природе, она не является и единственной формой связи, существующей между доказательством и искомым фактом.

2. Предметом судебного познания служит факт **неизвестный**, который ввиду этого должен быть рассматриваем одновременно с двух сторон — со стороны наличия и со стороны отсутствия искомого явления. Доказательства, следовательно, могут быть связаны либо с фактом наличия искомого явления, либо с фактом его отсутствия.

3. Формы связей. Если обратиться к марксистско-ленинской философии, можно увидеть, что классики марксизма-ленинизма не рассматривают причинную связь как единственно существующую форму связей в природе и обществе. В. И. Ленин, например, указывает, что причинность есть «лишь малая частичка всемирной связи». В соответствии с этим рассматривают вопрос о связях и советские философы, различающие различные формы связей.

В целях анализа форм связей, существующих между судебным доказательством и искомым фактом из всех существующих в природе многочисленных форм связей, прежде всего, следует выделить: 1) временную связь явлений; 2) пространственную связь; 3) связь явления с условиями, необходимыми для его возникновения и существования; 4) причинную связь явлений. При этом необходимо отличать связи условия с обусловленным от причинных связей. Связь явления с условиями представляет иной тип связи, чем связь явления с причинами, его породившими.

Условия создают возможность, причина превращает возможность в действительность. Причина порождает следствие, при наличии одних условий — одно, при наличии других — другое. Условия же без причины ничего не порождают. Плохая охрана социалистической собственности на каком-либо предприятии — условие, способствующее хищению, но плохая охрана — не причина хищения. Связь между хищением и плохой охраной — не причинная связь, а связь явления-следствия с явлением-условием.

Разграничение связей условия с обусловленным и причины со следствием дает возможность правильно решить ряд сложных правовых вопросов, например, вопрос о так называемой «каузальности бездействия». Дискуссионность данного вопроса является результатом отождествления условия и причины.

Бездействие ничего не может породить. Поэтому с философской точки зрения оно не может быть причиной какого-то бы ни было явления. Это справедливо как для явлений природы, так и для общественных явлений. Попытка доказать иное под флагом борьбы с «механическим перенесением положений, правильных для пони-

мания закономерностей природы, на изучение общественных явлений» ведет, по существу, к противопоставлению природы и общества в отношении действия причинных связей. Рассмотрение бездействия человека как причины определенных результатов, когда бездействие является «формой поведения», ставит причинную связь в зависимость от воли и сознания человека, т. е. ведет фактически «к субъективистской трактовке причинных связей в обществе.

В этом легко убедиться на любом из примеров, приводимых сторонниками взгляда о «каузальности бездействия». Мать не кормит грудного ребенка. Ребенок умирает. Поэтому бездействие матери — причина смерти ребенка, полагает А. Н. Трайнин, если, следует добавить (рассматривая бездействие матери как форму ее поведения), мать отдавала себе отчет в последствиях бездействия. Наоборот, если мать не кормила ребенка, так как была лишена сознания, или, еще резче, была мертва, то бездействие матери в этом случае — не причина смерти, хотя, естественно, никакого отличия в объективной связи между ее бездействием и смертью ребенка во всех этих случаях нет. Вывод о наличии в первом случае или об отсутствии во втором случае причинности приходится делать не в зависимости от объективно протекающей связи событий, а в зависимости от субъективного момента.

Но, отрицая за бездействием значение причины, неверно делать вывод, будто бездействие никакого влияния «а окружающие явления не оказывает, а поэтому, мол, закон, придавая правовое значение бездействию, устанавливает ответственность за такое поведение человека, которое никаких последствий не влечет.

Необходимо помнить, что любое явление природы и общества — это результат не только причины, но и ряда необходимых условий. Условия поэтому также связаны с результатами действия причин, но связаны иной связью, а не причинной. Бездействие же, как раз и может выступать в качестве такого необходимого условия возникновения определенных явлений.

При таком понимании бездействия не будет места и для субъективизма в понимании причинных связей в обществе. С хищением на складе одинаково объективно связано как бездействие сторожа склада, так и «бездействие» сторожевой собаки, так и «бездействие» автоматической сигнализации, но связаны не как причина со следствием, а как условие с обусловленным.

Исходя из разграничения причины и условия, нам кажется, надо и не пытаться, как делают некоторые юристы, найти во что бы то ни стало причинную связь там, где нет ее; не строить каких-либо сложных, искусственных конструкций ответственности за бездействие, отправляясь опять-таки от причинных связей, а просто-

напросто признать неправильным общепринятое положение о том, что «возложение ...ответственности невозможно без фактора причинной связи».

В числе обязательных условий ответственности может быть **не только причинная связь**, но также вместо нее, в случаях, предусмотренных законом, и другая форма связи — связь условия с обусловленным.

С вопросом о сущности судебного доказательства тесно связан вопрос о том, что следует понимать под доказательством — «факт» или «сведения о факте», и нельзя ли в решении вопроса о сущности доказательства воспользоваться теорией информации.

Этот вопрос возник в связи с тем, что в законе сейчас дается понятие доказательства как любых **фактических данных, на основе** которых в определенном законом порядке суд устанавливает наличие или отсутствие существенных для дела обстоятельств. Одни юристы под «фактическими данными» понимают «факты», другие — «сведения о фактах», третьи — единство фактические данных и средств доказывания, в которых эти данные (сведения) содержатся. В литературе предпринята и попытка обосновать конструкцию «доказательства-сведения» категориями теории информации.

«Под информацией в широком смысле обычно понимают любые сведения о каких-либо ранее неизвестных событиях». С точки зрения данного понятия сообщения лиц (свидетелей и др.), письменные доказательства действительно можно считать информацией. Но вопрос в другом — можно ли воспользоваться данными теории информации в судебном познании, например, при оценке свидетельских показаний?

Для оценки **достоверных** свидетельских показаний теория информации, пожалуй, также нужна, как логарифмическая линейка для подсчета десятка яблок. Оказать же помощь в оценке показаний, достоверность которых неизвестна, теория информации пока бессильна. Применение теории информации ограничено, «поскольку в ней не учитывается смысл и ценность информации». А без такого учета совершенно невозможно производить анализ «психических явлений, в которых содержание этих процессов имеет превалирующее значение». Головной мозг до сих пор — величайшая загадка естествознания.

При дальнейшем развитии биологии и теории информации, когда осмысленная информация сможет быть описана математическими методами и сможет учитывать ценность и смысл информа-

ции, возможно применение теории информации и в оценке свидетельских показаний, в оценке их достоверности.

Еще в меньшей мере теория информации может быть использована в судебном познании при помощи вещественных доказательств, которые, во-первых, также могут оказаться недостоверными; во-вторых, признаки вещей, следы на вещах, иногда само их расположение нельзя рассматривать в качестве тех закодированных сигналов, которыми оперирует сейчас теория информации. В силу этого попытка поставить учение о судебных доказательствах, о сущности судебного доказательства на рельсы теории информации, по крайней мере, преждевременна и фактически является лишь применением терминологического аппарата этой теории без каких-либо выводов по существу.

Если с точки зрения теории информации к доказательствам можно относить лишь закодированные сообщения (явления-следствия), то рассмотрение доказательства с точки зрения связей явлений вообще свободно от такого сужения сферы судебных доказательств; в качестве таковых могут выступать явления-причины, явления-условия и др.

Отметим, наконец, что в тех узких пределах, когда для познания неизвестных фактов можно Получить объективные достоверные данные и выразить их математически, уже в настоящее время можно воспользоваться услугами теории информации и кибернетики. Парадоксально — если это пока невозможно в самых простых с точки зрения суда делах (со свидетельскими показаниями), то, наоборот, возможно в сложнейших делах, когда суду приходится прибегать к экспертизе, например, при рассмотрении споров об авторстве.

Так, на основе объективных данных стиля Шекспира, полученных путем анализа нескольких его произведений, было исключено авторство Шекспира в отношении одного произведения, по ошибке приписанного ему. В связи с успехами в применении теории информации к учению о наследственности не исключено, что в ближайшее время станет возможным бесспорное установление отцовства или материнства. Таким образом, первая область, в которой наиболее вероятно ожидать вторжения теории информации в судебное познание, — это область судебной экспертизы.

Любое явление природы и общества существует только во времени и пространстве, существует только благодаря наличию определенного комплекса других явлений-условий, без которых данное явление не могло ни возникнуть, ни существовать; оно появилось и существуют только потому, что существовало другое явление-причина, которая ему предшествовала и вызвала его к жизни.

Выделение четырех форм связей не является их разделением, отрывом друг от друга. Все эти формы связей в свою очередь находятся в определенном отношении друг с другом. Любое явление находится одновременно во **всех этих формах связей**: в определенных пространственных и временных отношениях с другими явлениями, в отношениях с причинами и условиями. Само явление-причина находится в определенных пространственных и временных отношениях с явлением-следствием: она ему предшествует, она находится по отношению к нему в определенной точке пространства; явление-причина находится в определенных пространственных и временных отношениях также с условиями. Это же самое справедливо и для условий.

Далее. Причина не может породить данного следствия при отсутствии необходимых условий. Наличие необходимых условий не вызывает к жизни определенного явления, если отсутствует причина. Всякое явление связано со своей причиной, но оно связано не только с причиной, а и с другими явлениями, другими формами связей.

Но эта сложность взаимного переплетения различных форм связей, а также и то, что человеческое познание, идущее от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д., не знает еще многих связей природы и общества, что в процессе развития действительности одни связи исчезают, другие появляются — все это не должно препятствовать как с теоретической точки зрения, так и в практических целях различать отдельные формы связей и анализировать их, не забывая, конечно, при этом о существовании других форм связей, которые подлежат учету при анализе.

В практической деятельности для нас зачастую решающее значение имеет одна из форм связей; другие же связи мы можем либо учитывать, либо вовсе от них абстрагироваться. Для определения скорости движения тела главное значение имеет пространственное и временное отношение между начальным и конечным моментами движения. В этом случае можно отвлечься как от причин, вызвавших движение, так и от условий, в которых оно протекало. Знание пространственных отношений позволяет ученым по найденным отдельным костям определять размеры тела ископаемого. Это же знание позволяет криминалисту судить о росте человека, оставившего следы ног на месте совершения преступления.

Знание пространственных, временных связей, связей условий с обусловленным, причинных связей позволяет нам определять по наличию (отсутствию) одних известных явлений наличие (отсутствия) других неизвестных явлений.

Примерно с 1953 г. и особенно в последнее время все большее число юристов начинает усматривать сущность судебного доказательства в его связи с искомым фактом и пытаются выявить наряду с перечисленными нами и иные формы связей. Однако среди этих различных форм связей указанные выше четыре формы по-прежнему занимают доминирующее положение.

3. Связи однозначные и многозначные. Косвенные доказательства. Наряду с перечисленными четырьмя формами связей необходимо различать также связи однозначные и многозначные, которыми может характеризоваться как причинно-следственная связь, так и связь условий с обусловленным.

Однозначная связь - это такая связь явления (причины, условия или следствия), которая проистекает только в единственно возможном направлении. Например, отсечение головы человека (причина) влечет необходимо лишь одно следствие — смерть человека. Или — беременность как следствие может быть результатом **единственно** возможной причины — зачатия. **Многозначная связь**, наоборот, это такая связь явления (причины, условия или следствия), которая может проистекать в различных направлениях. Например, смерть человека как следствие может быть результатом разных причин. Удар по голове, как причина, в зависимости от ряда обстоятельств (условий) может влечь разные следствия: либо смерть, либо сотрясение мозга, либо иное тяжкое или легкое телесное повреждение.

Многозначная и однозначная связи существуют объективно. Они существенно отличаются друг от друга. Их разграничение и анализ дает, нам кажется, возможность правильно решить вопрос о сущности косвенного доказательства, его отличии от прямого доказательства, дает необходимую теоретическую базу для разработки методики исследования и оценки косвенных доказательств.

Трудно, например, признать удовлетворительными такие существующие определения прямых и косвенных доказательств, которые, по существу, сводятся к тавтологии: прямые доказательства те, которые прямо устанавливают искомый факт, косвенные те, которые искомый факт устанавливают косвенно.

Объективной основой, на которой зиждется существование прямых и косвенных доказательств, которая дает теоретический критерий для их разграничения и оправдывает саму необходимость такого разграничения, является существование в объективной действительности многозначных и однозначных связей.

Прямое доказательство — это такой известный факт, который в силу его однозначной связи с неизвестным фактом дает возможность сделать лишь **один** вывод о неизвестном факте — о наличии

его либо отсутствию; **косвенное** доказательство—это, наоборот, факт, дающий в силу многозначности его связей возможность для **различных, вероятных** выводов. Поэтому заключение от него к искомому факту носит не характер единственной возможности, а лишь характер большей или меньшей вероятности.

Отсюда вытекает вывод об отмечаемой в литературе характерной черте косвенного доказательства — недостаточность его одного без других доказательств для установления искомого факта. Чтобы установить искомый факт при помощи косвенных доказательств, многозначность их связей должна быть сведена к единственной связи с искомым фактом путем исключения связей с другими фактами; лишь полное исключение возможных связей, кроме единственной, гарантирует установление абсолютной истины при помощи косвенных доказательств.

Такое исключение осуществляется путем привлечения иных доказательств, необходимый минимум которых определяется в зависимости от характера связей того или иного конкретного случая.

В отличие от косвенных доказательств центральное место в исследовании и оценке прямых доказательств принадлежит лишь определению достоверности доказательства.

Знание однозначных и многозначных связей дает возможность правильно пользоваться прямыми и косвенными доказательствами, определять те условия, при которых определенная совокупность косвенных доказательств может быть достаточной для познания искомого факта, устанавливая все возможные связи косвенного доказательства, отыскивая доказательства, необходимые для сведения этих связей к единственной.

Возражая против предложенного основания деления доказательств на прямые и косвенные, М. С. Строгович указывает, что прямое доказательство, как и косвенное, также может быть истолковано по-разному, например, показания свидетеля-очевидца нанесения обвиняемым потерпевшему смертельного ранения в зависимости от всей совокупности обстоятельств дела в одном случае будут свидетельствовать об умышленном убийстве, в другом — об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, без намерения убить.

Возражение это основано на искусственной конструкции «главного факта» и не может быть признано справедливым. Показание свидетеля-очевидца будет прямым доказательством **только** факта нанесения ранения, и никаких других толкований в отношении данного факта быть не может, как это несколько дальше признает сам М. С. Строгович. Что же касается субъективной стороны состава преступления (было ли намерение убить), последствий ранения (ока-

залось оно смертельным или нет), то указанные факты будут устанавливаться не показаниями свидетеля-очевидца, а другими доказательствами: характером орудия преступления, местом, куда был нанесен удар, силой удара и т. д.

4. Формы связей в судебной практике. Обращаясь непосредственно к области судебного познания, можно видеть, что при установлении искомых фактов при помощи доказательств могут быть использованы все разобранные выше формы связей в тех или иных сочетаниях.

Алиби — типичный пример сочетания трех связей: условия с обусловленным, пространственной и временной. Для того чтобы совершить какое-либо действие лично, необходимо в момент совершения действия находиться в месте его совершения. Если этого нет, то отсутствует одно из необходимых условий для совершения обвиняемым приписываемого ему деяния. Отсутствие необходимого условия, хотя бы одного, означает и отсутствие искомого явления, которое могло иметь место при наличии причины и **всех** необходимых условий. Конечно, в данном случае существует и масса других, в том числе причинных связей, но легко видеть, что все они для установления искомого факта не имеют никакого значения. Не имеет никакого значения причина, в связи с которой лицо находилось в определенном месте, удостоверяющем его алиби. Не имеют значения: были ли у данного лица причины совершать приписываемые ему деяния (возможно и были), а также и другие необходимые условия; в силу однозначной связи между необходимым условием и следствием отсутствие одного из необходимых условий неминуемо ведет к отсутствию следствия. Алиби поэтому является прямым доказательством несовершения лицом приписываемого ему деяния. Сущность алиби — в определенной пространственно-временной связи и связи условия с обусловленным.

Факт — невозможность для обвиняемого в изнасиловании, жить половой жизнью — второй типичный пример связи условия с обусловленным. В данном случае не имеют значения и не помогают установлению искомого факта ни пространственно-временные, ни причинные связи. Однако отсутствие одного необходимого условия (возможности жить половой жизнью) в силу однозначности связи необходимо заставляет приходиться к единственному выводу — отсутствию факта изнасилования обвиняемым. Здесь вновь пример прямого доказательства.

Сущность связи условия с обусловленным, а также причинной связи в том-то и заключается, что в силу ее наличие необходимого условия дает возможность существовать обусловленному (факт наличия условия будет поэтому косвенным доказательством), отсутст-

вие такого условия исключает эту возможность (факт отсутствия условия—прямое доказательство).

Наибольшим распространением среди доказательств в судебной практике пользуются факты, являющиеся следствиями по отношению к искомому факту, который может быть либо причиной, либо условием данного следствия.

Характерный пример однозначной связи (наличия следствия с наличием условия) содержался в определении ЖДК Верховного Суда СССР по делу Рогова. Обращение рабочего Рогова к администрации предприятия с просьбой освободить его от предстоящей поездки — прямое доказательство факта осведомленности Рогова о предстоящей поездке.

Судебная практика знает и случаи, когда суд для познания какого-либо искомого факта ограничивается лишь знанием временной или пространственной связи, не касаясь более глубоких связей, — условия с обусловленным и причинных. Временными и пространственными связями пользуются преимущественно при криминалистических и судебно-медицинских исследованиях, при установлении достоверности или недостоверности доказательств.

Наличие на документе, датированном 1868 годом, водяного знака, установленного в 1871 году, является прямым доказательством подлога этого документа. Показание свидетеля на одном из процессов по обвинению коммунистов в США о том, что он якобы в 1949 году присутствовал в подпольной марксистско-ленинской школе при обсуждении вопросов, связанных с Корейской войной, являлось лжесвидетельством ввиду нарушения временных связей с прямым доказательством, в данном случае — с общеизвестным фактом, что Корейская война началась в 1950 году.

Пример использования временных связей можно видеть также в определении Верховного Суда СССР по делу 03/302. Временное отношение между моментом причинения увечья истцу (11.8.1945) и моментом, с которого существует ответчик (17.12.1945), дало возможность сделать вывод о том, что увечье истцу было причинено не ответчиком

Характерный случай использования пространственных отношений встретился в практике народного суда г. Иркутска. По иску Пакулина к Донских об изъятии пальто необходимо было установить факт — является ли спорное пальто тем, которое несколько месяцев назад было отобрано у Пакулина неизвестными грабителями, или оно принадлежит Донских, утверждавшим, что он его купил задолго до ограбления. Предложив сторонам в порядке судебного эксперимента надеть пальто, суд установил, что истцу пальто впору, ответчику же явно мало (пояс расположен почти на высоте груди).

Установленные таким образом факты — соответствие пальто размеру и росту истца и несоответствие росту ответчика, совместно с некоторыми другими доказательствами, привели к признанию иска обоснованным.

Отметим, что временные и пространственные отношения определенных явлений скрывают за собой иную, более глубокую связь, в частности, причинную, притом иногда и такую, о которой на настоящем уровне развития науки можно лишь предполагать или вовсе о ней не знать. Однако это незнание более глубоких связей не лишает нас права в определенных пределах пользоваться при познании знакомыми поверхностными связями, временными и пространственными, и считать, в частности, одно из двух временно связанных явлений доказательством другого; так же как в свое время незнание всего комплекса причинных связей между трением и теплотой не мешало еще доисторическим людям пользоваться на практике знанием того, что трение производит теплоту.

Много, в частности, случаев пользования поверхностными связями при установлении искомых фактов знает судебная медицина. До сих пор, например, не исследованы полностью связи между смертью от охлаждения и сопутствующим ей появлением на слизистой оболочке желудка так называемых пятен Вишневого, но поскольку при смерти от охлаждения пятна Вишневого наблюдаются, как правило, то факт наличия либо отсутствия пятен Вишневого используется судебной медициной как диагностический признак для смерти от охлаждения.

Заканчивая рассмотрение вопроса о существенном признаке доказательства — связи его с искомым фактом, отметим, что не всякое явление, находящееся в связи с искомым фактом, может служить доказательством. Предел для использования тех или иных явлений в качестве доказательств ограничивает наши знания о связях явлений.

Явления—тон, мимика, манера держаться, уверенность или неуверенность при ответах, жесты и другие подобные обстоятельства, относящиеся к поведению лица, дающего показания суду, не являются доказательствами не в силу того, что эти явления не связаны с искомыми фактами. Факт волнения свидетеля (подсудимого) при показаниях может быть связан как с неправдивостью показаний, так и с искомыми фактами. Но дело в том, что это волнение может быть связано со многими другими обстоятельствами — особенностями характера лица, условиями допроса, тяжестью улик, условиями предыдущей жизни и т. д., т. е. с самыми различными, многочисленными и часто очень отдаленными обстоятельствами. Самый опытный психолог при современном состоянии науки (судебная психология у нас сейчас делает лишь первые шаги) не в силах **ни исключить, ни**

проследить все эти многочисленные и крайне сложные связи, ни тем более сделать доброкачественный анализ этих связей в мотивировочной части судебного постановления; класть же их в качестве доказательства в основу постановления суда без анализа, без мотивов недопустимо с процессуальной точки зрения, ибо это исключает возможность проверки правильности произведенной судом оценки доказательств.

Ввиду недостаточного знания биологических связей была запрещена так называемая экспертиза сходства, допущенная в 1929 г. Подведем итоги изложенному.

1. Доказательством является факт объективной действительности, заключающийся либо в наличии, либо в отсутствии определенного явления

2. Существенным признаком доказательства служит наличие у него связи с искомым фактом, знание которой позволяет делать вывод о наличии или отсутствии искомого явления.

3. Связь факта-доказательства с искомым фактом может выступать либо в одной из четырех форм связей: причины и следствия, условия и обусловленного, временной и пространственной, либо в различном сочетании этих форм. Возможны и иные формы связей. Большей частью между фактом-доказательством и искомым фактом имеет место причинно-следственная связь в сочетании с другими формами связей.

4. Неправильным является мнение о том, что доказательство и искомый факт могут состоять между собой только в причинно-следственной связи; неправильным является также взгляд, будто между доказательством и искомым фактом может отсутствовать **вообще** связь.

5. По характеру связей следует различать доказательства прямые, характеризующиеся однозначной связью, и доказательства косвенные, характеризующиеся многозначной связью.

Особенности судебного доказательства

1. Источник доказательства. Факт, способный служить доказательством искомого факта, может быть непосредственно познан лишь в том случае, если суду будет представлен для восприятия и исследования тот объект внешнего мира, который является материальным субстратом, как иногда говорят, «носителем» или источником явления-доказательства, будь то предмет неодушевленной природы или наделенный сознанием человек.

Правда, в процессуальной теории под источником доказательств нередко понимают не объекты внешнего мира — носи-

тели доказательств, а так называемые средства доказывания — показания свидетелей, объяснения обвиняемого (или сторон в гражданском процессе), Заключение экспертов, письменные и вещественные доказательства.

Однако этот взгляд и непоследователен и неправилен по существу. Непоследователен потому, что в отношении личных доказательств источником называется само доказательство — свидетельское показание и пр., в отношении вещественных — источником называется носитель доказательства — вещь. Неправилен потому, что он под источником доказательств понимает **сами** доказательства — показания свидетелей, заключения экспертов и т. д. Это легко обнаруживается в случаях, когда, например, показание свидетеля является доказательством самого искомого факта. Если здесь считать источником доказательства показание свидетеля, то, опрашивается, что же будет доказательством? Доказываемый факт, сообщение о котором содержится в показаниях свидетеля? Но ведь он и является доказываемым фактом, а не доказательством его. Итак, есть источник доказательства, есть доказываемый факт, но... исчезло само доказательство.

Понимание под источником доказательств не самих свидетелей, сторон в гражданском процессе и т.д., а свидетельских показаний и проч. автоматически (ведет к исключению из числа доказательств, как не имеющих источника в указанном смысле, фактов, относящихся к поведению участников дела, как-то: представление обвиняемым (стороной в гражданском процессе) фальсифицированных доказательств, дача ложных показаний, умышленное уклонение от суда и др. А это не согласуется с сущностью доказательства и неправомерно уменьшает число тех средств, которыми суд может воспользоваться для установления истины.

В философском смысле под «источником» понимают то, «из чего исходит, проистекает, возникает интересующее явление», и никто не объяснил, почему процессуальная теория должна отступать от этого смысла, называть источником не свидетеля, из которого «истекает» показание, а само показание, из которого ничего не истекает. Никто не показал, почему произнесенные стороной (обвиняемым) имеющие значение для дел слова вне суда, например, признание, должны считаться доказательственным фактам, а те же слова, произнесенные в суде, — не фактом, а лишь источником фактов-доказательств или источником сведений о фактах, по терминологии ряда авторов.

Сообщение лица о воспринятом — это, как и другие явления, — факт объективной действительности, и он является таковым независимо от того, делается ли это сообщение вне суда или в суде.

Следовательно, под источниками доказательств следует понимать материальные предметы, с которыми происходят или на которых отражены явления-доказательства. Только к такого рода источникам-носителям доказательств применимы правила о собирании, хранении, представлении, правила об осмотрах, обысках и выемках вещей, об освидетельствованиях и допросе лиц. Нельзя, например, хранить факты, свидетельские показания, можно хранить лишь вещи или документы.

Понимая под источником доказательства не средство доказывания (вещественное доказательство и др.), а материальный объект (вещь), заметим, что с точки зрения общеупотребительного смысла слов «источник», «носитель» было бы правильным по отношению к людям говорить об источнике доказательств, по отношению же к вещам — о носителе доказательств. Однако в литературе в обоих случаях пользуются термином «источник доказательств», которого в дальнейшем будем придерживаться и мы. Справедливо утверждение С. С. Алексеева, что «недопустимо, без особо важных причин, отказываться от ранее используемой терминологии».

Не всякий источник факта, находящегося в связи с искомым фактом и способного поэтому служить доказательством, может быть в настоящее время источником доказательства в действительности. В свете законов, известных науке и, в частности, теории отражения, является несомненным, что тот или иной факт действительности при восприятии его органами чувств оставляет след — «образы **внешнего мира**» — в психике воспринимающего этот факт человека и не только у психически здорового, но и у душевнобольного, у ребенка и даже в «психике» животного (например, запах у собаки-ищейки). Однако эти явления-следы, хотя теоретически и могли бы во всех случаях служить доказательствами, но при существующем уровне науки сами они доступны для познания лишь в очень ограниченных пределах, недостаточных для их достоверного познания, а поэтому они и не могут служить доброкачественными средствами для познания искомых фактов.

По этой причине советское процессуальное право, исходящее из задачи установления истины, с одной стороны, не **ограничивает** суд в привлечении источников доказательств, которые **могут** доставить суду средства для познания, с другой, не **допускает** тех источников, которые доброкачественных средств для познания доставить не могут.

Кроме оказанного, необходимо отметить и следующее. Так как установление истины является не самоцелью, а лишь средством для осуществления задач правосудия, то доказательственное право, в частности, гражданское процессуальное, устанавливая правила допус-

тимости доказательств наряду с задачей установления истины по любому делу, учитывает и иные соображения, вытекающие из задач, преследуемых гражданским правом, именно: задачу — побудить граждан обеспечивать себя заранее наиболее надежными источниками доказательств и тем самым облегчать суду задачу установления истины в случае спора. А в силу специфики гражданских правоотношений такое обеспечение себя указанными в законе источниками доказательств во многих случаях не составляет для сторон гражданских правоотношений затруднений. В свете этих соображений гражданское процессуальное право для установления определенных фактов не разрешает пользоваться суду в качестве доказательств фактами, полученными из непредусмотренных в законе источников, например, от свидетелей.

Следовательно, **источник** доказательства служит первым существенным признаком судебного доказательства, отграничивает его от иных доказательств, используемых в других областях познания.

2. Процессуальная форма доказательства. Если источник доказательства служит признаком, отвечающим на вопрос — **откуда** получено доказательство, то на вопрос — как оно получено, отвечает другой признак судебного доказательства — процессуальная форма, в которой доказательство получено.

Для того чтобы факт, предназначенный служить доказательством, мог быть доброкачественным доказательством, закон устанавливает правила, в соответствии с которыми должны быть получены доказательства. Эти правила обусловливаются природой различных доказательств, особенностями их процесса формирования. Совокупность правил, регулирующих процесс извлечения и исследования доказательств, и образует **процессуальную форму** доказательства. Эти правила в основном сводятся к следующему.

1. Доказательства должны быть получены в установленном законом порядке (судом в стадии судебного следствия, с соблюдением принципов гласности, состязательности, непосредственности и др.) и только путем действий, предусмотренных процессуальным законом, — допроса свидетеля, участвующего в деле лица, эксперта; исследования письменных доказательств, осмотра и исследования вещественных доказательств; опознания и судебного эксперимента. Правда, последние два действия предусмотрены лишь в ГПК БССР (ст. ст. 171, 173—174); ГПК РСФСР и других союзных республик таких процессуальных действий не предусматривают.

Факты, ставшие известными суду не в результате предусмотренных законом процессуальных действий, а иным непроцессуальным путем, не могут служить судебными доказательствами, даже в

тех случаях, если они получены и из процессуальных источников, например, от лица, являющегося свидетелем или экспертом по делу, из документов, находящихся в деле, но не рассмотренных в судебном заседании, и т. д.

Верховный Суд СССР неизменно отменяет приговоры и решения судов, вынесенные с нарушением указанного правила. Так, в определении по делу 36/354 ГСК Верховного Суда СССР, отменяя решение народного суда и указывая на допущенные нарушения, отмечала: «В нарушение ст. 122 ГПК (в настоящее время см. ст. 175 ГПК. - С. К.) народный суд истребовал справку о стоимости кольца из Ювелирторга после окончания судебного заседания. Полученная от Ювелирторга справка не была предметом обсуждения сторон».

Более того, исходя из задачи установления истины, а следовательно, обеспечения правильного проведения состязательности, являющейся средством ее установления, Верховный Суд СССР учитывает не только формальный момент — положены ли в основу постановления суда факты, ставшие известными суду в непроцессуальной форме, но, если так можно выразиться, и материальный момент — были ли суду вообще известны внепроцессуальным путем факты, могущие служить доказательствами по делу. Верховный Суд исходит из того, что факты, ставшие известными суду внепроцессуальным путем, хотя и не положены в основу судебного постановления, не могут не отразиться на формировании внутреннего убеждения суда, причем это отражение в последнем случае происходит с существенным нарушением предусмотренных законом гарантий установления истины — с нарушением прав сторон на исследование доказательств. По делу Синелобова УСК Верховного Суда СССР указала, что судьи, которым из внепроцессуального материала стали известны имеющие значение для дела факты, подлежат отводу.

Верховный Суд СССР не считает доказательством факт, полученный после окончания судебного следствия, например, признание подсудимого во время прений сторон. Доказывание заканчивается перед прениями. Не имеют значения судебных доказательств сообщения лиц (сторон в гражданском процессе, свидетелей и др.), полученные судом по телефону.

2. Кроме указанных общих гарантий достоверности доказательств, относящихся ко всем доказательствам, судом (следователем) при их получении должны быть соблюдены и предусмотренные законом специальные гарантии достоверности, то есть гарантии, относящиеся к тому или другому виду доказательств, например, правила допроса обвиняемых, свидетелей, производства осмотра и т. д.

Нарушение тех или иных гарантий достоверности может привести к тому, что представленные суду с нарушением формы мате-

риалы не могут быть использованы в качестве доказательств. Так, ГKK Верховного суда РСФСР в определении по делу Кручининой-Харченко указала: «Суд неправильно принял за доказательство письменные объяснения свидетеля, некоего больного Швеца. Свидетельскими показаниями признаются, ...только данные лично в суде и после предварительного разьяснения об ответственности за ложные показания».

Особенность процессуальной формы доказательств, используемых при рассмотрении уголовных дел, состоит в том, что здесь важно соблюдение формы не только во время судебного разбирательства, но и на предварительном следствии. Так, нарушения правил проведения опознания во время предварительного следствия устранить при судебном разбирательстве уже невозможно; даже ошибки, допущенные при допросе свидетелей, в суде бывает затруднительно исправлять ввиду того, что свидетель чувствует себя связанным данными ранее показаниями.

Следует отметить, что процессуальная форма судебного доказательства, как вообще любая форма, не может иметь приоритета над содержанием. А поэтому взятый сам по себе факт несоблюдения той или иной гарантии достоверности доказательства, например, нарушение ст. 168 ГПК (ст. 161 ГПК БССР), ст. 283 УПК (ст. 286 УПК БССР) при допросе свидетеля еще не делает доказательство порочным. Все зависит от характера допущенного нарушения и тех последствий, которые оно могло оказать на достоверность доказательства. Доказательство, полученное судом с нарушением той или иной гарантии достоверности, не может служить судебным доказательством, если данное нарушение не исправимо, если его действие не может быть парализовано определенными процессуальными мероприятиями, заключающимися в восстановлении достоверности доказательства путем учета тех влияний, которые могло оказать на доказательство какое-либо из нарушений гарантий его достоверности.

Если истинность фактов, установленных при помощи экспертизы, вызывает сомнения ввиду того, что экспертиза проводилась без участия сторон, данные факты еще не утрачивают своего значения как доказательств. Допущенное нарушение может быть ликвидировано при помощи дополнительной экспертизы, оно может не повлиять на судьбу дела и при отсутствии возражений участников дела по выводам экспертизы.

Если свидетель допрошен судом с нарушением ст. 168 ГПК (ст. 283 УПК), то действие указанного нарушения может быть парализовано как определенными процессуальными действиями (очная ставка, перекрестный допрос и др.), так и учетом влияния данного нарушения при оценке судом доказательств по совокупности. Дока-

зательство, полученное во время прений участников дела, может быть принято во внимание, если оно будет исследовано после возобновления судебного следствия.

Все сказанное имеет существенное значение ввиду того, что, во-первых, суд не всегда имеет возможность получить в свое распоряжение безграничное количество доказательств, достаточных для установления искомого факта, поэтому исключение из числа имеющихся доказательств какого-либо из них может затруднить установление истины; во-вторых, потому, что несоблюдение судом каких-либо правил, гарантирующих достоверность доказательства, может явиться не только следствием вольного или невольного нарушения судом закона, но оно может оказаться результатом и объективно сложившихся обстоятельств. Лицо, которое могло бы быть свидетелем, не было известно ни суду, ни участникам дела и поэтому не вызывалось в суд в качестве свидетеля, на оно оказалось присутствующим при разбирательстве дела. В подобных случаях было бы неправомерно лишать суд права пользоваться, может быть, важнейшим и незаменимым доказательством лишь по одному тому, что, например, свидетель не был своевременно удален из зала судебного заседания.

Вследствие этого Пленум Верховного Суда СССР по делу Бондарева в Постановлении от 25.6.1940 г. дал принципиального порядка указание: «Лицо, не вызванное в суд в качестве свидетеля и присутствовавшее в зале судебного заседания при рассмотрении дела, может быть допрошено судом в качестве свидетеля независимо от его присутствия при допросе предшествовавших свидетелей; это обстоятельство должно быть учтено судом при оценке его показаний».

Таким образом, признак процессуальной формы доказательства является вторым существенным признаком **судебного** доказательства. Доказательство, полученное судом с **существенным** нарушением предусмотренной для него процессуальной формы, не может служить судебным доказательством. Те или иные **частные** отступления от процессуальной формы лишают судебное доказательство его качества только в том случае, если они не могут быть исправлены или их действие не может быть парализовано исследованием влияния, которое могло оказать нарушение процессуальной формы на достоверность доказательства, и учетом его при оценке доказательств по совокупности. Нельзя поэтому признать правильным мнение, вытекающее из исследований отдельных авторов, будто при **любом** нарушении процессуальной формы доказательство «теряет доказательственную силу, перестает быть законным средством доказывания».

Обобщая в качестве признаков разобранные выше требования, которым должно отвечать судебное доказательство, можно его определить следующим образом.

Судебным доказательством является факт, полученный из предусмотренных законом источников и предусмотренным законом способом, находящийся в определенной связи с искомым фактом, благодаря которой он может служить средством установления объективной истинности искомого факта.

3. Формирование доказательства. Следующим вопросом, который должен быть исследован при анализе проблемы сущности доказательства, является вопрос о процессе его формирования. Понятие процесса формирования судебного доказательства постепенно начинает завоевывать право гражданства в учении о доказательственном праве в качестве его самостоятельной категории.

Что следует понимать под процессом формирования доказательства? Связь между искомым фактом и фактом-доказательством может быть предельно близкой, выражающейся в одном звене, например, причинная связь между фактом повреждения имущества с искомым фактом — действиями лица, которыми причинен указанный вред имуществу. Эта связь может быть и более отдаленной, состоять из многих звеньев, например, связь показания свидетеля об искомом факте с самим этим фактом. В последнем случае связь состоит, по крайней мере, из трех звеньев: 1) восприятие свидетелем искомого факта, которое приводит к запечатлению «образа» факта в психике свидетеля; 2) сохранение этого образа в памяти свидетеля; 3) воспроизведение образа перед судом (следователем) в форме свидетельских показаний. Но если свидетель воспринимает не сам искомый факт, а другой, связанный с ним, если свидетель сообщает суду о факте сведения, полученные им от другого лица, воспринявшего этот факт, то в этих случаях число звеньев связи еще более возрастает.

Совокупность указанных отдельных явлений, через которые проходит связь факта-доказательства с искомым фактом, и составляет процесс формирования доказательства.

Кроме рассмотренной связи с искомым фактом, формирование доказательства может быть осложнено связями с иными посторонними явлениями, связями, вплетающимися в основную связь и накладывающими на нее определенный отпечаток. Например, при формировании свидетельского показания связь его с искомым фактом может быть значительно осложнена посторонними связями с самыми различными обстоятельствами, как, например, внешними условиями восприятия — погодой, видимостью и т. п.; обстоятельствами, характеризующими свойства, относящиеся к самому вос-

принимающему субъекту—острота зрения (слуха), внимание, уровень развития, род занятий, свойства памяти и т. п.; внешними условиями сохранения воспринятого — истекшим временем между моментом восприятия и воспроизведения, «обновление памяти» путем допросов, наслоевание на «образ» воспринятого иных восприятий или рассказов о том же событии других лиц и т. д.

Все эти условия, в которых происходит процесс формирования доказательства, подлежит учету при исследовании и оценке доказательства. Употребляемое в процессуальной литературе понятие «проверка доказательства» в качестве своего основного содержания именно и означает исследование комплекса явлений, составляющих процесс формирования доказательства, с целью установления его достоверности. Когда, например, суд исследует — откуда свидетель узнал сообщаемые им сведения или условия, в которых происходило наблюдение свидетелем факта и т. п., то суд в данном случае исследует (проверяет) доказательство с точки зрения процесса его формирования.

Далее. Нередко в процессуальной литературе различают два момента в оценке доказательств: 1) оценку достоверности источника доказательства и 2) оценку достоверности самого доказательства. Такая интерпретация методики оценки, на наш взгляд, является бесплодной или ошибочной. Она не имеет практической ценности, если под источником доказательств понимать средства доказывания, так как в этом случае, по справедливому замечанию Н. Н. Полянского, достоверность источника будет автоматически означать достоверность доказательственного факта. Наоборот, если под источником понимать носителя доказательства (свидетеля, вещь), то указанная методика оценки будет неправильной.

Достоверность источника доказательства, например, правдивость свидетеля, подлинность документа, как и достоверность извлекаемого из него факта, не могут быть установлены **без оценки** процесса **формирования доказательства**.

Показание свидетеля может не соответствовать действительности не только ввиду его неправдивости, но также ввиду ошибок в восприятии, недостатков в сохранении и воспроизведении воспринятого. Суд может правильно оценить такое показание, лишь исследовав и оценив все звенья процесса формирования.

Теоретическая разработка учения о доказательстве должна помочь суду пользоваться доказательствами, т. е. в первую очередь отвечать на вопросы, как исследовать и как оценивать доказательства. Чтобы исследование доказательств было целеустремленным и плодотворным, чтобы оценка доказательств была правильной, надо

знать — **что** именно исследовать в доказательстве и что надо учитывать при оценке доказательств.

Процесс же формирования различных видов судебных доказательств имеет свои специфические особенности, теоретический анализ которых может дать важные рекомендации для исследования и оценки доказательств на практике. И нам представляется, что предметом исследования и оценки должны являться не только источник доказательства и само доказательство, но, прежде всего, его процесс формирования, без чего не может быть определена ни доброкачественность источника доказательства, ни достоверность самого доказательства.

Так, по делу Одинцовой и Новосельцевой с Тырсиной и Горшковой ГСК Верховного Суда СССР признала недостаточным доказательством вины ответчиков в возникновении пожара имевшуюся в деле справку пожарной охраны, в которой удостоверялось наличие вины ответчиков. Основанием для такого вывода послужила неисследованность процесса формирования справки. Отменяя решение суда, ГСК справедливо указала: «Поскольку в деле имеются данные о том, что пожарная команда прибыла на место пожара много времени спустя после его возникновения и ответчики отрицают факт возникновения пожара в их кладовой, суд должен потребовать от пожарной команды материалы, на основании которых была дана вышеуказанная справка, и проверить обоснованность выводов о возникновении пожара в кладовой Горшковой».

Лишь путем исследования процесса формирования доказательства может быть раскрыт и правильно установлен весь тот комплекс связей, который соединяет доказательство с искомым фактом. Правильное представление об этом комплексе явлений и дает возможность знать: **что** именно, **какие** явления и **как** должны быть исследованы и с учетом **каких** обстоятельств оценены.

Процесс формирования доказательства, источником которого является человек, его психика, существенно отличается от формирования доказательств — «следов» явлений на вещах, животном или на теле человека. Последнее делает закономерным деление доказательств на личные и вещественные, которое будет рассмотрено дальше. Здесь же остановимся на требованиях, которые должны быть предъявлены к процессу формирования и на высказанных в процессуальной литературе взглядах об объединении нескольких звеньев процесса формирования в единое понятие доказательства в качестве его элементов.

Процесс формирования доказательства — это цепь явлений развивающейся действительности от одного факта, неизвестного суду, до другого известного факта-доказательства, например, от факта

проживания лица на определенной жилищной площади до справки домоуправления об этом факте. Мысль судей, устанавливающих неизвестный факт, движется в обратном направлении: от известного факта — свидетельского показания, справки и т. д. через все звенья процесса формирования к неизвестному факту. Поэтому первым и главным требованием, которому должен отвечать процесс формирования доказательства, является доступность для исследования и познания всех его звеньев, т. е. всех промежуточных фактов между искомым и доказательством. Не отвечают этому требованию и не могут быть поэтому допущены в качестве доказательств такие факты, как анонимные сообщения, свидетельства о фактах, первоначальный источник которых не может быть указан (ст. 74 УПК, ст. 68 УПК БССР).

Далее. В тех случаях, когда какой-либо отрезок процесса формирования доказательства доступен контролю со стороны лиц, которые определенным образом участвуют в процессе его формирования (следователь, судьи, стороны в гражданских правоотношениях, нотариус), закон устанавливает правила процесса формирования, гарантирующие его правильность и облегчающие возможность его проверки. Это в первую очередь относится к производным и смешанным доказательствам (о чем будет сказано дальше), различным актам, протоколам осмотров, освидетельствований и других процессуальных действий, показаниям свидетелей, заключениям экспертов.

Требование ст. 77 ГПК (ст. 53 ГПК БССР) и ст. 191 УПК (ст. 190 УПК БССР) о том, что заключение экспертов должно содержать в себе описание произведенных исследований и обоснование всех выводов, является требованием о том, чтобы в заключении экспертов был отражен процесс формирования выводов, как необходимое условие для проверки правильности заключения.

УПК и ГПК союзных республик не содержат прямых указаний о том, что и в показаниях свидетелей должен быть отражен процесс их формирования, в частности, его важнейшее звено — факт восприятия (факт сохранения подразумевается), однако, анализ ст. 74 УПК (ст. 68 УПК БССР) показывает, что такое отражение должно иметь место. Не могут, следовательно, считаться доказательствами такие сообщения свидетелей, в которых не содержится указания о том, каким образом сообщаемое стало известно свидетелю.

Между тем суды иногда допускают ошибки в этом отношении. С. Н. Абрамов, обобщая данные судебной практики по делам об установлении юридических фактов, в числе ее недостатков справедливо отметил: «...нередко определение суда основано на неопределенных показаниях свидетеля, вроде голословного утверждения: «знаю заявительницу, как жену умершего такого-то». Даже в определении

ях Верховного Суда СССР иногда встречаются ссылки на подобного рода свидетельские показания без каких-либо указаний нижестоящим судам о необходимости проверки их процесса формирования, что следует признать неправильным.

Так, в определении ГСК Верховного Суда СССР по делу 36/1117 содержится ссылка без всяких оговорок и указаний нижестоящему суду на показания Черновой: «Я могу подтвердить, что ответчица деньги не брала...», заявление Ульяновой, что «Буканова расписку подделала». Такие показания не могут служить доказательствами, так как не отражают процесса формирования высказываемых фактически мнений свидетелей.

4. Средства доказывания и доказательственные факты. Вопрос об источнике как элементе доказательства. Сообщение лица (участника дела, свидетеля, эксперта и др.) о фактах при условии достоверности этого доказательства (отсутствии искажений в процессе формирования) является прямым доказательством сообщаемого факта. Однако сам сообщаемый факт может быть как элементом искомого фактического состава, так и иным фактом, состоящим с фактами искомого состава в определенном отношении (связи) и способным благодаря этому служить доказательством искомого факта.

Таким образом, определенный факт, будучи познан опосредствованным путем (при помощи факта — сообщения свидетеля), сам после этого становится средством познания следующего связанного с ним факта и т. д., вплоть до конечного искомого факта. При этом все эти промежуточные факты-средства познания могут быть как прямыми, так и косвенными доказательствами в зависимости от характера их связи с устанавливаемыми фактами.

Следовательно, доказательствами в процессе в первую очередь являются непосредственно воспринимаемые судом факты (сообщения свидетелей и других лиц, заключения экспертов, состояния или признаки вещей и др.), а затем все остальные факты, познанные при помощи первых опосредствованным путем. Первые факты называют средствами доказывания, вторые — доказательственными фактами.

Разграничение фактов-доказательств на средства доказывания и доказательственные факты в настоящее время проведено в законе (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства, ст. 17 Основ гражданского судопроизводства). Однако терминологически это сделано не совсем удачно, т. к. при буквальном понимании закона получается, что доказательствами служат лишь доказательственные факты («фактические данные»), а средства доказывания (свидетельские показания и т. д.) будто бы и не факты и не доказательства, а нечто иное.

Терминологическое разграничение средств доказывания и доказательственных фактов необходимо. Но надо помнить, что оно является условным, ибо и те и другие служат средствами познания, значит и средствами доказывания. Поэтому, с другой стороны, было бы и неверным не относить к судебным доказательствам доказательственные факты, как поступают некоторые юристы

Доказательственные факты отвечают всем рассмотренным выше признакам судебных доказательств. Все различие между средствами доказывания и доказательственными фактами состоит только в форме их познания судом: средства доказывания воспринимаются и познаются непосредственно, доказательственные факты — опосредствованно; когда же они познаны тем или иным путем, то в равной мере служат средствами установления истины, конечных искомых фактов.

Если некоторые процессуалисты рассматривают в качестве судебного доказательства лишь конечное звено процесса формирования доказательства — непосредственно воспринимаемые судом факты (сообщения свидетелей и т. д.), если другие процессуалисты, наоборот, это конечное звено считают не доказательством, а источником доказательства, то третья группа процессуалистов объединяет в едином понятии доказательства в качестве его элементов ряд звеньев процесса формирования, например, средства доказывания, именуемые ими источниками доказательств, и доказательственные факты, называемые или «содержанием» доказательства или «сведениями о существовании факта». С таким взглядом также нельзя согласиться.

Источник, носитель какого-либо явления, в том числе и доказательства, не может быть одновременно и элементом этого явления, т. е. его составной частью; источник явления должен находиться вне этого явления. Есть доказательства, которые могут быть извлечены лишь из нескольких источников. Например, у доказательства-факта идентификации два источника — идентифицируемый объект и опытный объект. Могут, наоборот, быть источники, содержащие несколько доказательств, например, несколько сообщений о различных доказательственных фактах, сделанных одним и тем же свидетелем; в этих случаях критикуемый взгляд не дает возможности правильно ответить на имеющий существенное практическое значение при пользовании косвенными доказательствами вопрос, сколько будет доказательств — сколько источников или сколько фактов. Не случайно поэтому М. С. Строгович приходит к выводу, что если источником косвенных доказательств служит показание одного свидетеля, то такое показание не может считаться достаточным для установления искомого факта.

Однако М. А. Чельцов справедливо указывает на неправильность данного вывода. Соглашаясь с М. А. Чельцовым по существу, нельзя присоединиться к его аргументации, расценивающей высказывание М. С. Строговича как рецепцию теории формальных доказательств. Одно косвенное доказательство не может быть достаточным для установления искомого факта. Таково свойство косвенного доказательства/; и теория формальных доказательств здесь ни при чем. Ошибка М. С. Строговича состоит не в оценке косвенного доказательства как недостаточного, а в том, что он видит **одно** косвенное доказательство там, где их **несколько**. А к этому неизбежно ведет взгляд на структуру доказательства, включающую в качестве элементов источник и доказательственный факт.

Таким образом, объединение в понятии доказательства в качестве его элементов источника доказательства и самого доказательства (доказательственного факта) сводит в некоторых случаях на нет большое практическое значение классификации доказательств на прямые и косвенные.

Вторым неизбежным следствием взгляда на источник доказательств как на элемент самого доказательства наряду с другим элементом — доказательственным фактом — является попытка провести разграничение между прямыми и косвенными доказательствами по их структуре, т. е. по признаку наличия доказательственного факта в косвенных доказательствах и отсутствия в прямых. Эта попытка, скооперированная с искусственной конструкцией «главного факта», представляется по меньшей мере бесплодной. Различие между прямыми и косвенными доказательствами, как было рассмотрено, заключается не в их элементарном составе, а в характере связи с искомыми фактами. Критикуемое мнение противоречит судебной практике, которая знает немало доказательственных фактов, являющихся прямыми, а не косвенными доказательствами и считать их косвенными доказательствами было бы ошибочным, без основания ведущим к оценке их как недостаточных доказательств. А процессуалисты, пытающиеся различать прямые и косвенные доказательства по их структуре, неизбежно приходят к таким ошибкам, например, относят внесудебное признание к элементу косвенного доказательства.

Однако доказанное внесудебное признание ничем не отличается по своему доказательственному значению от судебного признания. Если рассматриваемый взгляд последовательно продолжить, то придется признать косвенными доказательствами все доказательственные факты, происходящие вне суда и познаваемые судом при помощи средств доказывания, например, алиби и т. п. Поскольку неправильность такого вывода очевидна, М. С. Строгович, опреде-

ляющий косвенное доказательство по признаку наличия в нем доказательственного факта, вынужден объявить алиби главным фактом: алиби — не доказательство невиновности, а доказанная невиновность. Но нетрудно видеть, что оснований для такой модификации нет. Алиби, т. е. **нахождение обвиняемого** в момент совершения преступления в другом месте, и **несовершение** обвиняемым приписываемых ему действий суть различные факты. И сам М. С. Строгович сразу же после утверждения, что алиби — не доказательство, начинает рассматривать его в качестве доказательства.

Доказательство, если под ним понимать только факт, имеет определенную самостоятельность по отношению к его источнику. Важно лишь то, чтобы источник был один из допускаемых процессуальным правом. В частности, фиксация доказательств в уголовном процессе или обеспечение доказательств в гражданском процессе, производимые главным образом путем формирования производных доказательств, могут осуществляться при помощи различных источников (протокола осмотра, фотоснимка, слепка и т. д.). Однако сущность доказательства от способа его фиксации на том или ином источнике не меняется.

Особенно отчетливо видна самостоятельность доказательства (факта) по отношению к его источнику на таких доказательствах, как заключения экспертов и результаты судебного (следственного) эксперимента. Поэтому внешне привлекательная формула о «единстве и неразрывной связи» фактических данных и средств доказывания, в совокупности своей якобы и образующих судебное доказательство, вряд ли удачна и плодотворна.

С чем «неразрывно связаны» результаты судебного эксперимента в приведенном ранее примере (несоответствие спорного пальто фигуре и росту ответчика и соответствие фигуре истца): с истцом, с ответчиком, со спорным пальто, с судом, производившим данный эксперимент?

Судебное доказательство может быть получено только из предусмотренных в законе источников и только в определенной процессуальной форме, однако, как процессуальная форма, так и источник доказательства, в силу этого должны считаться лишь необходимыми признаками судебного доказательства, но не его элементами.

Ф. Н. ФАТКУЛЛИН
Общие проблемы процессуального доказывания.
Издание второе, дополненное.
Изд.—во Казанского ун-та, 1976, с. 89-153

Понятие и виды средств процессуального доказывания

Поскольку процессуальное доказывание всегда представляет собой опосредствованное познание реальной действительности, постольку оно осуществляется только при помощи соответствующих *средств доказывания*. Как в уголовном» так и в гражданском судопроизводстве доказывание немыслимо без и вне этих средств. Выявление и изучение тех или иных, пусть даже очень важных для дела обстоятельств, предпринимаемые какими-либо лицами помимо указанных в действующем законодательстве специальных средств, не могут считаться процессуальным доказыванием в точном смысле слова. Всякое процессуальное доказывание никоим образом неотделимо от строго определенных средств, составляющих *единственный путь* установления исследуемых обстоятельств уголовного или гражданского дела, достижения по нему объективной истины.

Поэтому вполне естественно, что всесторонняя научная разработка средств доказывания — одна из наиболее кардинальных проблем доказательственного права, имеющая неопределимое познавательное и практическое значение. От того, насколько четко определены средства доказывания, как полно раскрыты их виды и в какой мере выяснено их подлинное соотношение, зависят не только правильное понимание существа каждого вида средств доказывания и умелое оперирование ими, но и успешное решение многих других вопросов теории и практики процессуального доказывания.

Тем не менее, проблема средств доказывания в процессуальной литературе широко и детально еще не исследована. Хотя данная проблема неоднократно затрагивалась во многих опубликованных и диссертационных работах различных авторов, однако фактически она всегда рассматривается лишь в связи с трактовкой какого-либо отдельного средства доказывания, главным образом — доказательств. Вместо того, чтобы сначала дать совокупный анализ всех средств доказывания в целом, а затем, переходя от общего к отдельному, раскрыть содержание и роль каждого относительно самостоятельного вида средств доказывания, обычно предпринимается попытка смотреть на средства доказывания только сквозь призму понятия доказательств. Такой одноплановый подход, который уже сам по себе не свободен от серьезного методологического изъяна,

неизбежно приводит к узкому и довольно противоречивому пониманию указанной проблемы.

Так, многие авторы сводят все средства доказывания к источникам сведений об исследуемых по делу фактах, считая, в свою очередь, эти источники составной частью понятия доказательств. «Средства доказывания,— подчеркивает М. С. Строгович,— это определенный, указанный в законе источник сведений о важных для дела фактах, при помощи которых эти факты устанавливаются». По существу аналогичные суждения встречаются также в трудах М. Л. Шифмана, А. И. Винберга, Р. Д. Рахунова, Г. М. Миньковского, Д. М. Чечота и ряда других советских юристов.

Известна другая, по существу, противоположная точка зрения, сторонники которой средством доказывания признают лишь доказательственные факты, усматривая в последних тоже один из элементов понятия судебных доказательств. На такой позиции, в частности, стоял А. Я. Вышинский, считавший, что источники доказательств не относятся к разряду средств доказывания, поскольку такими средствами служат только «факты, которые используются для того, чтобы что-либо доказать».

Третья группа процессуалистов полностью отождествляет средства доказывания и судебные доказательства, имея при этом в виду как сами фактические данные, так и их источники. Такова исходная позиция по данной проблеме Н. Н. Полянского, М. А. Гурвича, К. С. Юдельсона, И. И. Мухина и некоторых других научных работников, хотя их взгляды в деталях несколько отличаются друг от друга.

По мнению ряда авторов, под средствами доказывания следует подразумевать только источники доказательств, которые сами по себе в понятие доказательства не входят. «Средства доказывания, — писал, например, И. Д. Перлов,— не выступают сами в качестве доказательств. Посредством их устанавливаются или опровергаются определенные факты, которые служат доказательствами... В законе дан исчерпывающий перечень средств доказывания». Эта точка зрения, получившая довольно широкое распространение после принятия ныне действующих Основ уголовного судопроизводства, отчетливо проводится в трудах С. А. Голунского, Б. А. Галкина, П. А. Лупинской и ряда других юристов. Фактически она нашла известное отражение и в Основах гражданского судопроизводства, где средствами доказывания названы именно показания свидетелей, заключения экспертов и другие источники используемых в качестве доказательств фактических данных (ст. 17).

Наконец, в отдельных работах встречается, хотя и значительно реже, мнение о необходимости более широкой трактовки понятия

средств процессуального доказывания. Сторонники данного взгляда так или иначе высказываются за то, чтобы под этим понятием подразумевались одновременно две относительно самостоятельные категории советского доказательственного права, а именно — как сами судебные доказательства в целом, так и все процессуальные (в том числе, разумеется, и следственные) *способы* их получения.

Как видим, одни процессуалисты в качестве средств доказывания расценивают ту или иную часть конструируемого ими понятия доказательств, другие — ставят знак полного равенства между средствами доказывания и доказательствами в целом, третьи, наоборот, решительно противопоставляют их, а четвертые — средствами доказывания именуют и сами доказательства и способы их получения.

Конечно, все те категории доказательственного права, которые только что были названы при обзоре взглядов различных авторов, так или иначе относятся к разряду средств доказывания. Всякое противопоставление последних доказательствам или их источникам лишено устойчивого основания, ибо при том опосредствованном познании, каким выступает процессуальное доказывание, средствами установления объективной истины по делу становятся в первую очередь определенные фактические данные и их источники.

Но вместе с тем представляется неправильным сводить все средства доказывания либо к доказательственным фактам, либо к сведениям об этих фактах, либо к источникам таких сведений, либо к какой-нибудь другой отдельно взятой категории доказательственного права, так как это ведет к подмене общего отдельным, целого частью, структуры элементом.

Термин «средства процессуального доказывания» должен применяться для обозначения многогранного понятия. В полном соответствии с этимологическим смыслом данного выражения средствами доказывания являются как фактические данные, используемые в ходе этой деятельности, так и те формы и способы, при помощи которых эти данные становятся достоянием суда, прокурора и органов предварительного расследования. Средства процессуального доказывания одновременно указывают на вопросы: что, откуда и каким путем. Общая конструкция этого многозначного понятия должна охватывать: во-первых, «средства», которые в виде определенных фактических данных кладутся в основу выводов об искомых обстоятельствах дела, во-вторых, «средства», выполняющие роль источника таких данных; в-третьих, «средства», которые используются в качестве способа получения и проверки этих фактических данных, обоснования ими соответствующих выводов по делу. Только все это вместе взятое может дать надлежащее представление о средствах

процессуального доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве, способствовать правильному уяснению содержания каждого вида этих средств.

Поэтому под средствами процессуального доказывания следует понимать конкретные фактические данные, употребляемые для установления исследуемых обстоятельств дела, источники этих данных и способы их получения, проверки и использования в ходе доказывания.

При этом нельзя не учесть, что такое определение средств процессуального доказывания не только больше согласуется с филологическим смыслом рассматриваемого понятия, но и имеет ряд других положительных сторон. В частности, оттеняются все средства доказывания, в связи с чем и научные и практические работники нацеливаются на всесторонний анализ и оценку как доказательств, так и других средств, при помощи которых ведется доказывание в уголовном или в гражданском судопроизводстве. Подчеркивается взаимосвязь, взаимозависимость различных средств доказывания, исключаются отрыв их друг от друга и какое бы то ни было их противопоставление. В то же время открывается возможность подразделения их на отдельные, относительно самостоятельные виды, четко разграничить эти виды, детально исследовать их содержание и соотношение.

При определении отдельных видов средств процессуального доказывания нужно исходить из их существа и назначения.

Одна группа средств доказывания по уголовным и гражданским делам имеет своим назначением быть доказательственной основой тех или иных выводов, представляет собой фактическую информацию об искомых по делу обстоятельствах. Это — конкретные фактические данные, составляющие *первый вид средств процессуального доказывания*, а именно — доказательства.

Другие средства доказывания в уголовном и гражданском процессах предназначены служить своего рода «средством сохранения и передачи» этой фактической информации, могут характеризоваться в качестве носителя и соответствующей формы передачи такой информации. Это — документы, показания свидетелей, протоколы следственных действий и другие указанные в законе средства, образующие *второй вид средств процессуального доказывания*, в частности — **источники доказательств**.

Наконец, остальные средства процессуального доказывания служат «средством» собирания, проверки, оценки и использования фактических данных и их источников, а также обоснования вытекающих из них выводов по делу. Они находят свое выражение в предусмотренных законом действиях суда, органов следствия (доз-

нения), прокурора и участников судопроизводства. Это — следственные и некоторые другие процессуальные действия, из совокупности которых образуется *третий вид средств доказывания*, а конкретно — **способы** получения доказательств и оперирования ими.

Разумеется, что внутри каждого из этих трех видов средства процессуального доказывания могут по тем или иным признакам подразделяться на другие, более узкие группы, о чем подробно будет сказано позднее. Однако это не ставит под сомнение устойчивость указанного нами подразделения средств доказывания на основные виды. Общность главного назначения и процессуальной природы средств доказывания, объединенных в каждый из названных выше видов, при любых условиях сохраняет их необходимую целостность.

Все отдельные виды средств процессуального доказывания теснейшим образом связаны между собой. Доказательства, как конкретные фактические данные, не могут существовать для органов суда, прокуратуры и предварительного расследования без и вне определенных источников, а эти источники, равно как и содержащиеся в них фактические данные, в свою очередь могут быть получены упомянутыми органами исключительно способами, точно указанными в законе.

Но данное обстоятельство не дает никакого основания смешивать различные виды средств процессуального доказывания. В юридической литературе, к сожалению, далеко не редки случаи, когда не только не проводится четкая грань между доказательствами, их источниками и способами их получения (оперирования), а, напротив, тратится много усилий на обоснование отсутствия такой грани. Наиболее распространенным в данном отношении является взгляд, сторонники которого расценивают как доказательства и фактические данные, и их источники.

Взгляд этот в советской процессуальной науке зародился еще в тридцатые годы. Но свое развитие он получил позднее, особенно в послевоенный период. Именно в это время М. С. Строгович в ряде своих больших исследований специально рассматривал доказательства под таким углом зрения, приводя всю систему возможных аргументов. Одновременно эта точка зрения стала встречаться в трудах М. А. Чельцова, М. М. Гродзинского, Р. Д. Рахунова, М. Л. Шифмана, М. Л. Якуба и некоторых других авторов.

Для подобного подхода к вопросу в тот период имелось и известное юридическое основание, поскольку действовавшее тогда уголовно-процессуальное законодательство именovalo доказательствами показания свидетелей, заключения экспертов, документы и другие источники фактических данных (например, ст. ст. 58 УПК

РСФСР, 58 УПК БССР, 57 УПК Груз. ССР, 55 УПК Азерб. ССР 1923 г.).

В первоначальном проекте новых Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 22), опубликованном в июне 1957 года для широкого обсуждения, это положение сохранялось. В дальнейшем же законодатель внес сюда принципиальное изменение. Как в общесоюзном, так и в республиканском законодательстве была закреплена норма, указывающая, что доказательствами «являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела» (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства 1958 г., ст. 69 УПК РСФСР, ст. 65 УПК УССР, ст. 55 УПК Молд. ССР, ст. 49 УПК Латв. ССР, ст. 56 УПК Арм. ССР и т. д.).

Пересмотрели свою позицию и многие ученые-юристы. Например, М. М. Гродзикский стал последовательно различать доказательства и их источники. М. А. Чельцов вернулся к своей старой точке зрения, что доказательствами по делу являются только факты, а их источники имеют несколько другую природу. Коренным образом изменили свои взгляды Г. М. Миньковский, М. Л. Якуб и некоторые другие юристы.

Но это сделали далеко не все. Одна группа процессуалистов вновь выступила с тезисом, что «двойственное понимание» доказательств как фактических данных и источников должно остаться без изменения. А. И. Трусов, например, прямо заявил, что «новый закон... не устранил (и не мог, естественно, этого сделать в силу объективных причин, не зависящих от воли законодателя) двойственного понимания доказательств как фактов и как источника получения фактов». В том же плане высказался Р. Д. Рахунов, отмечавший, что по-прежнему «доказательствами надо считать не только факты, но и средства доказывания, т. е. показания обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и т. д.». Ряд дополнительных аргументов в пользу того же взгляда привел В. Д. Арсеньев, объясняя его главным образом с точки зрения общей теории информации. Не так давно новую попытку обосновать такую позицию предприняли М. С. Строгович и И. И. Мухин.

При этом указанными выше авторами используется и некоторая нечеткость терминологии в новом уголовно-процессуальном законодательстве, где в отдельных случаях доказательствами именуются не сами фактические данные, а скорее их источники — предметы, вещи или документы (ст. ст. 83, 88 УПК РСФСР).

Другие процессуалисты, понимая шаткость «двойственной» трактовки доказательств в таком виде, решили несколько модернизировать ее, делая упор на *единство* понятия доказательства. Впервые об этой новелле писали Л. Т. Ульянова и В. А. Притузова, предлагая ввести такое единое понятие доказательств, где бы равноценное значение имели как источники сведений о доказательственных фактах, так и сами факты. Почти одновременно с ними в том же духе выступил В. Я. Дорохов, утверждая, что определение доказательств лишь как фактических данных приводит к недооценке их источников, что сведения о фактах и их источники могут быть взяты только в своем единстве.

Нельзя было с самого начала не видеть, что объективно суть предлагаемого этими авторами «новшества» сводится к замене слова «двойственное» термином «единое» понимание судебных доказательств, поскольку двухчленное определение доказательств в основном сохранялось, а под «единством» подразумевалось не однозначное понимание доказательств только как фактических данных, а совершенно другое — объединение фактических данных и их источников на равных началах. Тем не менее, В. Я. Дорохов в своих последующих работах всячески стремился отмежеваться от «двойственного» понимания доказательств, хотя практически все приводимые им доводы мало что изменяли. Эту точку зрения позднее поддержали А. Л. Ривлин, М. И. Бажанов, С. А. Альперт и некоторые другие криминалисты.

У этих авторов можно найти значительные расхождения в частностях их концепций. Однако сама суть взгляда одна: все они, как и сторонники двойственного понимания доказательств, объединяют фактические данные и их источники в одном понятии, именуя их судебными доказательствами. В результате все равно происходит смешение двух различных видов средств процессуального доказывания.

Бесспорно то, что нельзя ни отрывать фактические данные от их источников, ни противопоставлять их друг другу. Они органически связаны между собой, находятся в тесном взаимодействии. Но это — диалектическая взаимосвязь, не исключающая самостоятельности каждой из упомянутых категорий. В природе и обществе существует органическое единство формы и содержания любого явления, однако тем не менее диалектический материализм всегда и последовательно различает форму и содержание. По известному выражению К. Маркса, «судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. *Один и тот же дух* должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо

процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни». Но все же никто не может отрицать самостоятельность материального права и процесса. Точно так же нет основания и для смешения фактических данных с их источниками. При всей своей взаимообусловленности они являются различными видами средств процессуального доказывания, каждый из которых имеет своеобразное назначение и специфическую доказательственную природу.

Представляется несостоятельным и довод некоторых процессуалистов о том, что если под доказательствами понимать только фактические данные, а их источники оставлять за пределами этого понятия, то становится неясным, откуда берутся сами фактические данные и каким образом устанавливаются искомые факты по делу. Подобный аргумент является следствием ошибочной предпосылки о том, что будто роль средств процессуального доказывания играют только определенные элементы доказательств. Между тем такими средствами служат также источники доказательств и способы их получения (оперирования), без которых доказывание по уголовному или гражданскому делу невозможно.

Судебные доказательства добываются и используются посредством определенных источников, а последние, в свою очередь, — посредством конкретных процессуальных способов, действий. В этом заложено единство указанных явлений доказательственного права, позволяющее рассматривать их в качестве различных видов средств доказывания. Но неправильно считать фактические данные, их источники и способы получения (оперирования) совершенно однородными категориями по отношению к доказыванию, смешивать их друг с другом. Иначе легко открывается возможность подменять фактические данные их источниками, принимая за судебное доказательство то, что при строгом подходе по существу им не является.

В следственной и судебной практике немало случаев, когда в том или ином деле определенный процессуальный источник фигурирует, а самого доказательства в нем так и нет. Нередки ситуации, при которых по делу отсутствует определенный источник доказательства, хотя и применялись все процессуальные способы, необходимые для получения данного источника (например, обвиняемый отказывается давать показания на допросах). И такие факты сами по себе отнюдь не свидетельствуют о том, что органами следствия и суда по делу не использованы возможные средства доказывания.

Кроме того, порою из разных по характеру источников доказательств берутся однозначные фактические данные или, наоборот, в одном источнике содержатся отличные друг от друга доказательства. Одни и те же фактические данные, сообщаемые одним и тем же

лицом, в зависимости от процессуального положения этого лица, формы информации и некоторых других моментов могут иметь своим источником в одном случае показание подозреваемого, в другом — показание обвиняемого, в третьем — объяснение и т. д.

Поэтому при всей их взаимообусловленности нельзя не видеть разницы между доказательствами, их источниками и способами получения (оперирования), выступающими в роли различных видов средств доказывания в силу своих существенных особенностей.

Сердцевину всех средств процессуального доказывания всегда составляют *доказательства*, являющиеся по любому делу *единственным* фактическим основанием выводов об обстоятельствах дела. Это вполне понятно, поскольку те или иные источники и способы получения (оперирования) доказательств нужны только потому, что необходимо собирать, проверять и оценивать доказательства, обосновать вытекающие из них истинные выводы.

Вместе с тем, доказательства не могут существовать для органов суда, предварительного расследования и прокуратуры *вне* других средств процессуального доказывания, извлекаются они исключительно из указанных в законе источников. Последние, в свою очередь, вступают в орбиту доказывания в уголовном или гражданском процессе только при помощи определенных законных способов, без которых такое доказывание тоже не могло бы осуществляться.

Такое понимание средств процессуального доказывания и соотношения их отдельных видов, наиболее полно отражая объективную реальность, способствует использованию каждого вида средств доказывания строго по назначению, нацеливает нас на всесторонний и тщательный анализ как самих доказательств, так и их источников и способов получения (оперирования).

Доказательства как фактические данные. Их относимость

Определение доказательств как фактических данных, на основе которых устанавливаются исследуемые обстоятельства уголовного или гражданского дела, является единственно правильным исходным положением для четкого уяснения содержания этого понятия. Но его самого по себе для этого еще недостаточно. Не менее важно решить, что же подразумевается конкретно под этими «фактическими данными». Этот вопрос — не из простых, в литературе он решается по-разному.

Многие авторы, особенно до принятия ныне действующего процессуального законодательства, под такими «фактическими дан-

ными» подразумевали только доказательственные факты. Такой подход в отдельных работах встречается и в настоящее время.

Другие криминалисты в рассматриваемое понятие вкладывали более широкое смысловое значение, имея в виду *любые* факты, на которых основывается решение дела. По утверждению С. В. Познышева, доказательствами являются «*вообще все* факты, способные служить основаниями для заключений о тех свойствах судимого деяния или лица, которые определяют, каково должно быть содержание приговора». В принципе аналогичное мнение проводится в работах В. Громова, Н. Лаговиера и некоторых других авторов.

Причем все эти процессуалисты в своих дефинициях прямо не оговаривали, что речь идет о доказанных фактах. Об этом можно было лишь догадываться, поскольку под фактами (в том числе доказательствами) могли подразумеваться только достоверные обстоятельства дела.

После принятия основ уголовного судопроизводства 1958 года ряд процессуалистов начал специально подчеркивать, что под «фактическими данными» понимаются именно достоверные, объективно существующие факты, факты реальной действительности. Это можно найти в трудах С. А. Голунского, М. А. Чельцова, Л. Н. Гусева, П. А. Лупинской, Ц. М. Каз, В. П. Резепова и некоторых других авторов.

Такое решение вопроса внешне весьма привлекательно, ибо оно прямо наталкивает на важный вывод, что в основу принимаемого по делу решения в качестве доказательств можно положить лишь достоверные факты. Однако за этой простотой кроются определенные несуразности. В частности, остается совершенно непонятным, откуда в процессе доказывания появляются эти истинные факты, каким образом в показаниях живых лиц, документах и некоторых иных источниках могут содержаться непосредственно сами факты реальной действительности, как фактические данные еще до оценки их судом могут безоговорочно признаваться объективно существующими фактами, почему те или иные сведения, сообщаемые обвиняемым или содержащиеся в других источниках, не являются доказательствами с самого начала и т. д. Помимо всего того, признание доказательствами только фактов реальной действительности практически влечет за собой перенесение центра тяжести процессуального доказывания на уяснение социально-правового значения фактов, оставлял в тени собирание, проверку и оценку тех данных, на основе которых эти факты устанавливаются.

Поэтому попытка свести все фактические данные, признаваемые по закону доказательствами, к достоверным и объективно существующим фактам не могла увенчаться успехом. В советском

уголовном и гражданском судопроизводствах любые факты сами должны быть бесспорно доказаны, а выводы о них могут считаться достоверными лишь после тщательного анализа соответствующих доказательств, как результат оценки последних на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности.

Находя отмеченный выше взгляд неприемлемым в силу этих соображений, ряд советских процессуалистов высказали мнение о том, что законодатель, признавая доказательствами только фактические данные, имеет в виду, прежде всего, *конкретные сведения* о подлежащих исследованию по делу фактах. Такая исходная позиция в принципе логична. В показаниях тех или иных лиц, заключениях экспертов, документах, протоколах следственных действий и некоторых других процессуальных источниках содержатся не сами факты, а сведения об этих фактах. В своем материальном выражении факты реальной действительности не могут содержаться в подобных источниках, они находятся вне их и в ходе расследования или судебного рассмотрения дела воссоздаются по определенным сведениям, имеющимся в соответствующих процессуальных источниках. Конкретным содержанием таких источников являются именно *сведения* об искомых фактах, и эти сведения в первую очередь подпадают под те «фактические данные», которые в ст. 16 Основ уголовного ч в ст. 17 Основ гражданского судопроизводства названы доказательствами.

Отправляясь от этого правильного положения, отдельные авторы, однако, впадают в другую крайность — сводят все содержание судебных доказательств только к сведениям о фактах, полностью исключая из данного понятия доказательственные факты. Такое суждение встречалось еще в диссертации О. В. Иванова «Объективная истина в советском гражданском процессе». Наиболее же четко оно высказывалось в работе Ф. М. Кудина, считающего, что «доказательственные факты не могут быть отнесены к числу фактических данных», «их неправильно считать судебными доказательствами», ибо они выступают лишь в качестве «оснований, аргументов логического доказательства». Потом этот взгляд нашел свое отражение в коллективном труде по теории судебных доказательств, где тоже утверждается, что «доказательствами в уголовном процессе нельзя называть ни факты, входящие в предмет доказывания, ни побочные факты». Между тем такое мнение не может приниматься за удовлетворительное решение вопроса.

Конечно, во всяком уголовном или гражданском деле возможны источники доказательств, в которых содержатся существенно искаженные или даже вообще вымышленные сведения о якобы имев-

ших место фактах. Применительно к подобным источникам содержание понятия «любые фактические данные» действительно исчерпывается полностью этими сведениями, так как последние в результате тщательной проверки и оценки признаются недоброкачественными, по этой причине отвергаются и их доказательственная роль на этом завершается. Однако речь ведь идет не столько о подобных, сколько о доброкачественных сведениях по делу.

Отражая явления реального мира, доброкачественные сведения об обстоятельствах дела тоже имеют относительную *самостоятельную* доказательственную природу. Они представляют собой отдельное звено между «вещью в себе» и «вещью для нас», т. е. между искомыми фактами внешнего мира и полученными о них представлениями. В то же время эти сведения играют промежуточную роль — на их базе следователем (судьей, прокурором и т. д.) создается *образ* (модель) соответствующего факта объективной действительности.

Полученную таким образом модель искомого факта реального мира нельзя смешивать с имеющимися о нем сведениями: последние выступают в качестве материальной, доказательственной основы этой модели (образа), и, к тому же, одни и те же представления о факте могут подкрепляться совершенно разными сведениями, а одни и те же конкретные сведения могут использоваться для получения изображений различных по своему существу фактов. Тем более недопустимо отождествление такой модели непосредственно с самими реальными фактами, поскольку человеческое мышление оперирует только сведениями о соответствующих фактах и их изображениями, «чувственное представление *не* есть существующая вне нас действительность», «наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира», и иное понимание данного гносеологического вопроса «как раз и *есть* та основная нелепость, основная путаница и фальшь махизма, из которой вылезла вся остальная галиматья этой философии».

Образ познаваемого в уголовном или гражданском процессе явления объективной действительности, который создается на базе почерпнутых из определенных источников сведений об этом явлении, не относится и к разряду сугубо логических или психологических категорий, как это иногда истолковывается в юридической литературе. Изображение неизбежно предполагает объективную реальность отображаемого явления. Будучи субъективным по форме отражения, образ (модель) познаваемого судьями явления объективен по своему содержанию, материален по происхождению, поскольку «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».

Выявляя посредством таких образов содержание исследуемых фактов объективной действительности, субъекты процессуального доказывания ощущают себя в мире этих фактов, представляют их вместе с их образами, говорят об установлении самих исследуемых фактов. Поэтому в теории и практике судопроизводства изображения (модели) реальных фактов, полученные на основе конкретных и доброкачественных сведений о них, обычно именуются *фактами*, установленными по делу. И употребление слова «факт» в том значении, давно укоренившееся в литературе, само по себе не имеет ничего отрицательного, если при этом не упускается из виду то, что никогда нельзя ставить знак полного равенства (тождества) между установленными по делу фактами и соответствующими явлениями реального мира, что «предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой».

Факты в таком понимании, устанавливаемые по уголовному делу, могут иметь различную правовую природу. Некоторые из них сами по себе характеризуются противоправными признаками, имеют непосредственное материально-правовое значение. Сюда относятся такие факты, как само общественно опасное действие или бездействие, совершение его определенным лицом, вина этого лица, способ, мотив и цель содеянного, его последствия, прежняя судимость виновного и другие подобные обстоятельства дела. Большинство из этих фактов составляют структуру усматриваемого по делу состава преступления, фабулу и формулировку предъявляемого по нему обвинения. Остальные, выходя за рамки конструктивных признаков соответствующего состава преступления, сохраняют все же материально-правовое значение при определении вида и режима меры наказания, признании особо опасным рецидивистом, разрешении гражданского иска и других юридических вопросов по делу. Но так или иначе ни один из фактов такого рода не может считаться судебным доказательством, поскольку иначе неизбежно смешение доказательств с формулировкой предъявляемого по делу обвинения и остальными материально-правовыми явлениями в области уголовного судопроизводства. Поэтому в такой ситуации роль доказательств выполняют только те конкретные сведения, на основе которых устанавливаются факты с непосредственным материально-правовым значением. Что же касается самих этих фактов, то их, как материально-правовых категорий, действительно нельзя подвести под те «любые фактические данные», которые признаются доказательствами. И сам законодатель четко вывел их из понятия доказательства, ограничивая это понятие теми фактическими данными, на основе которых устанавливаются «наличие или отсутствие общественно

опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела» (ст. 69 УПК РСФСР).

Но положение совершенно иное, когда речь идет об остальных фактах, лишенных по делу прямого материально-правового значения. Скажем, по делу установлено, что лицо, подозреваемое в убийстве, в тот вечер, когда было совершено это преступление, ушло из клуба вместе с потерпевшим, находилось в нетрезвом состоянии, вернулось домой очень поздно и в необычном душевном состоянии, его пиджак был разорван. Подобные факты сами по себе не обладают материально-правовыми свойствами, используются для установления других, юридически значимых обстоятельств дела и носят по отношению к ним побочный характер. Поэтому они относятся к разряду доказательственных фактов. Отрицание за ними качества доказательств ничем не объяснимо, ибо эти факты всегда выступают в роли доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие какого-либо другого, материально-правового обстоятельства дела.

Причем надо иметь в виду, что такие факты считаются доказательствами и во всех остальных сферах социальной жизни В. И. Ленин в своей работе, посвященной статистике и социологии, убедительно показывает, что «факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь».

Отсюда вытекает вывод о том, что в этих случаях под доказательствами следует понимать как сведения о фактах, почерпнутые из определенных источников (например, из показания потерпевшего, документа), так и установленный на их основе доказательственный факт. Соответственно здесь под те «любые фактические данные», о которых говорится в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства как о доказательствах, следует подвести и конкретные сведения о факте, содержащиеся в допустимом источнике, и сами доказательственные факты, если они признаны достоверно установленными.

Как видим, структура фактических данных, признаваемых судебными доказательствами, не всегда едина, как это полагают некоторые авторы. Если при определенных условиях данным понятием охватываются сами конкретные сведения об искомых фактах, то при других — также и искомые факты установленные по делу. Это немаловажное обстоятельство, связанное с особенностями прямого и косвенного доказывания, должно учитываться как при трактовке понятия судебных доказательств, так и при анализе и оценке судебных доказательств по каждому делу.

Исчерпывается ли сказанным все содержание понятия судебного доказательства? Вопрос этот возникает в связи с тем, что в ходе процессуального доказывания, как отмечалось в первой главе нашей

работы, при известных условиях возможно непосредственное восприятие следователем, судьями или прокурором отдельных фактов, имеющих доказательственное значение по делу. К числу таких фактов относятся не только материальные следы преступления (пулевое отверстие на предмете, синяки на теле потерпевшего, окровавленный нож и т.п.), но и некоторые другие явления внешнего мира (определенные негативные обстоятельства, особенности места происшествия и др.). Поэтому с подобными фактами органы следствия и суда могут столкнуться и при следственных осмотрах, и при следственном освидетельствовании, и при следственных экспериментах, и при обысках и выемках.

Ссылаясь на специфику таких фактов с точки зрения теории информации, некоторые советские юристы по существу выводят их за рамки фактических данных, являющихся доказательствами. В. Д. Арсеньев, в частности, считает, что «качества и свойства предмета дают лишь основание построить версию об отношении данного предмета к искомому факту (например, следы подлога на документе, пятно крови на одежде), но не информацию об искомом факте». Подобного мнения придерживается и И. М. Лузгин, полагающий, что вещи, следы, их слепки и иные материальные объекты, связанные с преступным деянием, не содержат информации об этом деянии. Это мотивируется им ссылкой на то, что информация не является всеобщим свойством материи и «предполагает использование ее системой в целях управления». По тем же по существу соображениям Р. С. Белкин и А. И. Винберг высказываются даже за разграничение понятий «доказательства» и «доказательственная информация», имея в виду под первый из этих понятий «изменения, связанные с событием», под вторым — меру «связи доказательств с событием, к которому они относятся». Такая позиция, однако, представляется неубедительной.

Информация относится к числу тех категорий, о которых В. И. Ленин говорил: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,— вот в чем суть. Эта гибкость, ... примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика». В научном плане термином «информация» охватываются не только сведения, посредством которых люди при помощи кибернетических устройств или без них передают определенные знания друг другу, но и всякие материальные тела, предметы и т. д. свидетельствующие о тех или иных сторонах внешнего мира. Ввиду всеобщности и универсальности связи, действующей в природе и обществе, одни объективные предметы и явления всегда несут определенную информацию о других. Поэтому материальные следы пре-

ступления, их слепки и иные значимые по делу объекты, доступные непосредственному восприятию следователя (судьи, прокурора), могут и должны рассматриваться как фактическая информация о соответствующих обстоятельствах предмета доказывания. Если бы благодаря своей информационной природе они не свидетельствовали о каких-либо обстоятельствах, то не представлялось бы возможным ни обратить на них внимания, ни определить их относимость к делу, ни использовать их в качестве доказательственных данных.

В то же время при анализе доказательств, как фактических данных, вряд ли следует ставить в один ряд сведения о фактах, содержащиеся в показаниях, документах и некоторых других историках, и материальные следы содеянного, доступные непосредственному восприятию при расследовании и судебном рассмотрении дела. Представляется не вполне удачной попытка В. Я. Дорохова расценивать их как однотипные, однопорядковые виды информации, подводя материальные следы под понятие «сведения о фактах», отводя всем им одно и то же место в структуре судебных доказательств. Хотя материальные следы содеянного, доступные чувственному восприятию, и выполняют роль фактической информации, однако это — информация иного порядка. В отличие от сведений об искомом факте, которые способствуют опосредствованному познанию этого же факта и по объективному содержанию в принципе совпадают с ним, материальные следы преступления и некоторые другие, связанные с ним, реальные явления, продолжающие иметь место к моменту расследования и судебного рассмотрения дела, несут информацию о других искомых фактах. В ходе доказывания любые сведения о фактах используются для *установления* этих же фактов, в силу определенных причин не доступных чувственному восприятию лиц, ведущих уголовное (гражданское) судопроизводство. Материальные же следы содеянного и другие связанные с ним реальные явления указанного рода *воспринимаются* этими лицами чувственно как *факты* внешнего мира, пригодные для выяснения других искомых фактов по данному делу. В отношении таких фактов опосредствованный путь познания может потребоваться только для определения их относимости к делу.

Стало быть при процессуальном доказывании роль информации играют: а) сведения о фактах, почерпнутые из соответствующих процессуальных источников; б) побочные факты, установленные на основе этих сведений; в) материальные следы содеянного и некоторые другие связанные с ним реальные явления внешнего мира, продолжающие существовать на всем протяжении судопроизводства как доступные непосредственному чувственному восприятию следователя, судей и остальных субъектов процессуальной деятельности.

Как раз данное обстоятельство дало основание В. З. Лукашевичу признать, что судебные доказательства, как фактические данные, состоят не только из соответствующих конкретных сведений и установленных на их основе фактов, но и охватывают, кроме того, реальные факты, которые непосредственно воспринимаются дознавателем, следователем и судьями. Это в общем виде вполне резонно, поскольку побочные факты, установленные на основе имеющихся о них сведений, и доступные непосредственному судебскому восприятию факты по делу несколько отличаются друг от друга по своей природе, хотя в принципе и те и другие подпадают под категорию доказательственных фактов в уголовном или гражданском процессе.

Однако отмеченное выше утверждение В. З. Лукашевича сформулировано неточно и страдает одним серьезным недостатком. Далеко не все факты, которые были доступны непосредственному чувственному восприятию при расследовании или судебном рассмотрении дела, могут расцениваться в качестве составной части, отдельного элемента в структуре судебного доказательства. Эти факты, в свою очередь, делятся на три группы.

Одну из таких групп составляют факты, которые были доступны непосредственному восприятию лишь на первоначальных этапах судопроизводства. Сюда относятся, скажем, объемные следы ног человека в снегу, пулевое отверстие на теле убитого и т. п. Как явления внешнего мира, такие факты после неотложных следственных действий не сохраняются. По делу остаются только отображения таких фактов в виде зафиксированных в протоколе соответствующего следственного действия сведений, изготовленных следователем (органом дознания) слепков, фотоснимков и т.д. На дальнейших этапах судопроизводства подобные факты не могут чувственно восприниматься субъектами процессуального доказывания как материальные деления реального мира. Они устанавливаются, признаются имевшими место в объективной действительности по их отображениям в деле. Поэтому данного рода материальные следы содеянного непосредственно сами не выполняют роли судебных доказательств и не могут рассматриваться в качестве составной части понятия судебного доказательства. Здесь фактическими данными, признаваемыми доказательствами по делу, становятся только их отображения, т. е. описанные в протоколе следственного действия сведения, изготовленные при помощи гипса слепки и т. д.

Другая группа фактов, доступных непосредственному восприятию по делу, имеет ту характерную особенность, что хотя эти факты и продолжают реально существовать на всем протяжении расследования и судебного рассмотрения дела, но не могут в натуральном (природном) виде приобщаться к делу. Таковыми, например, явля-

ются шрамы на лице потерпевшего, состояние и профиль шоссе на дороге, где произошел наезд на человека, техническое состояние машины после наезда, расположение дверей и окон квартиры, откуда совершена кража, и т. п. Подобные факты непосредственно воспринимаются только в момент следственного осмотра или иного конкретного следственного действия, производимого, как правило, в стадии предварительного расследования. В реальном виде они находятся вне уголовного или гражданского дела. В процессуальных документах содержатся лишь их описания, схемы или иные изображения. По этим изображениям они и устанавливаются в последующих стадиях судопроизводства. Значит, материальные явления подобного рода тоже непосредственно сами не составляют отдельного элемента понятия судебного доказательства. В роли фактических данных, извлекаемых из соответствующих процессуальных источников, здесь выступают также конкретные сведения об этих фактах, зафиксированные в протоколе следственного действия и его приложениях.

Наконец, в третью группу входят те материальные предметы, которые могут непосредственно сами фигурировать в деле и восприниматься в естественном виде следователем, судьями и другими субъектами процессуальной деятельности на любом ее этапе. Сюда относятся главным образом материальные следы содеянного, сохранившиеся на объектах, которые в установленном законом порядке приобщены к делу в качестве вещественных источников доказательств. Если, допустим, по делу имеются окровавленная рубашка потерпевшего с явными пятнами крови, кусочек филленки двери с пробоинами и т. д., то все такие материальные следы чувственно воспринимаются как реальные доказательственные факты. В этих случаях протоколы следственного осмотра, составленные при обнаружении и приобщении к делу соответствующего предмета как вещественного источника доказательств, содержат подробное их описание. Фигурируя в процессе доказывания наряду с самими материальными следами содеянного, эти сведения используются не только для определения относимости имеющихся следов к делу, но и для подтверждения их подлинности. Когда же под воздействием естественных факторов или по другим причинам отдельные признаки таких следов теряют некоторые из своих первоначальных свойств, то сведения, зафиксированные в протоколах следственных действий, могут помочь установить исследуемый факт в том виде, в каком он был вначале. Поэтому здесь роль фактических данных, именуемых доказательствами, играют как сами материальные следы, сохранившиеся на приобщенных к делу вещественных объектах, так и сведения о них, вошедшие в протокол следственного действия.

Стало быть, из всех тех реальных явлений внешнего мира, которые так или иначе могут быть доступны непосредственному чувственному восприятию при расследовании или судебном рассмотрении дела, судебными доказательствами являются только материальные следы содеянного, сохранившиеся на приобщенных к делу вещественных объектах. Остальные факты подобного рода хотя и могут непосредственно восприниматься следователем или судьями при производстве определенного следственного действия, но остаются вне материалов дела и в качестве доказательств сами не выступают. В этих случаях фактическими данными, признаваемыми доказательствами, становятся лишь сведения о таких фатах, зафиксированные в протоколах следственных действий.

Из всего изложенного выше логически следует вывод о том, что *понятием судебных доказательств охватываются: во-первых, конкретные сведения о любых исследуемых обстоятельствах дела, содержащиеся в соответствующих процессуальных источниках; во-вторых, побочные факты, установленные на основе этих сведений; в-третьих, материальные следы содеянного, сохранившиеся как доступные непосредственному восприятию на тех объектах, которые приобщены к делу в качестве вещественных источников доказательств.* Именно вся эта разнообразная фактическая информация, которой оперируют органы следствия и суда в ходе доказывания, имеется в виду законодателем, когда он признает доказательствами любые фактические данные, на основе которых эти органы устанавливают наличие или отсутствие всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения каждого уголовного или гражданского дела.

Такое богатство содержания понятия судебных доказательств представляется вполне естественным. Еще Гегель подчеркивал, что «различные виды бытия требуют свойственных именно им видов опосредствования или содержат их в себе; поэтому и природа доказательства относительно каждого из них различна» .

Может возникнуть вопрос: нужна ли столь подробная детализация содержания «любых фактических данных», признаваемых законодателем судебными доказательствами? На этот вопрос следует ответить, безусловно, утвердительно. В некоторых вещах «имеются детали, — говорил В. И. Ленин, — от установления которых зависит в сущности вся суть дела». Здесь речь идет именно о таких деталях, поскольку при помощи их можно иметь правильное представление о содержании судебных доказательств.

Содержащиеся в процессуальных источниках конкретные сведения, входящие в состав судебных доказательств, могут представлять собой информацию: а) о материально-правовых обстоятель-

вах дела; б) о других значимых по делу фактах, устанавливаемых тоже лишь на основе этих сведений; в) о материальных следах содеянного и иных фактах, воспринимаемых соответствующими субъектами доказывания непосредственно при расследовании или судебном рассмотрении дела. Но в конечном счете все эти сведения являются средством установления различных фактов по делу, и потому они могут обозначаться одним общим термином «сведения о фактах».

Сами же факты, подпадающие под понятие судебных доказательств, бывают тоже двоякого рода: а) устанавливаемые судом (следователем, прокурором) на основе сведений, почерпнутых из определенных процессуальных источников; б) непосредственно воспринимаемые при расследовании и судебном рассмотрении дела в виде материальных следов содеянного, сохранившихся на приобщенных к делу вещественных объектах. Поскольку и те, и другие факты используются, в свою очередь, в качестве информации о материально-правовых обстоятельствах дела и носят по отношению к ним побочный характер, они тоже могут быть объединены под общей рубрикой «доказательственные факты».

С учетом этих соображений в научном определении доказательств, как фактических данных, представляется возможным ограничиться общим указанием на сведения о фактах и на доказательственные факты. Иначе говоря, можно сказать, что *судебными доказательствами являются содержащиеся в процессуальных источниках конкретные сведения об исследуемых фактах и подтверждаемые ими или непосредственно воспринимаемые судьями (следователем) доказательственные факты, на основе которых в определенном законом порядке устанавливаются наличие или отсутствие преступного деяния, виновность совершивших его лиц и иные обстоятельства, имеющие правовое значение по делу.*

При этом, разумеется, речь идет о фактических данных, относящихся к делу. Если та или иная информация не относится к данному конкретному делу, то она не может иметь по нему доказательственного значения.

Что же подразумевается под относимостью судебных доказательств? Этот важный вопрос в нашей юридической литературе решается тоже не всегда однозначно.

Существует мнение, что относимость доказательств — это определенное правовое требование, предъявляемое законодателем к используемым в процессе доказывания фактическим данным. «Требование закона о том,— пишет, например, Ц. М. Каз,— чтобы в качестве доказательств использовать только факты, имеющие отноше-

ние к делу, называют в теории *относимостью* доказательств». Такое решение вопроса, однако, вряд ли может считаться удачным.

Конечно, при определении относимости доказательств по каждому конкретному делу неизбежно принимается во внимание ряд норм процессуального и материального права, касающихся предмета и пределов доказывания, отдельных источников фактических данных, их оценки, правовых признаков содеянного и т. д. Но эти нормы не создают понятия относимости доказательств и не раскрывают его существа. Они скорее указывают на те обстоятельства, применительно к которым должна определяться относимость каждого отдельного доказательства по делу, нежели на анатомию (внутреннее содержание) и назначение непосредственно данного понятия. И это не случайно, ибо относимость — не какой-либо юридический признак, сообщаемый доказательствам законодателем, а одно из организмически присущих им свойств.

Некоторые авторы усматривают в относимости доказательств такое их свойство, как способность подтверждать соответствующий искомый факт. Первоначально это мнение наиболее отчетливо высказывалось И. Б. Михайловской, считавшей, что «относимость доказательств означает их способность прямо или косвенно устанавливать факты, имеющие значение для решения уголовного дела». Потом оно стало встречаться и в гражданско-процессуальной литературе. Но все же такая трактовка относимости судебных доказательств не может считаться удовлетворительной. Ее сторонники невольно переносят центр тяжести вопроса в несколько другую сферу — в область определения доказательственной силы имеющих по делу фактических данных. Далеко не каждое доказательство, относящееся к делу, способно установить исследуемый факт. Если, скажем, потерпевшая сообщает органам следствия и суда противоречивые сведения о совершенном, по ее словам, насилии, то эти данные не обладают достаточной способностью устанавливать указанный факт, однако, тем не менее, они несомненно относятся к делу. Поэтому не следует смешивать относимость доказательств с их способностью устанавливать соответствующий искомый факт. При всей своей близости друг к другу эти понятия отнюдь не тождественны.

В работах ряда советских процессуалистов уже неоднократно отмечалось, что под относимостью доказательств надо понимать такое их свойство, которое выражается в их связи с искомыми фактами по делу. Это положение в принципе представляется правильным, ибо относимость в любой сфере жизни характеризуется прежде всего как взаимосвязь между известными явлениями. Вместе с тем оно нуждается в известной конкретизации.

Прежде всего, надо учесть, что свойство относимости доказательств состоит в их *объективной* связи с исследуемыми обстоятельствами дела. Вероятная связь между имеющимися фактически данными и искомými фактами, предполагаемая на том или ином этапе судопроизводства, сама по себе дает основание лишь говорить о возможной относимости этих данных к делу. Для того, чтобы это возможное превратилось в действительное, требуется точно установить (а не просто субъективно предполагать) объективно существующую связь соответствующих доказательств с исследуемыми обстоятельствами дела.

Далее, относимость доказательств зависит не от любой, а только от *необходимой, существенной* связи между ними и искомými фактами по делу. Связь случайная, несущественная лишает фактические данные, имеющиеся в распоряжении органов предварительного расследования и суда, доказательственной силы. Причем характер указанной связи должен определяться применительно ко всей совокупности фактов (обстоятельств), подлежащих выяснению по делу. Представляется неточным утверждение А. А. Пионтковского о том, что будто необходимая, существенная связь всегда «означает установление тех существенных моментов, которые относятся к основным признакам данного состава преступления», а все остальное может расцениваться в качестве случайных связей между явлениями, интересующими следователя и судей по делу. Хотя автор и говорит «о значении в процессе расследования преступления установления не только необходимых, но и случайных связей между явлениями», тем не менее, его попытка при определении существенности связей между доказательствами и искомými фактами исходить только из признаков, к тому же основных, конкретного состава преступления не становится от этого более убедительной. В процессе доказывания существенна всякая связь между явлениями, которая значима. И наоборот, значима любая связь, которая существенна. Необходимая связь должна усматриваться как между извлеченными из процессуальных источников сведениями и устанавливаемыми на их основе фактами, так и между доказательственными фактами и подтверждаемыми ими материально-правовыми обстоятельствами дела.

Кроме того, относимой должна быть вся та разнообразная фактическая информация, которая в соответствии с законом используется в качестве доказательств по делу. Стремление некоторых процессуалистов наделять свойством относимости либо одни сведения о фактах, либо только доказательственные факты не может найти поддержки. Являясь одним из результатов искаженного понимания существа самих судебных доказательств, это стремление ведет к

игнорированию некоторых объективных связей фактических данных и материально-правовых обстоятельств, фигурирующих в процессе доказывания по делу. В действительности должны быть относимыми к делу и сведения о фактах, и устанавливаемые на их основе факты, и материальные следы (предметы), выступающие в качестве доказательств в судопроизводстве.

Принимая во внимание все изложенные соображения, представляется возможным сказать, что *под относимостью судебных доказательств подразумевается внутренне присущее им свойство, выражающее их существенную объективную связь с любым искомым фактом по делу.*

Относимость к делу сведений о тех фактах, которые имеют прямое материально-правовое значение, всегда очевидна, и поэтому решение вопроса в данной части практически не встречает серьезных затруднений. Остальные же фактические данные, являющиеся доказательствами, по своему содержанию таковы, что наличие и характер их связи с исследуемыми обстоятельствами дела менее определенные. Их связи с делом могут быть довольно сложными, многоступенными. В этих случаях органам следствия и суда приходится выяснять, а порою специально обосновывать связь конкретных сведений, содержащихся в том или ином процессуальном источнике, и устанавливаемого доказательственного факта, связь между отдельными, нередко разрозненными доказательственными фактами, связь последних с материально-правовыми обстоятельствами дела и т. д. К тому же, формы этих связей тоже бывают самые различные, так как относимость таких фактических данных к делу обуславливается не только их причинной связью с одним из материально-правовых обстоятельств дела, но и их связью во времени, связью в пространстве и иными формами всеобщей связи явлений в природе и обществе. Поэтому установление относимости к делу доказательственных фактов и сведений о них, равно как и восстановление по ним реальной картины совершенного деяния, подчас представляет значительную трудность.

Относимость фактических данных такого рода вначале определяется чаще всего только предположительно, с учетом допустимости многозначного их истолкования, их возможной объективной связи с одной из следственных версий по делу. Орган предварительного расследования должен признать полученные им сведения о побочных явлениях, материальные следы и другие доказательственные факты относящимися к делу, если вероятна их существенная связь с содеянным, возможна их способность быть определенной информацией о значимых по делу фактах и обстоятельствах. В ходе дальнейшего доказывания наличие или отсутствие такой связи выясняет-

ся достоверно. Если обнаруживается, что в объективной действительности ее не было, то соответствующие фактические данные могут оказаться не относящимися к делу. В остальных случаях, когда подтверждается объективно существующая причинно-следственная, пространственно-временная, непосредственная, опосредствованная или любая другая необходимая форма связи между доказательством и материально-правовыми обстоятельствами дела, эти фактические данные признаются относимыми, оцениваются по существу и кладутся в основу соответствующих процессуальных выводов и решений по делу.

Источники судебных доказательств. Их допустимость

Для полноты научного анализа существа, соотношения и спецификации различных средств процессуального доказывания, а равно для правильной их классификации и оценки очень важно четко определить содержание и назначение источников судебных доказательств. Этот вопрос имеет и несомненное практическое значение. Но, тем не менее, в юридической литературе он еще не был специальным предметом обстоятельного изучения.

Сторонниками «двойственной» трактовки судебных доказательств вопрос об их допустимости чаще всего вовсе не ставится: они говорят обычно об «источниках сведений о фактах» и, считая их конструктивным элементом понятия доказательства, ограничиваются общим указанием на то, что эти источники должны быть облечены в определенную процессуальную форму. Если некоторыми последователями данной концепции вопрос об источниках доказательств и поднимается, то он опять-таки сливается с вопросом о самих судебных доказательствах.

Источникам доказательств, как самостоятельной категории доказательственного права, не находят специфического места также те авторы, которые пытаются строить так называемое единое понятие судебных доказательств. В их конструкции источники сведений о фактах расцениваются как «форма содержания», являющаяся тоже неотъемлемой частью понятия доказательства.

Но обе эти точки зрения в конечном счете ведут к одному и тому же результату, а именно — к игнорированию существенных различий между доказательствами и их источниками, к смешению этих средств процессуального доказывания и к отказу от научной разработки проблемы источников судебных доказательств.

Общее понятие источника доказательств пока что недостаточно исследовалось и теми процессуалистами, которые выступают за

последовательное разграничение судебных доказательств и их источников. В их работах по этому поводу можно найти лишь самые общие рассуждения.

Так, некоторые из этих авторов ограничиваются указанием на то, что «от доказательства следует отличать источники, т. е. то, откуда исходят сведения о фактах и посредством чего факты становятся известными», что «источники представляют собой то, в чем содержатся доказательства», означают «средства, при помощи которых следователь и суд в установленном законом порядке получают и используют доказательства».

Другие трактуют эти источники как определенную процессуальную форму. «Источники доказательств,— пишет, например, М. Л. Якуб, — являются процессуальной формой сведений о фактах, используемых в качестве доказательств».

Наконец, по мнению третьих, «если доказательства — это факты окружающей нас действительности, то источники доказательств — это сведения об этих фактах, их отражение».

Эти суждения тоже не дают достаточно полного и обоснованного представления о природе и структуре источников судебных доказательств, а некоторые из них способны даже создать дополнительные осложнения при решении этой проблемы.

В частности, никак нельзя при трактовке источников доказательств исходить из тезиса о том, что эти источники представляют собой сведения о фактах. Иначе не только неизбежно происходит смешение источника с самими доказательствами, но и теряется почва для отграничения друг от друга разных источников доказательств, перечисленных в законе.

Сведения об искомых фактах могут одинаково извлекаться из подавляющего большинства поименованных в законе источников доказательств — из документов, показаний тех или иных лиц, протоколов следственных действий и т. д. Больше того, конкретные сведения об определенном факте, содержащиеся в самых разнообразных источниках (например, в заключении и устном показании эксперта, в документе и объяснениях обвиняемого и др.), по своему содержанию и характеру порою бывают практически одинаковыми. И если бы суть понятия источника доказательств действительно определялась именно такими сведениями о фактах, то различные источники судебных доказательств ничем бы не отличались друг от друга. Тогда исключалась бы возможность деления этих источников на отдельные виды, исчерпывающего перечисления их в законодательстве и изучения специфических признаков каждого из них.

Ясно, что законодатель, отграничивая источники доказательств от самих фактических данных и устанавливая их перечень,

имеет в виду отнюдь не сведения об искомых фактах. Названные в действующем советском законодательстве источники судебных доказательств представляют собой не фактическую информацию непосредственно, а только известные средства сохранения и передачи такой информации. Любой из этих источников есть прежде всего определенная процессуальная форма, посредством которой соответствующие фактические данные, признаваемые доказательствами, вступают в орбиту процессуального доказывания. Именно в зависимости от процессуальной формы конкретные сведения о том или ином факте, получаемые по делу от одного и того же человека, могут быть связаны с различными видами источников доказательств. Если, скажем, гражданин, на которого совершено разбойное нападение, сообщает в органы следствия данные об этом преступном деянии сначала в форме письменного заявления, а затем в форме показания во время допроса, то налицо два специфических источника — документ и показание потерпевшего, хотя в них чаще всего содержатся одни и те же сведения. Когда лицо, задержанное в порядке ст. 122 УПК РСФСР, дает по своей инициативе письменное объяснение по поводу основания к задержанию непосредственно в момент применения этой меры процессуального принуждения, потом допрашивается в качестве подозреваемого, а затем — в качестве обвиняемого, то опять-таки органы следствия и суда имеют дело с тремя неодинаковыми источниками доказательств (объяснение, показание подозреваемого, показание обвиняемого), хотя содержащиеся в них сведения, сообщаемые одним и тем же лицом, могут в одних случаях быть противоречивыми или даже взаимоисключающими, в других — полностью соответствовать друг другу. И подобные источники нельзя было бы дифференцировать, если бы суть понятия источника доказательства не определялась, прежде всего, соответствующей процессуальной формой получения и сохранения доказательств.

Значит, показания, объяснения, заключения экспертов, документы и остальные источники доказательств — это в первую очередь определенные процессуальные формы, посредством которых имеющие по делу значение фактические данные вступают в сферу процессуального доказывания.

Однако содержание рассматриваемого понятия этим не исчерпывается. Одна и та же процессуальная форма может быть свойственна нескольким видам источников судебных доказательств, и она еще недостаточна для четкой характеристики наиболее существенных их признаков. Например, в форме показания органам следствия и суда сообщают известные им сведения об искомых фактах свидетели, подозреваемые, обвиняемые и потерпевшие, в форме дачи личных объяснений — подозреваемые, обвиняемые, гражданские

ответчики и т. д. Соответственно тому различают показания свидетеля, показания потерпевшего, показания подозреваемого и остальные источники доказательств. Здесь для определения вида источника доказательств очень важен другой существенный признак данного понятия, а именно тот *субстрат* (лицо, предмет), который является *носителем* фактической информации, используемой в процессуальном доказывании.

Нельзя не учесть и того обстоятельства, что в роли источника судебных доказательств выступают не всякие показания, объяснения и т. д. Возможность применения этих форм получения интересующей органы предварительного расследования и суда фактической информации в ряде случаев законодателем ставится в прямую зависимость от конкретных свойств ее носителя. Убедительным примером в данном отношении служат ст. ст. 72, 74 УПК РСФСР, которые запрещают использование в качестве средства доказывания показаний лиц, упомянутых в этих нормах, именно в связи с известными свойствами (недостатками) носителя информации.

Включение субстрата в понятие источника судебных доказательств необходимо и для того, чтобы в теории и практике процессуального доказывания не обезличивать фактических данных, фигурирующих в качестве доказательств, а, наоборот, надлежащим образом оттенять конкретного их носителя и при применении, проверке и оценке каждого отдельного источника в максимальной мере учитывать его индивидуальные особенности. Иначе конструкция этого понятия была бы неполной, а его оценка — односторонней.

Вместе с тем представляется неоправданной попытка оторвать носителя фактической информации от той формы, посредством которой эта информация вступает в сферу процессуального доказывания, и признать его единственным атрибутом понятия источника судебных доказательств. Подобная попытка встречается, в частности, в работах, авторы которых сводят данное понятие к лицам и предметам, выступающим носителями сведений о фактах. При такой позиции не принимается во внимание, что конкретные сведения, сообщаемые органам следствия и суда одним и тем же лицом, в зависимости от использованной процессуальной формы этого сообщения в одних случаях могут иметь своим источником показание, в других — документ, в третьих — объяснение и т. п. Между тем такое явление не могло бы иметь место, если бы понятие источника доказательств действительно состояло только из носителя соответствующей информации, не зависело от формы ее получения. Кроме того, сколько бы носителей информации, значимой для органов следствия и суда, объективно ни существовало, в деле не появляются источники судебных доказательств до тех пор, пока эта ин-

формация не облечена в определенную процессуальную форму. Только оба эти компонента — носитель фактической информации и процессуальная форма ее получения по делу — в совокупности образуют понятие источника доказательств.

Отсюда следует вывод о том, что *под источником судебных доказательств понимаются процессуальная форма, посредством которой фактические данные, признаваемые доказательствами, вовлекаются в сферу процессуального доказывания, и носитель этой фактической информации*. Ни один из этих факторов сам по себе, взятый в отдельности, не в состоянии дать достаточное представление об этом важном понятии. Лишь в своем единстве они составляют существо источника доказательств по советскому процессуальному праву.

Любой источник доказательств, используемый как средство процессуального доказывания, *должен быть допустимым*. Это требование касается обоих элементов понятия источника, т. е. как процессуальной формы получения фактической информации (доказательств), так и ее носителя. Если один из них не удовлетворяет определенным условиям, то источник фактических данных может быть признан *недопустимым*.

В нашей юридической литературе допустимость, подобно отнесимости фактических данных, рассматривается нередко как одно из внутренних свойств самих судебных доказательств. «Суть правила о допустимости доказательств, — полагает, например, В. Д. Арсеньев, — заключается в том, что в качестве доказательств можно использовать только те данные, которые удовлетворяют предъявляемым законом требованиям». «*Допустимость*, — считает В. Я. Дорохов, — есть пригодность доказательства с точки зрения его формы, т. е. законность источников, методов и приемов, путем которых соответствующие сведения были получены». Подобные же суждения в том или ином виде встречаются также в некоторых других работах.

Такое мнение, однако, представляется ошибочным. Являясь одним из результатов неоправданного смешения доказательств и их источников, оно ведет к искажению существа и служебного назначения данного понятия.

Доказательства могут быть относимыми или неотносимыми, доброкачественными или недоброкачественными, и это действительно определяется только их свойствами. Но они не могут считаться недопустимыми, если почерпнуты из предусмотренных в законе источников.

Допустимость является характеристикой не конкретных сведений о фактах, не самих судебных доказательств, а их источников.

Она связана, прежде всего, с теми или иными свойствами носителя фактической информации и форм их получения. Учитывая определенные свойства именно обоих этих элементов возможных источников доказательств, законодатель точно устанавливает, какие из них могут использоваться в процессуальном доказывании и какие не могут.

Причем, если относимость доказательств зависит от их объективной необходимой связи хотя бы с одним из искомых фактов, то определение допустимости источников доказательств предполагает учет ряда факторов: на него влияют не только свойства непосредственно самих возможных источников, но и природа, задачи и принципы существующей в стране процессуальной системы, цели доказывания и ряд других моментов, принимаемых во внимание законодателем. Достаточно сказать, что такие средства, как присяга, гипноз, лай-детектор, тайное осведомление и т.д., в США и некоторых других империалистических государствах широко используются в качестве источника судебных доказательств, а в советском уголовном процессе все они считаются совершенно недопустимыми,

Поэтому *под допустимостью источника доказательств следует понимать признанную законодателем пригодность (приемлемость) данного источника служить средством процессуального доказывания.* Вопрос о том, какие носители информации и при помощи каких процессуальных форм могут выступать в роли источника судебных доказательств, полностью решен в действующем законодательстве. В советском уголовном процессе это — показания свидетелей, показания потерпевших, показания подозреваемых, показания обвиняемых, заключения экспертов, вещественные источники, протоколы следственных (судебных) действий и документы (ст. 16

Основ уголовного судопроизводства, ст. 69 УПК, РСФСР). Любое изменение данного перечня может производиться только самим законодателем.

Каждый из перечисленных выше источников доказательств имеет свои видовые особенности. Рассмотрим это вкратце.

1. Показания свидетелей. Под этим источником следует понимать *сообщение лицом, вызванным в качестве свидетеля, относящейся к предмету доказывания фактической информации на допросе или на очной ставке по делу.* Для данного вида источников доказательств характерно, что: во-первых, содержащаяся в них информация о тех или иных фактах (обстоятельствах) сообщается органам предварительного расследования, прокуратуры и суда обязательно на допросе или на очной ставке и фиксируется в соответствующем протоколе; во-вторых, носителем этой информации выступает граж-

данин, привлеченный к делу в указанном порядке в качестве свидетеля. Эти два признака в первую очередь отличают показания свидетелей от остальных источников доказательств.

Содержащаяся в свидетельских показаниях информация всегда состоит из сведений о фактах и обстоятельствах, имеющих значение по делу. Эта информация — результат восприятия, сохранения, в памяти и официального воспроизведения свидетелем определенных фактов или сведений о них. Свидетель не проводит специального исследования известных ему данных. Он сообщает то, что видел, читал, слышал. Если даже в его показаниях есть умозаключения по поводу этих данных или элементы оценки их, то они доказательством не служат, могут учитываться лишь при выработке тех или иных версий по делу.

В свидетельских показаниях могут содержаться как сведения о явлениях объективной действительности, которые воспринимались непосредственно данным лицом; так и сведения о фактах, которые известны ему от других людей или из документов. В последнем случае источники сообщаемых свидетелем сведений должны быть точно выяснены и по возможности проверены. Если свидетель не в состоянии указать конкретный источник своей осведомленности, то его показание теряет значение процессуального источника доказательств (ст. 74 УПК РСФСР).

Предметом свидетельских показаний могут быть любые факты и обстоятельства, относящиеся к делу, в том числе такие, которые нужны для правильной оценки других средств доказывания или для характеристики личности обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, а равно для уяснения взаимоотношений между ними. Не составляют исключения и сведения, содержащие служебную или иную тайну. В последнем случае для охраны тайны принимаются меры, предусмотренные ст. ст. 18,139 УПК РСФСР.

Статья 72 УПК РСФСР исключает из предмета свидетельских показаний фактические данные, которые стали известны лицу благодаря выполнению им функции защитника по делу. Когда бывший защитник вызывается в качестве свидетеля, предметом его показаний могут быть любые факты и обстоятельства, кроме тех, которые он узнал в связи с участием в деле в качестве защитника обвиняемого. Это исключение диктуется интересами укрепления института защиты в уголовном судопроизводстве.

Все факты и обстоятельства, составляющие предмет свидетельских показаний, должны относиться к преступному деянию, совершенному другим лицом. Нельзя включать сюда противоправные действия (бездействие), учиненные лицом, выступающим в роли свидетеля. По поводу таких действий лицо может допрашиваться в

качестве подозреваемого или обвиняемого с соблюдением существующих для того процессуальных правил.

Субъектом свидетельских показаний может быть любое лицо, которому могли стать известными какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по делу (ст. 72 УПК РСФСР). По советскому законодательству ни заинтересованность в исходе дела, ни родственные отношения с обвиняемым, ни особенности возраста, ни уровень образования или интеллектуального развития сами по себе не препятствуют привлечению лица в качестве свидетеля, хотя все это принимается во внимание при оценке его показаний.

В качестве свидетелей не допускаются только лица, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны нормально воспринимать значимые по делу обстоятельства и давать о них правильные показания. Такая неспособность лица в каждом отдельном случае определяется органами следствия и суда с помощью экспертизы.

Имея в виду незаменимость свидетеля, закон допускает привлечение в качестве свидетеля работника органа дознания, следователя, прокурора, судьи переводчика, понятого и других участников процесса, освободив их от этих функций по делу (ст. ст. 59, 63, 67, 72 УПК РСФСР). Лишь применительно к законным представителям потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого действует несколько иное положение: они могут одновременно быть и свидетелями по делу.

Не исключена возможность допроса в качестве свидетелей специалистов, принимавших участие в производстве следственных действий; оперативных работников, получивших сведения об обстоятельствах, относящихся к делу, из гласного источника в ходе служебной деятельности; ревизоров, собравших соответствующую информацию при выполнении возложенных на них обязанностей; должностных лиц, выявивших те или иные данные при осуществлении контрольных функций, инспектирований либо при ведомственном расследовании; представителей общественности, которым значимые по делу обстоятельства известны в связи с участием в охране общественного порядка и т. д.

Лицо, обвиняемое или осужденное по делу, может допрашиваться в качестве свидетеля по другому делу по поводу фактов, которые не вменяются ему в вину. Когда такое лицо вызывается для сообщения сведений о действиях, инкриминированных ему по другому делу, его нельзя признать свидетелем: налицо показание обвиняемого со всеми характерными его признаками.

В советском уголовном процессе всякий свидетель имеет определенные права и обязанности. В частности, он обязан своевре-

менно явиться по вызову суда и органа расследования, давать правдивые показания, не разглашать известные ему по делу данные и находиться в зале суда до окончания следствия (ст. ст. 73, 139, 283 УПК РСФСР). При невыполнении этих обязанностей свидетель может быть подвергнут приводу или привлечен за отказ или дачу заведомо ложных показаний к уголовной ответственности по ст. ст. 181, 182 УК РСФСР.

Свидетель вправе давать показания на родном языке, написать свои показания собственноручно, требовать внесения в протокол изменений и дополнений, ходатайствовать о применении звукозаписи при допросе и ознакомиться с фонограммой, пользоваться письменными цифровыми заметками при изложении сложных расчетов, обжаловать действия допрашивающего, требовать возмещения материальных затрат, связанных с участием в деле (ст. ст. 17, 106, 1411, 160, 218, 284 УПК РСФСР).

Советский закон категорически запрещает принуждать свидетеля путем угроз, насилия или обмана к даче показаний или к их изменению. Такие действия влекут уголовную ответственность лица, ведущего допрос.

Получение полноценных показаний предполагает умелое сочетание профессионального мастерства следователя (судьи) с сознательностью советских граждан, с их пониманием юридической обязанности и общественного долга сообщить все то, что может содействовать достижению объективной истины по делу.

Свидетельские показания, будучи наиболее распространенным источником доказательств в уголовном судопроизводстве, имеют важнейшее значение. Попытки буржуазных юристов умалить роль этого источника, ставить под сомнение достоверность информации, получаемой из свидетельских показаний, лишены научного основания. Теория и практика советского уголовного и гражданского судопроизводства исходят из того, что показания свидетелей вполне способны дать объективную истину по делу, что в этом отношении они принципиально не отличаются от остальных источников судебных доказательств.

2. Показания потерпевших. Под этим источником доказательства подразумевается *сообщение лицом, которое официально признано потерпевшим по делу, относящейся к предмету доказывания фактической информации на допросе (очной ставке) органам предварительного расследования, прокуратуры и суда*

Данный источник имеет много общего с показаниями свидетелей

Содержащиеся в нем доказательства тоже состоят исключительно из сведений, являющихся результатом восприятия опреде-

ленных фактов, сохранения информации о них в памяти и воспроизведения этой информации физическим лицом, эти сведения могут касаться любого факта и обстоятельства, имеющего значение по делу; они сообщаются органам следствия (дознания) и суду при допросе или очной ставке и фиксируются в протоколе; при оценке таких сведений учитываются те же факторы, которые характеризуют психологию свидетелей.

Вместе с тем показаниям потерпевшего свойственны существенные *особенности*, позволяющие рассматривать их в качестве самостоятельного источника (вида) доказательств. В частности, эти показания исходят от лица, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный вред. Во многих случаях потерпевший является очевидцем содеянного и воспринимает происшедшее в состоянии испуга, сильного эмоционального возбуждения и острых переживаний, оказывающих непосредственное влияние на формирование его показаний. Субъект этих показаний имеет свой интерес в деле, для него дача показаний не только обязанность, но и право (ст. 53 УПК РСФСР). Показания потерпевшего являются не только источником доказательств, но и *средством защиты* личных интересов. В этих показаниях могут содержаться наряду со сведениями о фактах объяснения и доводы потерпевшего, его предположения и ходатайства. Хотя такие объяснения и гипотезы не имеют значения доказательств, тем не менее, органы расследования и суд обязаны тщательно их проверить.

Потерпевший — участник судопроизводства; на определенном этапе движения дела он знакомится с материалами следствия (ст. 200 УПК РСФСР) и активно участвует в исследовании всех доказательств в суде. Эти обстоятельства также могут сказаться на содержании его показаний, поскольку появляется возможность восполнения сохранившейся информации теми данными, которые почерпнуты из материалов дела.

Порой на потерпевшего оказывают давление обвиняемый или его близкие, что может стать одной из причин искажения им фактических обстоятельств содеянного, стремления изменить показания в целях освобождения обвиняемого от ответственности и ни облегчения его участи. Иногда потерпевший заинтересован в том, чтобы преступление осталось нераскрытым, ибо может оказаться, что ему выгоднее сохранить в тайне определенные обстоятельства совершенного деяния. В подобных ситуациях потерпевший может отрицать наличие фактов, которые ему хорошо известны. И, напротив, в ряде случаев потерпевший стремится добиться быстрее наказания обвиняемого, ускорения возмещения материального вреда, причиненного ему преступлением. Это стремление, усугубляемое чув-

ством обиды и озлобления, порою придает его показаниям заметный обвинительный оттенок, приводит к неоправданному усилению отдельных черт содеянного или к искажению фактов, имевших место в действительности.

Подобные особенности показаний потерпевшего не могут игнорироваться.

В равной мере недопустимы как слепая вера показаниям потерпевшего, так и предвзятое недоверие к ним. Показания потерпевшего имеют большое значение по делу; они, как и всякий иной источник доказательств, должны быть тщательно проверены. Эти показания оцениваются с учетом всех свойств этого источника в совокупности со всеми остальными доказательствами и их источниками по делу.

3. Показания обвиняемого. Эти показания представляют собой *сообщение лицом, привлеченным к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, относящейся к предмету доказывания фактической информации и связанных с ней объяснений при допросе или очной ставке по делу.*

Данный источник доказательств имеет ряд существенных особенностей.

Специфично, прежде всего, то, что здесь в роли носителя доказательственной информации выступает только обвиняемый, т. е. лицо, в отношении которого официально, в установленном законом порядке сформулировано обвинение по делу. Этому лицу полностью известны фактические и юридические признаки противоправных и общественно опасных действий (бездействия), составляющих содержание обвинения, которое изложено в постановлении о привлечении к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. Требуемая от него фактическая информация, равно как и связанные с ней объяснения, относятся к инкриминируемым ему действиям, к тем или иным обстоятельствам их совершения.

Поэтому сообщение обвиняемым доказательственной информации, составляющей содержание данного источника доказательств, по закону считается только его *правом*, но отнюдь не обязанностью.

В определении предмета показаний весьма значительна роль самого обвиняемого. Он вправе «дать показания по предъявленному ему обвинению, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств по делу и имеющихся в деле доказательств» (ст. 77 УПК РСФСР). Поэтому содержанием его показаний может быть фактическая информация, выражающая отношение обвиняемого к обвинению, подтверждающая, ставящая под сомнение или опровергающая любое обстоятельство предмета доказывания и собранные

по нему доказательства, а равно сведения, характеризующие его личность.

Поскольку носитель такой информации, как активный участник процесса, наделен конституционным правом на защиту, сообщаемые им данные служат не только доказательством, но и важным *средством защиты* от предъявленного обвинения. Поэтому обвиняемый может давать любые *объяснения* по фактам и обстоятельствам, исследуемым по делу (ст. 46 УПК РСФСР). Объяснения, даваемые в ходе допроса, являются органической частью *показаний* обвиняемого и подлежат такой же проверке и оценке, как и сведения о фактах, сообщаемые в показаниях.

Обвиняемый — заинтересованное в исходе дела лицо, ему угрожает уголовная ответственность; его чистосердечное раскаяние и активное способствование раскрытию преступления считаются смягчающими вину обстоятельствами. Эти факторы также сказываются на его показаниях.

Но при всех условиях источником доказательств одинаково служат любые показания обвиняемого, причем как признающего себя виновным, так и полностью или частично отрицающего вину либо уличающего в данном преступлении других лиц.

В показаниях обвиняемого, признающего себя виновным, обычно содержатся конкретные сведения о содеянном и о его существенных обстоятельствах. Именно эти фактические данные, а не просто психическое отношение обвиняемого к предъявленному обвинению служат доказательством по делу. Такие данные, как и всякое другое доказательство, должны тщательно проверяться и оцениваться. Закон указывает, что «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу» (ст. 77 УПК РСФСР).

Следственной и судебной практике известны случаи ложного признания обвиняемого, т. е. признания в совершении преступного деяния, которого в действительности он не совершал. Однако самооговоры, обусловливаемые желанием выручить близкого человека, попыткой скрыть более тяжкое преступление, неверным восприятием существа происшедшего или иными причинами, не дают основания ставить под сомнение доказательственное значение признания обвиняемого. Последнее — всегда доказательство, но доказательство рядовое, подлежащее проверке и оценке по общим правилам в совокупности со всеми остальными материалами, собранными по делу.

В показаниях обвиняемого, отрицающего вину, тоже может содержаться различный объем фактической информации. В одних

случаях обвиняемый излагает конкретные сведения, которые ставят под сомнение наличие исследуемого деяния вообще; в других — он оспаривает свое участие в содеянном; в третьих — ссылается на алиби, т. е. утверждает, что в то время, когда было совершено вменяемое ему в вину преступление, он находился в другом месте; в четвертых — подробно рассказывает об обстоятельствах совершения им деяния, однако отрицает его преступный характер; в пятых — приводит данные, исключаящие уголовную вину в совершении противоправного деяния, и т. д. Доказательственное значение имеют любые из таких сведений.

Разновидностью показаний обвиняемого является так называемый оговор, под которым следует понимать ложное сообщение обвиняемого о совершении деяния, вменяемого ему в вину, другим лицом. Оговор может быть вызван как стремлением обвиняемого переложить ответственность за содеянное на другое лицо, так и заблуждением. Но, так или иначе, он не может быть оставлен без проверки и соответствующей оценки. По некоторым делам обвиняемые отказываются от своих прежних показаний или существенно их изменяют.

Порой обвиняемый, который детально излагал, как было совершено преступление, в дальнейшем категорически отрицает те же факты. Или, наоборот, обвиняемый упорно отвергавший предъявленное обвинение, начинает полностью или частично признавать себя виновным, сообщая данные о соответствующих обстоятельствах. Такие противоречия сами по себе не являются свидетельством недоброкачества показаний обвиняемого.

В то же время нельзя заранее отдавать предпочтение ни последним показаниям обвиняемого, ни тем, в которых он признает себя виновным. *Все показания обвиняемого должны одинаково тщательно исследоваться.* Существующие в них противоречия могут устраняться путем выяснения их причин, проверки дополнительных материалов и всесторонней оценки всей совокупности доказательств и их источников, имеющихся в деле.

Признавая одни показания обвиняемого правдивыми, другие — ложными, а равно подтверждая достоверность части сообщаемых им сведений и отвергая другие, органы следствия и суд обязаны указать мотивы и основания этого.

Наличие существенных противоречий или даже явно преднамеренного искажения не может истолковываться как доказательство его виновности. Обвиняемый не несет никакой юридической ответственности за ложные показания так же, как и за отказ от дачи показаний. Он может сообщать неверные сведения по самым различным причинам (ошибка, испуг, стремление не нанести вред другому лицу

и т. п.), может отказаться давать показания и объяснения вообще или по поводу каких-либо обстоятельств, но нет никаких оснований считать это прямым или косвенным доказательством его вины.

В советском уголовном процессе должны быть добыты такие объективные и достоверные доказательства, которые дают возможность отличать ложь от правды, и найти истину независимо от той позиции, которую занимает обвиняемый на различных этапах движения дела.

4. Показания подозреваемого. Под этими показаниями понимается *сообщение на допросе или на очной ставке относящейся к предмету доказывания информации лицами, которые ввиду их задержания или применения к ним одной из мер пресечения официально признаны подозреваемыми по делу.* Данный источник при всей своей близости к показаниям обвиняемого имеет ряд серьезных особенностей. В качестве его субъекта выступает лицо, которое хотя и вовлечено в дело по подозрению в совершении преступления, однако еще в этом не обвиняется в установленном законом порядке. Это лицо — участник процесса, наделенный определенными правами. Требуемая от него фактическая информация должна касаться главным образом его собственных действий. Поэтому дача показаний считается для него *правом*, а не обязанностью. На него не возлагается и юридическая ответственность за отказ от показаний и за их ложность.

Подозреваемый не знает, будет ли он изобличен в совершении преступления. Ему не известны и имеющиеся в распоряжении органов предварительного расследования материалы, поскольку он не может ознакомиться с ними. Все это не только оказывает специфическое психологическое воздействие на подозреваемого, но и лишает его возможности сопоставить свои показания с той информацией, которая имеется у лица, ведущего расследование.

Предметом показаний подозреваемого являются обстоятельства, послужившие основанием для его задержания или применения к нему меры пресечения, а равно любые иные известные ему обстоятельства по делу (ст. 76 УПК РСФСР). Подозреваемый вправе давать не только показания, но и объяснения (ст. 52 УПК РСФСР). Этим подчеркиваются два взаимосвязанных положения: во-первых, показания подозреваемого служат не только источником доказательств, но и *средством защиты*; во-вторых, содержащиеся в них объяснения подлежат тщательной проверке и оценке.

Показания подозреваемого — источник доказательств, который существует только на ранних этапах предварительного расследования. В последующем носитель этой информации становится либо обвиняемым, либо свидетелем, либо вовсе выбывает из процесса.

Показания это лицо дает уже в новом качестве — как обвиняемый или свидетель. Таким образом, с одной стороны, исключается возможность непосредственного восприятия устных показаний подозреваемого (в деле остается лишь протокол), с другой — появляется такой своеобразный путь проверки этих показаний, как сопоставление их с показаниями того же лица, данными уже в качестве обвиняемого или свидетеля.

Во всяком показании подозреваемого может содержаться фактическая информация, как подтверждающая обстоятельства предмета его допроса, так и отвергающая их полностью или частично. Эта информация, дополняемая объяснениями подозреваемого, имеет значение для выяснения основательности павшего на него подозрения и применения к нему процессуального принуждения. Каковы бы ни были объем и характер такой фактической информации, она всегда является доказательством и оценивается на общих основаниях в совокупности со всеми остальными доказательствами по делу.

5. Заключение эксперта — это письменное сообщение специалистом, который в соответствии с законом назначен экспертом, информации о фактах и выводах, полученных им при разрешении специальных вопросов по поручению органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Субъектом сообщения здесь выступает непременно специалист, обладающий достаточными познаниями в соответствующей области науки, техники, искусства или ремесла. В качестве эксперта он назначается органами дознания, следствия, прокуратуры и суда. При этом место его постоянных занятий не играет решающей роли. Хотя в СССР существует определенная сеть различных экспертных учреждений, закон разрешает быть судебным экспертом и специалистам, работающим в других учреждениях (ст. 78 УПК РСФСР).

Это лицо должно быть не заинтересовано в исходе дела. При наличии сомнений в данном отношении оно подлежит отводу (ст. 67 УПК РСФСР).

Эксперт выполняет государственную обязанность. Неявка его по вызову, отказ от производства экспертизы без уважительных причин или дача им заведомо ложного заключения влекут уголовную ответственность. Деятельность эксперта, направленная на разрешение специальных вопросов, считается *экспертизой*. Иначе говоря, экспертиза — это самое исследование, проводимое экспертом по поручению соответствующих органов, и оформление его результатов в виде заключения.

В своем заключении эксперт сообщает фактическую информацию, которая является итогом проведенного им исследования вещественных источников доказательств, образцов для сравнения и

других материалов. Вне производства по делу он не обладает сведениями об искомых фактах. В противном случае его привлекли бы в качестве свидетеля, а не эксперта.

Доказательственным содержанием экспертного заключения служат: а) сведения об исследованных им материальных явлениях, их существенных признаках, свойствах и связях; б) выводы эксперта, содержащие ответ на каждый из разрешенных им вопросов. Именно эта информация, подпадая под понятие «сведения о фактах», образует судебные доказательства, извлекаемые из заключения эксперта.

Что же касается других сведений, содержащихся в экспертном заключении (описание методики исследования, ссылка на исходное научное положение и др.), то они не являются результатом исследования по данному конкретному делу и не могут признаваться доказательствами, источником которых было бы полученное по этому делу отдельное экспертное заключение.

Предметом экспертного заключения могут быть любые факты и обстоятельства, выяснение которых требует специальных познаний. Последние могут относиться к любой отрасли науки, техники, искусства или ремесла. Исклчением служит правовая наука. Все вопросы, относящиеся к этой сфере знаний, должны разрешаться органами расследования, прокуратуры и судом.

Ряд обстоятельств, подлежащих экспертному исследованию, прямо перечислен в законе. Статья 79 УПК РСФСР требует обязательного проведения экспертизы для определения: причин смерти и характера телесных повреждений; психического состояния обвиняемого или подозреваемого в случаях, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего, если есть сомнение в его способности правильно воспринимать те или иные обстоятельства и давать о них правильные показания; возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего в случаях, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют.

Законодательство других союзных республик дополняет этот перечень такими обстоятельствами, как установление половой зрелости потерпевших (ст. 76 УПК УССР), выявление подделки денежных знаков и ценных бумаг (ст. 86 УПК Лит. ССР) и проверка оспариваемых обвиняемым документов ревизии, произведенной без его участия (ст. 73 УПК Аз. ССР). Для установления всех таких обстоятельств заключение экспертов обязательно, причем независимо от

того, есть ли возможность выяснить их при помощи других источников доказательств.

Во всех остальных случаях вопрос, необходимы ли для установления факта (обстоятельства) специальные познания, решается лицом, ведущим дознание, следователем, прокурором, судом. Когда есть объективная надобность в таких познаниях, они должны назначить экспертизу. Экспертиза назначается и в том случае, если судья, прокурор, следователь (лицо, ведущее дознание) обладают необходимыми познаниями, так как недопустимо совмещение в одном лице функций эксперта и лица, ведущего расследование, либо судьи.

Некоторые обстоятельства могут быть установлены непосредственно экспертом. Это допустимо, если в ходе экспертного исследования материалов, направленных органом расследования или судом, обнаруживаются дополнительные обстоятельства, которые, по мнению специалиста, имеют значение по делу. Однако при любых условиях вопросы, разрешаемые экспертом, не могут выходить за пределы его специальных познаний (ст. 78 УПК РСФСР).

Структурно заключение эксперта состоит из трех частей: вводной, описательной и заключительной.

В первой — указывается, когда, кем, где, по чьему поручению проведена экспертиза, кто присутствовал при ее производстве, какие вопросы были поставлены перед экспертом и какие материалы использовались в процессе исследования.

Во второй части заключения подробно излагаются ход и методика исследования, обнаруженные экспертом специфические признаки соответствующих обстоятельств и, в случае необходимости, те научные положения, на которые опирается эксперт.

В третьей части формулируются выводы эксперта по каждому из вопросов, которые им разрешались.

Если экспертизу проводят несколько специалистов, они вправе совещаться между собой (до дачи заключения). Если эксперты одной специальности придут к общему заключению, последнее подписывается всеми экспертами. В случае разногласия между ними каждый эксперт дает отдельное заключение (ст. 80 УПК РСФСР). Тот же порядок может применяться и при комплексных экспертизах, когда обстоятельство, связанное с несколькими сферами человеческих знаний, одновременно исследуется и устанавливается лицами разных специальностей. Пленум Верховного Суда СССР подчеркнул, что при проведении комплексной экспертизы в заключении «должно быть указано, какие исследования провел каждый эксперт, какие факты он лично установил и к каким пришел выводам. Каждый эксперт вправе подписать общее заключение либо ту часть его, которая отражает ход и результаты проведенных им лично исследований.

Если основанием окончательного вывода являются факты, установленные другим экспертом, то об этом также должно быть указано в заключении».

В любом заключении эксперта доказательственное значение имеют в первую очередь те выводы, которые сформулированы экспертом. Будучи логическим результатом выявленных в ходе специального исследования обстоятельств, эти выводы должны быть в достаточной мере определенными.

Только категорические выводы эксперта служат доказательством.

Если исследованные специалистом материалы, выявленные им данные и касающиеся их научные положения недостаточны для категорического вывода, эксперту следует воздержаться от высказывания своих предположений, указав объективную невозможность положительного или отрицательного ответа на вопрос, который перед ним был поставлен. В таком заключении эксперта, как и в любом другом, доказательственной информацией могут служить конкретные данные, которые были выявлены экспертом в процессе исследования и изложены им в описательной части заключения.

Как выводы экспертов, так и констатируемые в описательной части заключения данные не обязательны для органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Советская теория и практика уголовного судопроизводства единодушно исходят из того, что любая фактическая информация, сообщаемая экспертами, проверяется и оценивается наряду со всеми другими доказательствами и их источниками по делу.

Требование закона о том, чтобы несогласие указанных органов с заключением экспертов было мотивировано (ст. 80 УПК РСФСР), объясняется отнюдь не тем, что этому источнику отводится какая-то особая роль. Оно вызвано лишь стремлением оттенить необходимость аргументированного и строгого отношения к данному источнику, поскольку в нем содержится информация, связанная со специальными познаниями. В принципе подлежит мотивировке несогласие следователя, прокурора и судей с любыми фактическими данными, содержащимися в любом источнике доказательств.

6. Вещественные источники доказательств. Под этими источниками мы понимаем *реальные объекты, внешнего мира, которые имеют относящуюся к предмету доказывания фактическую информацию и в установленном законом порядке приобщены к делу.*

Вещественный источник доказательств характеризуется в основном тремя отличительными признаками.

Во-первых, в качестве носителя фактической информации, относящейся к делу, выступает обязательно материальный объект. В

соответствии со ст. 83 УПК РСФСР им могут быть: предметы, служившие орудием совершения преступления (холодное оружие, транспортное средство и др.); предметы, сохранившие на себе следы содеянного (в частности, стакан с отпечатками пальцев подозреваемого, окровавленный пиджак и т. п.); предметы, бывшие объектом преступного посягательства (скажем, похищенные вещи); деньги и ценности, нажитые преступным путем; иные предметы, способные служить средством к обнаружению преступления или к установлению любого другого обстоятельства предмета доказывания по делу.

Во-вторых, фактической информацией, содержащейся в этом источнике, служат либо реальные свойства непосредственно самого объекта (признаки ножа, характеризующие его как холодное оружие), либо определенная, имеющая отношение к делу принадлежность такого объекта (обнаружение его на месте происшествия), либо оставшиеся на нем материальные следы, образовавшиеся в связи с совершением преступления (подчистки в трудовой книжке, подделка печати на документе). Все это — реальные факты, доступные непосредственному чувственному восприятию субъектов доказывания в уголовном процессе.

В-третьих, перечисленные выше объекты приобретают силу источника доказательств только при условии, если они изъяты или представлены, подробно осмотрены и приобщены к делу в порядке, предусмотренном в ст. ст. 70, 84 УПК РСФСР.

Вещественные источники доказательств должны храниться при уголовном деле. Если же в виду их громоздкости или по иным причинам это не представляется возможным, они должны быть по возможности сфотографированы, опечатаны и храниться в том месте, которое определено органом расследования, прокурором или судом (ст. 84 УПК РСФСР).

Все это диктуется *незаменимостью* любого вещественного источника доказательств. Такой источник по своей природе материален, он содержит свойственную только ему информацию и ничем заменен быть не может. Можно создать копию этого источника или слепок сохранившегося на нем следа, но не его оригинал. Невозможен здесь и дубликат.

Сказанным отнюдь не умаляется роль оттисков, фотоснимков или других изображений вещественных источников доказательств, изготовленных при помощи различных следокопирующих средств. В советском уголовном процессе они допускаются законом (ст. 179 УПК РСФСР), по мере внедрения в следствие научно-технических средств используются все шире и не могут не иметь доказательственного значения, если получены с соблюдением существующих процессуальных и научно-тактических требований.

Однако это не вещественные источники доказательств. Такие снимки, оттиски, изображения являются органической частью той фактической информации, которая обнаруживается и фиксируется органами дознания, следствия и судом при производстве определенного следственного действия. Они становятся неотъемлемой частью составляемого при этом протокола, придавая ему наглядность и в какой-то мере дополняя изложенные в нем сведения о тех материальных объектах, копией (изображением) которых являются.

Что же касается материалов звукозаписи, то их процессуальная природа не всегда одинакова, она производна от определенных условий. Представляется неверным общее утверждение о том, будто в случаях, когда «зафиксированные на магнитной ленте следы звуковой информации и иные признаки, присущие исследуемому объекту, доступны непосредственному восприятию в результате прослушивания, а иногда и зрительного наблюдения следов подделки на магнитной ленте», фонограммы выступают в качестве вещественных источников доказательств. Это — неоправданно широкая трактовка, способная привести к недопустимому смешению различных источников судебных доказательств.

В зависимости от того, кем, в каких целях и что зафиксировано на магнитной ленте, какие следы на ней сохранились и для установления каких именно фактов (обстоятельств) в уголовном процессе используется эта фонограмма, последняя должна быть признана или частью (приложением) чьих-либо показаний, или документальным источником, или вещественным источником доказательств.

Если звукозаписывающие устройства применяются органами предварительного расследования, прокуратуры и суда во время того или иного допроса или очной ставки, полученная магнитная лента становится частью (приложением) протокола данного следственного действия. Здесь источником доказательств служит показание допрошенного лица, доказательством — фактическая информация, которая содержится в полученном показании. При этом условия протокол следственного действия и дополняющая его фонограмма *одинаково* являются средством процессуального закрепления показания, хотя сама фиксация происходит разными способами — в необходимых, существенных пределах при помощи письменных знаков в протоколе, дословно в виде магнитных следов звуковой информации в фонограмме.

Когда в сфере процессуального доказывания вовлекаются фонограммы всевозможных совещаний, докладов, выступлений, историй болезни, переговоров, консультаций, разговоров и т. д., следует признать их документальными источниками доказательств, если они используются по делу для подтверждения тех же фактов и обстоя-

тельств, для отражения которых эти фонограммы и велись. Соответственно органы предварительного расследования, прокуратуры и суда при получении и исследовании таких фонограмм должны руководствоваться правилами, которые закон устанавливает для приобщения к делу документальных источников доказательств (в частности, ст. ст. 70, 88, 176, 264, 292 УПК РСФСР).

Если же в ходе процессуального доказывания фонограммы используются не по своему прямому назначению, т. е. применяются для выяснения любых других фактов и обстоятельств (кроме тех, ради отражения которых они составлялись), им бывают присущи совершенно иные свойства, характерные для вещественных источников доказательств. Здесь было бы правильнее признать их вещественными источниками доказательств по делу. Такая картина наблюдается, например, при использовании фонограммы для подтверждения определенного совещания, беседы, консультации или встречи, участия в них того или иного лица, подложности имеющихся о таких мероприятиях письменных документов, принадлежности фонограммы подозреваемому, наличия в ней подчисток и т.д. В подобных случаях в отношении фонограмм обязательно соблюдение всех правил, предусмотренных законодателем применительно к вещественным источникам доказательств (ст. ст. 84—86 УПК РСФСР).

Любые вещественные источники доказательств нередко подвергаются криминалистическим исследованиям, особенно в экспертных учреждениях. При этом должен проявляться максимум осторожности для сохранения тех индивидуальных свойств, которые им присущи.

Когда вещественный источник использован для дачи экспертного заключения, его самостоятельное доказательственное значение не теряется: этот источник может исследоваться как для проверки заключения эксперта, так и для выяснения других обстоятельств, имеющих значение по делу.

Советский уголовно-процессуальный закон предусматривает конкретные правила и сроки хранения вещественных источников судебных доказательств, а также те необходимые меры, которые принимаются при постановлении приговора или прекращении уголовного дела (ст. ст. 84—86 УПК РСФСР).

По своей природе вещественные источники доказательств не обладают каким-либо заранее заданным преимуществом перед остальными источниками доказательств. Их допустимость, доброкачественность, полнота, способность подтверждать искомые факты и остальные свойства, имеющие значение по делу, проверяются и оцениваются по общим правилам в совокупности с другими материалами, собранными по делу.

7. Советскому уголовному процессу известны еще два вида источников судебных доказательств — **протокол следственных (судебных) действий и документы.**

Под первым из этих источников подразумеваются *надлежащим образом оформленные письменные процессуальные акты и их приложения, которые содержат информацию об определенных следственных действиях и о фактах и обстоятельствах, чувственно воспринятых следователем, работником дознания или судьей при производстве этих действий.* Для данного источника специфично то, что, во-первых, в роли носителя информации по делу выступает процессуальный акт (протокол), составленный в установленном порядке самими органами расследования или судом; во-вторых, эта информация состоит из конкретных сведений, зафиксированных с соблюдением необходимых процессуальных гарантий; в-третьих, по своему содержанию сведения эти отражают реальные факты и обстоятельства, которые наблюдались непосредственно и воспринимались чувственно участниками соответствующих следственных действий.

Учитывая отмеченные моменты, закон признает самостоятельным источником доказательств протоколы лишь тех следственных (судебных) действий, в ходе которых выявляются факты и обстоятельства, доступные наблюдению, чувственному восприятию участников этих действий. Сюда отнесены **протоколы следственного осмотра, освидетельствования, выемки, обыска, задержания, предъявления для опознания и следственного эксперимента** (ст. 87 УПК. РСФСР).

Именно в процессе этих следственных действий обнаруживаются положительные или негативные факты (обстоятельства), которые непосредственно наблюдаются участниками следственного действия и отражаются, а потом сохраняются только в протоколе.

При остальных следственных действиях (допросы, очные ставки, производство экспертизы) следователь, работник органа дознания или судьи непосредственно воспринимают только сведения о фактах и обстоятельствах, которые наблюдались другими лицами. Последние вовлекаются в сферу процессуального доказывания, продолжают оставаться носителями соответствующей фактической информации, относящейся к делу, и сообщают ее органам расследования и суда в своих показаниях (эксперт — в заключении), являющихся источником доказательств. Протоколы таких процессуальных действий являются лишь средством и формой фиксации полученных показаний.

Протоколы следственных действий, перечисленных в ст. 87 УПК, служат источником доказательств постольку, поскольку со-

держат конкретные сведения о фактах и обстоятельствах расследуемого дела. Если в них есть догадки, предположения или слухи, то они не могут считаться доказательством.

Указанные протоколы используются для установления тех фактов и обстоятельств, *которые наблюдались* следователем (работником органа дознания) или судьями при производстве процессуального действия. Содержащаяся в них фактическая информация служит обычным доказательством, никаких преимуществ перед другими фактическими данными по делу не имеет, проверяется и оценивается по внутреннему убеждению в совокупности со всеми остальными доказательствами и их источниками.

Под документами в уголовном процессе подразумеваются *любые письменные или оформленные иным способом акты, удостоверяющие или излагающие факты и обстоятельства, которые имеют значение по делу*. Эти акты могут быть служебного или частного характера, являться подлинником или копией, могут составляться вне и до возбуждения уголовного дела или в связи с ним, по инициативе органов следствия и суда или без таковой, одним лицом или несколькими лицами.

Для признания их *источником доказательств* важно, чтобы они исходили от определенных лиц и были по возможности подписаны ими, содержали конкретную информацию о фактах и обстоятельствах, относящихся к предмету доказывания, были получены или представлены в порядке, указанном в ст. ст. 70, 109, 223, 276, 292, 332 УПК РСФСР.

Наиболее часто встречающиеся в уголовном процессе документы — это объяснения, письменно изложенные подозреваемым или другими лицами, справки, акты ревизий, характеристики, письма, дневники, накладные и т. п.

Некоторые документы могут характеризоваться признаками, свойственными вещественным источникам доказательств. Закон особо подчеркивает, что тогда они должны считаться именно вещественным источником доказательств (ст. 88 УПК РСФСР).

Когда документ был объектом преступного посягательства или сохранил на себе материальные следы преступления, совершенно очевидно, что он должен служить вещественным источником доказательств. Но в остальных случаях, как правило, не бывает столь ясного признака, в зависимости от которого можно было бы решить, к каким — документальным или вещественным источникам доказательств — надо отнести данный письменный акт.

При решении этого сложного вопроса, имеющего большое значение для правильного процессуального оформления средств доказывания, следует, на наш взгляд, руководствоваться следующим

общим положением. Если документ используется в доказывании по своему прямому назначению, т. е. для установления тех фактов и обстоятельств, ради удостоверения или изложения которых он был составлен, мы имеем дело с документальным источником, предусмотренным ст. 88 УПК РСФСР.

Когда же документ фигурирует по делу для подтверждения наличия или отсутствия любого другого факта, обстоятельства (только не того, ради которого он был оформлен), правильное отнести его к категории вещественных источников доказательств и приобщить к делу с соблюдением правил, предусмотренных ст. 84 УПК РСФСР.

Всякий документ проверяется и оценивается на общих основаниях в совокупности с остальными доказательствами и их источниками.

Фактические данные, признаваемые судебными доказательствами, могут извлекаться в принципе из любого из указанных в действующем законодательстве источников — из показаний свидетелей, заключений экспертов, документов, протоколов следственных действий и т. д. Равным образом, для установления любого искомого факта могут, по общему правилу, применяться доказательства, получаемые из любого источника. Поэтому в каждом отдельном случае решение вопроса о выборе допустимого источника доказательств является правом самого органа следствия и суда, зависит от конкретных условий и особенностей доказывания по делу.

Но законодатель может предусмотреть и определенные исключения из этого общего положения. Статья 79 УПК РСФСР, например, содержит специальное требование, чтобы для установления причин смерти, тяжести телесных повреждений, психической полноценности обвиняемого и некоторых других обстоятельств использовался только определенный источник доказательств, а именно: заключение экспертов. Такие специфические обстоятельства должны выясняться при помощи именно того специального источника, который прямо указан в законе. Неиспользование органами следствия и суда такого источника, произвольная замена его другими источниками может отрицательно сказаться на интересах достижения объективной истины. Это, к тому же, было бы и неправомерно, поскольку пригодность остальных источников фактических данных для установления подобных обстоятельств уголовного дела не признана законодателем.

Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С.
Проблемы доказательств в советском уголовном процессе
Воронеж, 1978, с 95-117

**ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ; ИХ ОТНОСИМОСТЬ,
ДОПУСТИМОСТЬ, КЛАССИФИКАЦИЯ**

Понятие доказательств

Факты и обстоятельства, составляющие предмет доказывания, могут быть установлены не иначе как при помощи доказательств. Согласно ст. 116 Основ (ст. 69 УПК), «доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Указанная правовая норма, формулирующая понятие доказательства по уголовному делу, толкуется в литературе по-разному. Суждения различных авторов по этому вопросу можно разграничить на две основные группы.

К первой группе следует отнести понимание доказательств только как фактических данных. Сопоставляя закрепленное в УПК 1923 г. понятие доказательств как показаний свидетелей, заключений экспертов, документов и других источников фактических данных (ст. 58 УПК РСФСР 1923 г.), с ныне формулируемым ст. 16 Основ (ст. 69 УПК) понятием доказательств, С. А. Голунский утверждал, что отныне данное понятие надо толковать однозначно. «Уголовно-судебные доказательства — это фактические данные; источники же таких данных доказательствами не являются».

Ф. Н. Фаткуллин полагает, что в той мере, в какой нельзя смешивать находящиеся в органическом единстве судебный процесс и законы, отрицать самостоятельность материального права и процесса, нет оснований и для смешения фактических данных с их источниками. «При всей взаимообусловленности они являются различными видами средств процессуального доказывания, каждый из

которых имеет своеобразное назначение и специфическую доказательственную природу». Соответственно под доказательствами в собственном смысле, по мнению Ф. Н. Фаткуллина, необходимо понимать только фактические данные; источники же их получения оказываются за пределами данного понятия.

Ряд других ученых понимает под доказательствами и фактические данные, устанавливающие или опровергающие соответствующие обстоятельства, и источники, из которых такие данные черпаются. Суждения, высказываемые в обоснование данной точки зрения, могут быть, в свою очередь, также разграничены на две группы.

Одни из них связаны с трактовкой понятия доказательства в двух указанных значениях. М. С. Строгович, например, пишет: «Доказательства — это, во-первых, те факты, на основе которых устанавливается преступление или его отсутствие, виновность или невиновность того или иного лица в его совершении или иные обстоятельства дела, от которых зависит степень ответственности этого лица.

Доказательствами являются, во-вторых, те предусмотренные законом источники, из которых следствие и суд получают сведения об имеющих значение для дела фактах и посредством которых они эти факты устанавливают».

А. И. Трусов, вскоре после принятия ныне действующего уголовно-процессуального законодательства, заметил: «Новый закон... не устранил (и не мог, естественно, этого сделать в силу объективных причин, не зависящих от воли законодателя) двойственного понимания доказательств как фактов и как источников получения фактов».

Такому двойственному понятию доказательств некоторые авторы противопоставляют единое понятие этого института. Доказательства рассматриваются как неразрывное единство содержания (фактических данных) и процессуальной формы (источников, в которых такие данные содержатся и из которых органы дознания, следствия, прокуратуры и суда их получают).

Между двумя указанными концепциями — двойственного и единого понятия доказательств, как справедливо замечает Ф. Н. Фаткуллин, нет сколько-нибудь существенных различий, поскольку в одном и в другом случае доказательство рассматривается как сосредоточение двух указанных компонентов.

Учитывая, что правильное понимание доказательства как важнейшей категории доказательственного права имеет принципиальное значение для решения многих уголовно-процессуальных вопросов, постараемся критически рассмотреть указанные суждения и определить свое отношение к этому вопросу.

Сведение доказательств по уголовному делу только к фактическим данным не может быть признано правильным по следующим основаниям.

1. Как видно из содержания ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), доказательственное значение могут иметь лишь такие фактические данные, которые получены из точно и исчерпывающе названных в законе источников (показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, заключений экспертов, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов). Значит, вне таких источников нет и быть не может фактических данных, имеющих доказательственное значение.

2. О невозможности (в силу объективных свойств доказательств по уголовному делу) отделить источники от фактических данных свидетельствует то обстоятельство, что в числе источников доказательств законодатель называет вещественные доказательства. Получается, что источником вещественных доказательств являются сами вещественные доказательства. Если взять не терминологический аспект, а существо вопроса, то указанное положение закона окажется нелогичным при отказе от включения в понятие доказательств наряду с фактическими данными еще и их источников.

3. Уяснить мысль законодателя по данному вопросу можно не иначе как путем сопоставления ст. 16 Основ (ст. 69 УПК) с рядом других статей действующего законодательства. Не следует при этом забывать, что (как было отмечено выше) норма права и статья закона не образуют тождества, что правовая норма нередко находит свое закрепление не в одной, а в нескольких статьях закона, более того — в нескольких нормативных актах. Соответственно, уяснить сущность доказательства по уголовному делу можно только путем сопоставления содержания ст. 16 Основ (ст. 69 УПК) со статьями, регламентирующими процессуальный порядок собирания, проверки и оценки доказательств (например, ст. ст. 17 Основ, 70, 71 УПК), правовой статус субъектов доказывания (например, ст. ст. 21, 23, 24, 25, 26 Основ, 46, 51, 52, 53, 54, 55 УПК).

Не вызывает сомнений, что под представлением доказательств соответствующими субъектами уголовного судопроизводства (обвиняемыми, защитниками, потерпевшими, гражданскими истцами и гражданскими ответчиками), под проверкой и оценкой доказательств законодатель опять же понимает и фактические данные, и источники, в которых они содержатся и из которых правоприменительные органы такие данные получают.

Сказанное позволяет согласиться с позицией тех авторов, которые рассматривают доказательства по уголовному делу как сосредоточение двух указанных компонентов. При этом, как было под-

черкнуто, принципиальное положение не меняется от того, рассматриваются ли они в состоянии единства или дифференциации. Более того, следует считать необходимым рассмотрение фактических данных и их источников в состоянии и единства, и дифференциации. Именно единство создает объективные предпосылки для уяснения их в качестве компонентов единого понятия доказательства; в основе же дифференциации лежат специфические свойства фактических данных и их источников, которые отнюдь не нивелируются их органическим единством.

Такой подход к решению данного вопроса, правильно отражая объективные свойства доказательств, имеет большое практическое значение, ибо ориентирует органы дознания, следствия, прокуратуры и суда на необходимость в каждом конкретном случае тщательно проверять достоверность как источников, из которых соответствующие сведения черпаются, так и фактических данных, в них содержащихся. Так, например, в начале допроса свидетеля целесообразно уяснить его отношение к обвиняемому и (потерпевшему), а также выяснить другие необходимые сведения о личности допрашиваемого (ст. 158 УПК). Это представляется, по-видимому, нужным для того, чтобы иметь возможность установить степень добросовестности свидетеля, наличие или отсутствие данных о его личной заинтересованности в исходе дела и др. Однако доброкачественность источника фактических данных отнюдь не предрешает правильность их воспроизведения. Свидетель может давать не только заведомо недостоверные показания; он может еще и добросовестно заблуждаться. Причин тому бывает много — и объективных (например, свидетель воспринимал данные, интересующие следствие и суд, в состоянии страха или испуга, в условиях стихийного бедствия и т.п.), и субъективных (например, страдающий плохим слухом свидетель сообщает о том, что он слышал; страдающий пониженным зрением — о том, что он видел и т. д.). Значит, недостаточно убедиться в том, что источник доброкачествен, надо установить еще и достоверность сообщаемых или содержащихся в источниках фактических данных. Именно к этому и обязывает правоприменительные органы указанное понимание доказательств.

Итак, доказательства в уголовном процессе — это, прежде всего, любые фактические данные, на основе которых следователь и суд устанавливают то, что составляет предмет доказывания.

Что же следует понимать под «фактическими данными»? В правовой литературе нередко приходится встречаться с утверждением о том, что фактические данные — это только реальные факты объективной действительности. Однако сведение таких данных только к фактам противоречит элементарным законам логики и дей-

ствующему законодательству. Подтверждением тому служат следующие соображения:

а) Хотя факт как таковой — это и есть реальная, неоспоримая действительность, тем не менее специфика уголовного судопроизводства состоит в том, что любой факт может быть положен в основу выводов органов следствия и суда только после его тщательной и всесторонней проверки и оценки в совокупности со всеми другими, собранными по уголовному делу доказательствами. В таком качестве он выступает лишь в результате процессуального доказывания, т. е. для органов расследования — в момент окончания расследования, для суда — в момент постановления приговора. Важное значение, однако, имеет работа с доказательствами в ходе доказывания — в процессе установления соответствующих фактов, когда правоприменительные органы располагают главным образом сведениями о фактах. В показаниях обвиняемых, свидетелей, потерпевших, в заключении экспертов и других содержатся не сами факты реальной действительности, а конкретные сведения о них, при помощи которых правоприменительные органы и познают, устанавливают факты.

б) Если бы доказательствами были одни только факты, их нельзя было бы опровергать, признавать недоброкачественными, при том, что (согласно ст. 205 и 314 УПК) правоприменительные органы не только вправе отвергать недоброкачественные доказательства, но и обязаны указывать мотивы признания их таковыми. И в этих случаях речь идет, по-видимому, не о фактах, а сведениях по поводу соответствующих фактов. Факт реальной действительности, как было отмечено выше, нельзя опровергнуть. Он может быть познан или не познан, от чего не утрачивает своих свойств факта реальной действительности. Значит, опровергнуть, признать недоброкачественными можно не факты, а лишь сведения о них.

Сказанное не дает, однако, оснований и для вывода о том, что «фактические данные» — это только сведения о фактах или же о том, что именно они — сведения о фактах играют «решающую роль в процессе доказывания».

Подтверждением тому может служить следующее.

1. Понятие «факт», как уже было подчеркнуто, — емкое и многогранное. О фактах в уголовном судопроизводстве речь может идти как об искомых и тех, которые, будучи установлены, перестают быть искомыми, как о главных и доказательственных, как о тех, которые составляют компонент предмета доказывания, так и о тех, при помощи которых предмет доказывания познается, т. е. о так называемых «промежуточных».

Поскольку логика доказывания необходимо предполагает установление и обоснование доказываемых суждений при помощи

других, уже доказанных, постольку не только сведения о фактах, но и установленные факты служат средством познания искомых, еще не установленных.

В том, что познанные факты выступают именно как факты-доказательства можно убедиться путем анализа взаимодействия прямых и косвенных доказательств. Если прямые доказательства прямо указывают на искомый факт, то косвенные — через посредство доказательственных фактов, образующих в многогранной системе фактов именно факты-доказательства.

2. К выводу о том, что фактические данные — это не только сведения о фактах, но и сами факты, мы приходим и при анализе форм познания истины в уголовном судопроизводстве.

Искомые факты познаются и опосредствованно, и непосредственно. Не сохранившиеся факты и обстоятельства прошлого (совершенного преступления) могут быть, естественно, установлены в уголовном судопроизводстве только опосредствованно, и притом, главным образом, через сведения об утраченных фактах и обстоятельствах. Однако факты и обстоятельства настоящего, причинно связанные с прошлым (например, сохранившиеся вещественные доказательства, данные, характеризующие личность субъекта преступления в последующее время, и др.), познаются и опосредствованно, и непосредственно. При этом, непосредственное познание фактов-доказательств не следует, конечно же, отождествлять с непосредственным познанием компонентов главного факта, что исключило бы для познающего возможность быть следователем (судьей) и поставило (бы его в положение свидетеля,

В содержании понятия «фактические данные» — факты и сведения о фактах не всегда занимают один уровень. Объясняется это тем, что сведения о фактах могут служить средством установления как главных фактов, так и доказательственных, тогда как доказательственные факты служат по общему правилу (не без исключений) средством установления главного факта, в силу чего они, в отличие от главного, и называются доказательственными. Несмотря, однако, на возможность несовпадения уровней, сведения о фактах, как и познанные факты (факты-доказательства), образуют необходимые компоненты единого понятия «фактических данных».

Значит, «фактические данные» это и сведения о фактах, и сами факты (установленные, служащие средством познания других, еще не установленных, но подлежащих познанию обстоятельств и фактов).

Фактические данные, как было отмечено выше, могут быть использованы в качестве доказательств лишь при условии, если они получены из точно установленных в законе источников. Нормативно

закрепленный их перечень следует считать исчерпывающим. Это значит, что сведения о факте, как и сами факты, могут иметь доказательственное значение только в том случае, если они содержатся именно в этих источниках. Представляется очевидным, что законодатель не может заранее предусмотреть фактические данные, которые могут иметь существенное значение по всем уголовным делам, поскольку это зависит от специфики каждого дела. Так, фактические данные, имеющие существенное значение по делу о хищении социалистической собственности (жизнь не по средствам, приобретение дорогостоящих вещей и проч.) могут не иметь значения по делу, например о хулиганстве, и т. д. Именно поэтому законодатель говорит о любых фактических данных, на основе которых правоприменительные органы устанавливают наличие или отсутствие имеющих существенное значение по уголовному делу фактов и обстоятельств. Что касается источников соответствующих данных, то законодатель может и должен их ограничить. Получение фактических данных только из точно и исчерпывающе предусмотренных законам источников — необходимое условие допустимости доказательств, о чем будет сказано несколько дальше. Не следует думать, что, имея исчерпывающий характер, круг источников фактических данных остается и впредь неизменным. По мере развития и совершенствования уголовного судопроизводства может возникнуть вопрос о его восполнении новыми источниками. Однако обязательным условием практического использования будет их нормативное признание, закрепление в законе. Таким образом, роль данного компонента доказательства состоит в том, что он является носителем фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Было бы неверно полагать, что каждому факту или конкретным сведениям о факте соответствует один источник. Вполне допустимо такое положение, когда сведения о конкретном факте (например, о хулиганском проявлении) содержатся не в одном, а в нескольких источниках (например, в показаниях потерпевшего, свидетелей, обвиняемого) и, наоборот, когда в одном источнике (например, только в показаниях определенного свидетеля) содержится несколько фактических данных, характеризующих, например, факты неоднократной скупки, продажи, наживы.

Так или иначе, но доказательство по уголовному делу всегда имеет фактическое содержание и процессуальную форму сохранения и воспроизведения необходимой информации. Фактическим содержанием являются сведения о фактах, как и доказательственные факты, а процессуальной формой сохранения и воспроизведения информации являются те предусмотренные законом источники, из

которых правоприменительные органы такую информацию получают.

В правовой литературе доказательства по уголовному делу обычно называют уголовно-судебными. Это не совсем точно. В той мере, в какой процесс доказывания охватывает все стадии уголовного процесса, ограничивать терминологически значение доказательств только стадией судебного разбирательства нельзя. Правильнее говорить, поэтому об уголовно-процессуальных доказательствах или доказательствах по уголовному делу.

Для того чтобы фактические данные могли быть использованы в качестве доказательств, они должны отвечать требованию относимости; источники же таких данных могут иметь доказательственное значение лишь при условии, если они отвечают требованию допустимости. Перейдем к рассмотрению этих требований.

Относимость доказательств

Под относимостью доказательств следует понимать возможность их использования для установления подлежащих доказыванию по уголовному делу фактов и обстоятельств в силу существующей между ними взаимосвязи. Требование относимости доказательств складывается из двух критериев: 1) значения для дела обстоятельств, устанавливаемых конкретными доказательствами, и 2) значения этих доказательств для установления именно таких обстоятельств. В данном контексте это требование нормативно закреплено в ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), в соответствии с которой доказательствами могут быть только такие фактические данные, при помощи которых правоприменительные органы «устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела».

Это общее положение правовой нормы, формулирующей одно из важнейших свойств процессуальных доказательств, получает свою конкретизацию в нормативном урегулировании их отдельных видов, как и в закреплении процессуальных прав и обязанностей субъектов уголовного судопроизводства, участвующих в доказывании. Так, например, свидетель обязан «сообщить все известное ему по делу...» (ст. 73 УПК); соответственно он может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию по данному делу...» (ст. 75 УПК).

Итак, главное значение для признания доказательства относящимся к делу имеет решение вопроса о том, входят ли обстоятельства и факты, для установления которых оно используется, в

круг тех, которые имеют существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела и, тем самым, подлежащих доказыванию. Если входят, значит, отвечают требованию относимости, а если не входят, то такому требованию не отвечают и поэтому доказыванию не подлежат» Принтом для признания доказательства относящимся к делу не имеет значения, входят ли обстоятельства и факты, им устанавливаемые, в круг тех компонентов предмета доказывания, которые непосредственно предусмотрены ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), сформулированы ли они в других статьях Основ (УПК) или относятся к числу так называемых «промежуточных» фактов и обстоятельств, при помощи которых могут быть установлены основные компоненты предмета доказывания, предусмотренные ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), поскольку все они, в конечном счете, составляют предмет доказывания.

Не имеет в этом смысле значения и то, указывает ли доказательство на обстоятельства и факты позитивного или негативного характера, устанавливает или, наоборот, опровергает оно событие преступления, виновность конкретного лица в совершении преступления и другие, подлежащие доказыванию обстоятельства и факты. В силу закона (ст. 14 Основ, ст. 20 УПК) правоприменительные органы обязаны применять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих или смягчающих его вину обстоятельств.

Возникает вопрос: не определяем ли мы относимость доказательств через свойства, лежащие за их пределами, находящиеся, в частности, не в доказательствах, а в предмете доказывания, в том, что подлежит доказыванию?

Нет, речь идет о содержании самого доказательства, ибо его относимость к делу не случайна; она определяется объективной связью доказательства с соответствующими фактами и обстоятельствами. Показания свидетеля (как и потерпевшего, подозреваемого и др.) могут быть признаны относящимися к делу именно потому, что носитель этих показаний (именно он, а не кто-либо другой) располагает важной доказательственной информацией, полученной им в силу определенной жизненной ситуации. Тем же — объективной связью с обстоятельствами дела — определяется относимость к нему и всех других доказательств.

Понимая под таковыми «любые фактические данные», на основе которых компетентные органы государства устанавливают интересующие их по делу обстоятельства и факты, законодатель имеет в виду не относимость доказательств к делу или их неотносимость, а

презюмируя только относимость, не придает в этом плане значения тому, являются ли они позитивными или негативными, содержатся ли в одном или другом предусмотренном законом источнике, в одном или нескольких источниках, доказывают ли они один или несколько компонентов доказывания и др. Указание законодателя на «любые» фактические данные объективно обусловлено тем, что в правовой норме, имеющей общий и общеобязательный характер, просто невозможно, как мы заметили, предусмотреть круг фактических данных, который может иметь существенное значение по всем уголовным делам. Значение фактических данных определяется, следовательно, конкретными обстоятельствами каждого уголовного дела. Тем самым их использование в указанном смысле не ограничено никакими нормативными рамками при условии относимости к уголовному делу.

В литературе приходится встречаться с утверждением о том, что некоторые обстоятельства и факты не подлежат в уголовном судопроизводстве доказыванию. К их числу относят обстоятельства и факты очевидные, противоречащие общепризнанным и установленным наукой, а также политическим и нравственным устоям общества.

Конечно, доказывать правомерность безнравственных фактов и обстоятельств в уголовном процессе — нельзя, что же играет очевидных и бесспорных, то здесь требуется существенная оговорка. Едва ли нужно доказывать, что 1 Мая и 7 ноября — праздничные дни, что воскресенье — нерабочий день и т. п. В то же время предметом доказывания при значимости соответствующего факта должна быть его причинная связь с обстоятельствами уголовного дела. Будучи общевыходным днем, воскресенье для определенного лица могло оказаться днем рабочим, несмотря на праздничный день, человек по тем или иным причинам мог оказаться на территории предприятия и т. д. Значит, доказыванию в соответствующих случаях подлежит не сам общественный, бесспорный факт, а его связь с конкретными обстоятельствами уголовного дела, значение его для уяснения этих обстоятельств.

В существенной оговорке нуждается и вопрос о возможности уяснения обстоятельств и фактов, противоречащих общепризнанным и установленным наукой. В условиях научно-технического прогресса общепризнанные положения сегодня могут оказаться не общепризнанными завтра; то, что было апробировано наукой вчера, может быть опровергнуто научными открытиями сегодня. Поэтому понятие общепризнанных и апробированных наукой обстоятельств и фактов не статично; оно динамично. Соответственно рассматривать такие обстоятельства и факты нужно не в статике,

а в динамике, в органической взаимосвязи с самыми новейшими достижениями в области науки и техники.

Практическое значение требования относимости доказательств состоит в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить достаточно полное и всестороннее установление обстоятельств и фактов, имеющих существенное значение по делу, а с другой — не загромождать материалы дела данными, не имеющими отношения к предмету доказывания и тем самым излишне не осложнять расследование и рассмотрение уголовного дела.

Допустимость доказательств

Под допустимостью доказательств следует понимать их соответствие требованиям закона относительно источника, способа получения и закрепления фактических данных. Тем самым, если требование относимости доказательств характеризует причинную связь фактических данных с предметом доказывания, то требование допустимости — закономерность источников, способов получения и закрепления фактических данных.

Рассмотрим кратко указанные свойства требования допустимости.

1. Как уже было сказано, фактические данные могут быть получены только из точно и исчерпывающе предусмотренных законом источников. Следует решительно отвергнуть суждения, как противоречащие этому бесспорному положению, так и умаляющие его значение.

Нельзя, например, согласиться с утверждением о доказательственном значении данных одорологии (науки о запахах), облученных в справку сотрудника соответствующего учреждения (органа милиции и др.), удостоверяющую факт выборки собакой по запаху человека или предмета или же в форму так называемой «одорологической» экспертизы, поскольку в действительности содержанием любой из таких форм является придание доказательственного значения самому акту выборки собакой по запаху человека или предмета. Успешное использование служебно-розыскных собак (располагающих значительно более тонким обонянием, чем человек) в сфере оперативной деятельности, в процессе «которой собирается материал для построения версий, не дает, однако, оснований для признания за результатами выборки доказательственного значения в сфере деятельности уголовно-процессуальной, где дело решается по существу. Значение, конечно, имеет не только то, что такой источник фактических данных не предусмотрен ст. 16 Основ (ст. 69 УПК). Нельзя так же не учитывать, что поскольку все еще не распознан ме-

ханизм образования запахов, постольку поведение служебно-розыскной собаки не поддается и поныне объективному анализу и проверке. Там же, где выборку собакой человека или предметов предлагается принимать «на веру», там нет мыслительной деятельности как необходимого условия проверки и оценки доказательств.

В контексте рассматриваемого вопроса принципиальное значение имеет следующее положение, содержащееся в определении Верховного Суда СССР по одному из конкретных дел: «Факт привода служебно-розыскной собаки к дому Фадеевых не может служить доказательством против Фадеева».

Не соответствуют требованию допустимости доказательств и обосновываемые некоторыми авторами инструментальные средства регистрации изменения физиологических параметров допрашиваемых. Во-первых, само стремление принудительного проникновения в мысли допрашиваемого обвиняемого противоречит требованию законности и, в частности, его праву на дачу показаний. Во-вторых, превращение допрашиваемого из субъекта уголовного судопроизводства в беспомощный объект исследования противоречит требованию и законности, и этичности уголовного судопроизводства. В-третьих, полученные таким образом данные не отвечают и требованию подлинной научности, поскольку не в состоянии объяснить причину соответствующих изменений — вызваны ли они желанием солгать или, наоборот, возмущением по поводу лжи других лиц.

Решительные возражения вызывает в этом смысле утверждение А. Н. Васильева о возможности придавать результатам использования такой аппаратуры доказательственное значение в случаях, когда с их помощью устанавливается не достоверность или ложность показаний, а «...местонахождение трупа... орудий преступления, похищенных вещей, что само по себе могло бы служить доказательством по делу, независимо от источника полученных сведений». Такое утверждение принципиально неправильно, во-первых, потому, что одним из условий допустимости доказательств является, как было отмечено, законный источник фактических данных, а во-вторых, потому, что средство, служащее только внепроцессуальным ориентиром местонахождения доказательства, не будучи само по себе доказательством, может быть использовано лишь как оперативное средство его получения.

Весьма противоречивы по данному вопросу суждения Г. А. Злобина и С. А. Яни. С одной стороны, авторы говорят о недопустимости использовать инструментальные средства - фиксации эмоциональных реакций человека в качестве, доказательств по уголовному делу, с другой — признают полиграф одним из «очень важных средств установления истины в уголовном судопроизводстве». В

одном случае они утверждают, что полиграф не в состоянии ответить на вопрос о том, лжет испытуемый или говорит правду, в другом—усматривают его достоинство в том, что он позволяет «заподозрить ложь в показаниях допрашиваемого». Ратуя за соблюдение в уголовном процессе прав личности, авторы в то же время приветствуют отказ от исторически сложившейся недозволенности принудительного вторжения в чужие мысли и чувства. Выступая с предложением нормативно закрепить применение полиграфа в наших условиях лишь с письменного согласия испытуемого, авторы распространяют это только, на полиграфы с датчиками, которые касаются тела испытуемых. Что же касается полиграфов, используемых на расстоянии, то для их применения согласия не требуется. Значит, если полиграф применяется открыто, получение согласия испытуемого обязательно, а если тайно — такого согласия не требуется (?!).

Но главное не в этой системе противоречий по конкретным вопросам проблемы. Главное — в крайней противоречивости от-правных, исходных положений авторов. Правильно утверждая, что применение полиграфа в условиях ряда буржуазных стран — возмущительное средство принудительного или тайного проникновения в область сугубо личной сферы, они тем не менее всемерно приветствуют использование того же полиграфа в наших, советских условиях, хотя и признают, что «...с помощью полиграфа... может быть добыта информация... связанная с той областью личного, принудительное или тайное проникновение в которую противоречит гарантированным Конституцией СССР правам и свободам гражданина».

В системе социальных ценностей нашего общества охрана человеческого достоинства, прав и законных интересов личности представляет одну из самых высоких ценностей. Познание истины по уголовному делу, изобличение и справедливое наказание виновных не может осуществляться за счет нарушения этой ценности. Как справедливо замечает Г. М. Резник, «безусловное признание доказательства недопустимым должно наступать не только в случае, когда оно получено из ненадлежащего источника, но и тогда, когда его получение было сопряжено с существенным нарушением прав и законных интересов граждан».

Было бы неправильно полагать, что, имея исчерпывающий характер в настоящее время, круг источников фактических данных, предусмотренный ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), останется навсегда неизменным. По мере развития науки и техники, по мере совершенствования общественных отношений он может быть расширен. Однако необходимым условием использования в практике уголовного судопроизводства новых источников фактических данных явится их нормативное признание и закрепление.

В любом случае источниками фактических данных в наших условиях никогда не будут известные буржуазному судопроизводству средства, нарушающие интересы личности. В их числе может быть назван, гипноз, применение которого дозволено у нас в лечебной практике, но абсолютно неприемлемо в судопроизводстве, поскольку превращает загипнотизированного из субъекта процесса в беспомощный объект испытаний.

Советскому уголовному процессу чужды рекламируемые в буржуазной литературе различного рода медикаментозные средства, позволяющие подавлять волю допрашиваемых при сохранении у них способности реагировать и отвечать на вопросы, а также многочисленные психологические приемы, рассчитанные на подавление психики свидетелей и обвиняемых в целях получения от них в уголовном процессе необходимых показаний.

Как было отмечено, любые фактические данные и сведения о них, отвечающие требованию относимости, могут быть получены из любого, предусмотренного законом источника. Тем не менее, законодатель в виде исключения предусматривает возможность установления некоторых обстоятельств только при помощи доказательств, полученных из точно указанных в законе источников, способных обеспечить установление истины. Примером тому является ст. 79 УПК, согласно которой причины смерти, степень и характер телесных повреждений, психическое состояние обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего, а равно установление (в необходимых случаях) возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего, могут быть установлены только при помощи соответствующей экспертизы. Это указание закона не исключает, разумеется, возможности использования для установления соответствующих фактов и обстоятельств еще и других доказательств, что не освобождает, однако, правоприменительные органы от обязанности проведения в тех же целях экспертизы.

В некоторых случаях, наоборот, действуют правовые нормы о недопустимости доказательств. Так, например, согласно ст. 74 УПК не могут служить доказательствами фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не в состоянии указать источник своей осведомленности. Тем самым законодатель заранее не допускает свидетельство «по слуху», аморальное по своему характеру и которое нельзя объективно проверить.

Не может быть источником доказательств анонимное заявление. Если при проверке содержащиеся в нем факты подтверждаются, они используются в качестве доказательств лишь при условии установления их источника, предусмотренного действующим законодательством.

2. Другим свойством требования допустимости доказательств является соответствие закону способа их получения. Единственным законным способом получения доказательств по уголовному делу являются следственные и судебные действия, исчерпывающе предусмотренные действующим законодательством. Согласно ст. 70 УПК, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе по находящимся в их производстве делам вызвать в порядке, установленном настоящим Кодексом, любое лицо для допроса или дачи заключения в качестве эксперта; производить осмотры, обыски и другие предусмотренные настоящим Кодексом следственные действия; требовать от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные; требовать производства ревизий. Доказательства могут быть представлены участниками процесса, а также любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями.

Фактические данные, полученные иным, не предусмотренным законом способом, должны быть признаны не отвечающими требованию допустимости.

В правовой литературе высказано суждение о том, что следственные действия в стадии предварительного расследования — не единственный способ получения доказательств, что наряду со следственными действиями такими способами могут быть: истребование предметов и документов, требование о назначении ревизии, представление доказательств участниками процесса, гражданами и организациями. Однако следует заметить, что данные приемы получения доказательств осуществляются не помимо, а в рамках соответствующих следственных действий. В самом деле: при всех особенностях каждого из таких приемов все они так или иначе связаны либо с выемкой соответствующих материалов (например, в случаях представления их участниками процесса), либо с осмотром (например, если истребованный документ имеет признаки вещественного доказательства), либо с допросом (например, если лицо заявляет о том, что ему известны существенные обстоятельства дела) и др.

Предусмотренный законом круг следственных и судебных действий, являющихся средствами получения доказательств, имеет, как мы заметили, исчерпывающий характер/Соответственно нельзя признать правомерной, например, получившую определенное распространение практику проверки показаний на месте в качестве самостоятельного следственного действия на территории тех союзных республик, законодательство которых данное следственное действие не предусматривает.

Нельзя признать правильными предложения оформлять как самостоятельные следственные действия моделирование, реконструкцию и другие действия, не предусмотренные в таком качестве действующим законодательством.

Конечно, нормативно закреплённый ныне круг следственных и судебных действий в дальнейшем будет совершенствоваться и изменяться. Однако, как справедливо замечал в свое время М. М. Гродзинский, пока новый способ получения доказательств полностью не разовьётся и не получит всех своих характерных черт, он должен будет рассматриваться как разновидность известных следственных действий, облекаться в нормативно признанную форму, и только в дальнейшем сможет выступить в качестве самостоятельного средства получения доказательств при условии, разумеется, признания законодателем его самостоятельности как следственного действия. Значит, до этого указанные действия могут осуществляться лишь как соответствующие приёмы при производстве регламентированных законом следственных действий (например, проверка показаний на месте — при осмотре, моделирование и реконструкция — при следственном эксперименте и др.).

Однако предусмотренные законом следственные и судебные действия могут обеспечить допустимость доказательств лишь при условии точного соблюдения процессуального порядка их проведения. Нельзя в этом смысле признать допустимыми доказательства, получение которых сопровождалось нарушением правовых требований.

В ст. 14 Основ, например, сказано: «Запрещается домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер». Принуждение к даче показаний путем применения угроз или иных незаконных действий со стороны лица, производящего дознание или предварительное следствие, влечёт уголовную ответственность (ст. 179 УК РСФСР).

Интерес в этом плане представляет следующее обстоятельство. В правовой и криминалистической литературе возник вопрос о возможности применения при допросах психического воздействия на допрашиваемых в целях получения наиболее достоверных и полных показаний. Не впадая ни в одну из крайностей — либо запрета использования при этом возможностей современной психологии, либо предоставления правоприменительным органам (должностным лицам) ничем не ограниченного в этом отношении права, следует уяснить различие между понятиями психического воздействия, содержащего элементы психического насилия, и положительного психического влияния, создающего оптимально благоприятные условия для развития нормальных психических процессов, ориентирующего

допрашиваемого на наиболее точное и полное воспоминание и воспроизведение имеющих значение для дела обстоятельств. Значит, недопустимым следует признавать такое психическое воздействие на допрашиваемого, которое выражается в прямом или косвенном, открытом или замаскированном психическом насилии и, в частности, психическом влиянии в направлении нарушения нормальной психической деятельности допрашиваемого.

Пленум Верховного Суда СССР неоднократно обращал внимание судов на недопустимость основывать судебные приговоры на материалах, полученных «... с нарушением процессуального порядка собирания доказательств».

Применительно к конкретным процессуальным действиям Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР указывают: заключению экспертов, проводивших экспертизу без соблюдения требований уголовно-процессуального закона, не следует придавать доказательственного значения; следственный эксперимент, проведенный с нарушением норм УПК, «не имеет никакого доказательственного значения»; протокол опознания «не может служить доказательством, поскольку опознание было произведено с грубым нарушением установленного порядка», и др.

В этих и других подобных случаях презюмируется, что нарушение при выполнении следственных или судебных действий норм УПК наносит урон гарантиям достоверности получаемых таким путем фактических данных и сведений о них.

3. Наконец, еще одним свойством требования допустимости доказательств является соответствие закону формы их закрепления. Определенная информация приобретает характер доказательственной только в том случае, если она облечена в предусмотренную законом форму фиксации. Последняя образует в то же время необходимое условие сохранения доказательственной информации.

Действующее законодательство предусматривает исчерпывающий круг уголовно-процессуальных актов компетентных органов государства (должностных лиц). Эти акты фиксируют либо их решения по соответствующим вопросам уголовного дела (например, постановления следователя, определение, приговор суда), либо — те или другие обстоятельства уголовного дела, в том числе производство следственных и судебных действий (например, протоколы следственных действий, протокол судебного заседания). Значит, если в постановлениях, определениях и приговорах находит свое выражение оценка (частичная или полная) уже собранных по делу доказательств, то факт их обнаружения, собирания получает свое закрепление главным образом в соответствующих протоколах (следственных действий, судебного заседания и др.).

Наряду с ранее существовавшей рукописной формой изготовления протоколов действующее законодательство предусмотрело возможность использования при составлении процессуальных актов машинописи и стенографии (ст. 102 УПК РСФСР). Однако, будучи основной формой фиксации доказательственной информации, протоколирование не является в этом отношении единственной формой. Конкретным выражением внедрения в уголовное судопроизводство достижений науки и техники явилось узаконение использования в тех же целях фотографирования, киносъемки, изготовления диапозитивов, планов, схем, слепков и оттисков следов (ст. 141 УПК) и звукозаписи (ст. 141 УПК).

Соответственно ныне используются такие формы закрепления доказательств, как 1) письменная (в том числе машинописная) форма (протокол), 2) звуковая (звукозапись), 3) образная (фотоизображение, киноизображение), 4) предметная (слепки, оттиски).

Некоторые из указанных средств закрепления доказательственной информации могут применяться только как основные (например, протоколирование), другие — только как дополнительные (например, схемы, слепки). Соответствующие формы фиксации могут быть использованы в качестве самостоятельных или смешанных. Применение видеомэгнитофона, например, предполагает одновременное использование и звукозаписи, и киносъемки.

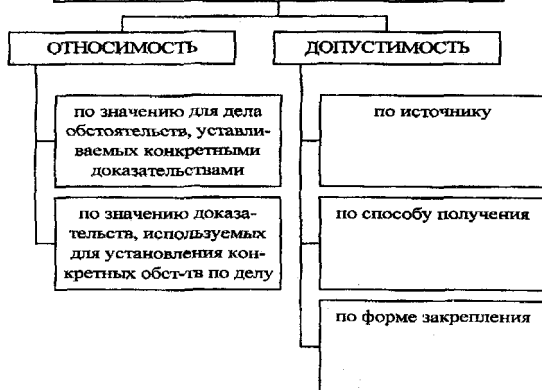
Степень и формы «технизации» закрепления доказательственной информации не безразличны для целей доказывания. Использование здесь достижений науки и техники призвано служить более полной, точной и качественной фиксации соответствующей информации; экономии сил и времени следственных и судебных работников; повышению культуры уголовного судопроизводства в целом, собирания и оформления доказательственной информации в частности. Именно поэтому использовать в уголовном судопроизводстве можно только такие формы закрепления доказательств, которые нормативно закреплены в качестве наиболее надежных, апробированных теорией и практикой. Мы, разумеется, не имеем в виду здесь собственно технико-криминалистические, сугубо вспомогательные средства собирания доказательств (молоток для простукивания, паста для дактилоскопирования, лупа для обнаружения следа и т. п.), которые не требуют правовой регламентации. Речь идет о научно-технических средствах закрепления доказательственной информации, точно и исчерпывающе предусмотренных законом. Возникновение новых возможностей в этом отношении также требует их нормативного признания.

Итак, понятие доказательства по уголовному делу и требований, которым оно должно отвечать, может быть изображено схематически следующим образом.

Схема структуры доказательств в уголовном судопроизводстве

Требования предъявляемые к доказательствам

А. А. ХМЫРОВ
Косвенные доказательства
Москва, "Юрид. лит-ра", 1979, с. 3-12

Доказательства и предмет доказывания

Методы косвенного познания фактов, недоступных непосредственному наблюдению, широко используются наукой во всех ее отраслях. Без преувеличения можно сказать, что именно этим методам современная наука обязана большинством своих фундаментальных открытий.

Естественно, что и в судебном познании косвенные доказательства играют весьма важную роль. Практически ни одно преступление не может быть раскрыто без использования косвенных доказательств, а во многих случаях они являются единственным средством раскрытия наиболее тяжких и опасных преступлений. Вот почему проблема косвенных доказательств издавна привлекала внимание процессуалистов и криминалистов. Большой вклад в ее исследование внесли советские ученые М. М. Гродзинский, М. П. Шаламов, В. И. Каминская, Г. М. Миньковский, А. И. Винберг, Р. Д. Рахунов, А. А. Эйсмэн и другие. Ими разработаны основы советской теории косвенных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Тем не менее, отношение к косвенным доказательствам и в теории, и на практике все еще остается противоречивым. Известная часть практических работников обнаруживает непонятное недоверие к косвенным доказательствам, недооценивает их возможности в установлении фактических обстоятельств преступления. Это недоверие поддерживается некоторыми (правда, единичными) высказываниями отдельных представителей юридической науки. Встречаются случаи и противоположного порядка, когда значение отдельных улик переоценивается, что нередко влечет судебные ошибки. Следственная и судебная практика испытывает затруднения в оперировании косвенными доказательствами, и ее потребности порождают необходимость дальнейшей разработки теории их применения в уголовных делах.

Разработку вопросов, связанных с использованием косвенных доказательств в уголовных делах, целесообразно начать с рассмотрения таких общетеоретических понятий, как понятия доказательства и предмета доказывания.

Достижение истины в уголовном судопроизводстве осуществляется путем доказывания — процесса, в ходе которого следователь и суд должны установить все юридически значимые обстоятельства дела в полном соответствии с действительностью. Однако характеризовать доказывание только как процесс, направленный на получение истинных знаний, было бы недостаточно.

Наука и общественная практика во всех ее областях всегда требуют не только истинных, но и достоверных знаний, т. е. знаний обоснованных, удостоверенных, полученных таким способом, который гарантирует их истинность и возможность проверки последней. В уголовном судопроизводстве, где фактические обстоятельства, установленные следователем и судом, служат основой для принятия ответственных решений, затрагивающих судьбы людей, требование достоверности используемых знаний особенно важно. С этой целью закон детальнейшим образом регламентирует средства и способы доказывания, что гарантирует оптимальный, т. е. наиболее целесообразный и эффективный с точки зрения задач судопроизводства порядок получения, проверки и удостоверения знаний. Сведения, полученные непроцессуальным путем (например, в результате оперативно-розыскной деятельности, из сообщений печати и т. п.), как лишенные надежных гарантий достоверности, имеют лишь вспомогательное значение и не могут служить основанием для выводов по делу.

Доказывание в уголовном судопроизводстве (судебное доказывание) решает, таким образом, двуетадивную задачу: с одной стороны, установление истины об обстоятельствах расследуемого преступления, с другой — обоснование полученных знаний. Эта двуетадивная цель достигается в ходе осуществляемой в предусмотренном процессуальным законом порядке деятельности органов расследования, прокурора и суда с участием других субъектов доказывания по соби-²⁶ранию, проверке и оценке доказательств.

²⁶ Так определяют доказывание (с незначительными различиями, не имеющими принципиального значения) большинство советских процессуалистов. См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., Юрид. лит., 1973, с. 298; Дупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., ВЮЗИ, 1966, с. 26; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М, Наука, 1968, с. 295; Алексеев Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе. — В кн.: Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. Л., 1967, с. 433—434; Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе. Автореф. дис. докт. юр. наук. М., 1967, с.5; Зеликсон Э. С., О доказывании в советском уголовном процессе. — Ученые труды Казахского университета, т. 10. Серия юридическая. Вып. 10, ч. 1. Алма-Ата, 1970, с. 194; Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., Госюриздат, 1960, с. 78—90; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с. 14, и др.

В процессуальной и криминалистической литературе при освещении вопроса о гносеологической природе судебных доказательств обоснованно указывается, что доказательства являются результатом отражения события преступления в окружающей среде²⁷. При этом ссылаются на известное высказывание В. И. Ленина о том, что «вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»²⁸. Общеизвестно, что это свойство материи обусловлено наличием всеобщей связи и взаимозависимости явлений. В силу этой взаимосвязи всякое изменение одних объектов (явлений, событий, процессов) неизбежно вызывает соответствующие изменения других, связанных с ними. Эти изменения, будучи отражением события преступления в окружающей среде, могут быть названы следами преступления (в самом широком смысле этого слова). Они являются теми фактическими данными, которые дают возможность следователю и суду восстановить картину совершенного преступления и установить виновных.

Как известно, объекты окружающей среды с изменениями в них, вызванными преступлением (со «следами преступления»), еще не являются доказательствами — они представляют лишь гносеологическую их предпосылку. Для того чтобы стать доказательствами по уголовному делу, они должны быть познаны и надлежащим образом удостоверены субъектами доказывания: судом, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание. Познание и удостоверение фактических данных осуществляется в порядке, строго регламентированном нормами уголовно-процессуального права.

Из этих предпосылок и исходит закон (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 69 УПК РСФСР²⁹), определяя понятие доказательства: «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями

²⁷ См., например: Трусов А. И. Указанное соч., с. 30—32; Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М, 1970, с. 9, и др.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 91.

²⁹ Здесь, как и в дальнейшем изложении, при ссылках на статьи УПК РСФСР (УК РСФСР) имеются в виду и соответствующие статьи УПК (УК) других союзных республик.

обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Однако определение не устранило дискуссии среди советских процессуалистов, которые в понятие «фактические данные» вкладывают разное содержание.

После принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик³⁰ значительное распространение получил взгляд, согласно которому «фактическими данными», о которых говорит закон, являются только факты объективной действительности³¹.

Сколь ни заманчива эта точка зрения, считать ее правильной нет достаточных оснований. Ни следователь, ни судья, ни любой другой участник процесса не могут оперировать реальными фактами объективной действительности (в подавляющем большинстве своем существовавшими в прошлом); они могут оперировать лишь **знаниями** об этих фактах, **информацией** о них, полученной из указанных в законе источников. Между тем в своих рассуждениях и в процессуальных документах следователи и судьи нередко оперируют терминами «факт», «факты». Это можно объяснить тем, что достоверное и точное знание по содержанию соответствует своему предмету, адекватно ему, вследствие чего нередко происходит подмена понятий: оперируя достоверными знаниями о фактах, мы говорим и представляем дело так, будто мы оперируем самими фактами реальной действительности. Следует, однако, помнить, что гносеологически объективный факт и знание об этом факте (любой степени точности) — не одно и то же.

Трудность разграничения в сознании и в языке реальных фактов и достоверных знаний о них существует объективно, и она, как нам кажется, послужила одной из причин того, что многие ученые высказались в пользу рассматриваемой точки зрения. Немалое значение, очевидно, имеет здесь и то обстоятельство, что в философской литературе понятие «факт» иногда употребляется и в другом смысле: им обозначается элемент научного знания, достоверное знание о реально существующих (существовавших) явлениях, событи-

³⁰ В дальнейшем этот акт именуется: Основы.

³¹ См.: Голунский С. А. Допросы доказательственного права в Основях уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. — В сб.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., Госюриздат, 1959, с. 145—149; Чельцов М. А. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма, — Указанный сборник, с. 82; Гусев Л. Н. Об Основях уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., Госюриздат, 1959, с. 16; Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960, с. 23-24, и др.

ях, состояниях и процессах объективной действительности³². В таком значении термин «факт» употребляется и некоторыми советскими криминалистами³³. Мы считаем, однако, правильным традиционное понимание термина «факт», когда им обозначают реальные явления и события объективной действительности³⁴.

Нельзя также считать доказательством только достоверные знания о событиях реальной действительности, так как достоверность их должна быть предварительно доказана, а средства, которыми она может быть установлена, не могут быть не чем иным, как доказательствами по уголовному делу.

Наконец, считать факты доказательствами нельзя еще и потому, что доказательство, по смыслу закона (ст. 16 Основ, ст. 69 УПК РСФСР), включает в себя как фактические данные (сведения о фактах), так и процессуальный источник, в котором эти данные содержатся. В отрыве друг от друга ни фактические данные, ни источники доказательств служить не могут³⁵.

По этой, в частности, причине не может быть признана правильной и точка зрения тех ученых, которые считают, что действующий закон сохранил «двойственное понимание» доказательств³⁶.

Несостоятельность как первой, так и второй точек зрения³⁷ привели к тому, что в последние годы среди советских процессуалистов доминирующим стал взгляд, согласно которому термином «фактические данные» охватываются сведения о фактах, содержащиеся в показаниях, документах и других источниках³⁸.

³² См.: Логика научного исследования. М, Наука, 1966, с. 46; Теория познания и современная наука. М., Мысль, 1967, с. 207—208.

³³ См.: Белкин Р. С. Собрание, исследование и. оценка доказательств. М., Наука, 1966, с. 56—59; Медведев Н. Н. Теоретические проблемы расследования. Учебное пособие. Краснодар, 1977, с. 87; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования, М., ТЮрид. лит., 1973, с. 67.

³⁴ См.: БСЭ, изд. 2-е, т. 44, с. 506; Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., Наука, 1976, с. 635.

³⁵ На это правильно указал В. Я. Дорохов (см.: Сов. государство и право, 1964, № 9, с. 110). Полагая необходимым избегать всякой двусмысленности в употреблении научных терминов, мы будем впредь применять термин «факт» в этом и только в этом значении.

³⁶ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 288—289; Лукашевич В. З. О понятии доказательства в советском уголовном процессе. — Правоведение, 1963, № 1, с. 118.

³⁷ Подробная и весьма аргументированная критика этих взглядов содержится в книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе» (с. 217—225).

³⁸ См.: Михайловская И., Петрухин И. Некоторые вопросы теории судебных доказательств. — Сов. юстиция, 1964, № 16, с. 5—6; Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе. — Сов. государство и право, 1964, № 9, с. 115; Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 207; Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., Госюриздат, 1959, с. 6—22; Питузова В. А. За-

Фактические данные могут использоваться для установления обстоятельств дела, для решения всех вопросов, возникающих в ходе расследования и судебного разбирательства, только в том случае, если они содержатся в указанных в законе источниках. Источник, который не содержит фактических данных об обстоятельствах преступления, также не может рассматриваться в качестве доказательства. Понятие доказательства непременно включает единство источника и фактических данных³⁹.

В связи с этим возникает вопрос о доказательственном значении установленных по делу фактов, сведения о которых содержатся в процессуальных источниках, если на основании этих фактов (называемых в теории уголовного процесса доказательственными или промежуточными фактами) делаются выводы о наличии или отсутствии события преступления, виновности обвиняемого и других юридически значимых обстоятельств дела.

Они, с нашей точки зрения, безусловно, доказывают существование подлежащих доказыванию обстоятельств, однако отождествлять их с фактическими данными, содержащимися в процессуальных источниках, нельзя.

Существование промежуточных фактов нередко устанавливается из нескольких источников доказательственной информации (например, факт вражды или угрозы может быть установлен показаниями нескольких лиц). В этом случае промежуточный факт имеет совокупный источник⁴⁰, но и от этого совокупного источника следователь и суд абстрагируются, оперируя им при обосновании

ключение эксперта как доказательство в уголовном процессе. М., Госюриздат, 1959, с. 11; Винберг А. И., Кочаров Г. И., Миньковский Г. М. Актуальные вопросы теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. — Соц. законность, 1963, № 3 с. 19—27; Ривлин А. Л. Альперт С. А., Баженов М. И. О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве. — Соц. законность, 1963, № 9, с. 40—41; Тетерии-Б. С. О способах собирания доказательств в уголовном процессе.—Правоведение, 1964, № 2, с. 67—68; Эйсман А. А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств, Автореф. дис. докт. юр. наук. М., 1966, с. 28; Советский уголовный процесс. Под ред. Д. С. Карева. М., Высшая школа, 1968, с. 98—100; Уголовный процесс. Под ред. М. А. Чельцова. М., Юрид. лит., 1969, с. 2.25—226, и др.

³⁹ В своей кандидатской диссертации («Косвенные доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества». Краснодар, 1964) и некоторых ранее опубликованных работах автор считал доказательствами факты объективной действительности. Изложенные выше соображения привели его к выводу об ошибочности этой точки зрения.

⁴⁰ На это обратил внимание В. Я. Колдин (см.: Уровни уголовно-процессуального доказывания.—Сов. государство и право, 1974, № 11, с. 87).

своих выводов. Эти факты, строго говоря, являются аргументами в логическом доказывании⁴¹.

Промежуточные факты, дающие основание для вывода о наличии события преступления, виновности обвиняемого и других подлежащих доказыванию обстоятельств дела, мы будем называть *уликами*⁴². Промежуточные факты, устанавливающие отсутствие события преступления или невиновность обвиняемого — *противоуликами*.

Важнейшим понятием теории доказательств наряду с доказательством является *предмет доказывания* (обстоятельства, подлежащие доказыванию)⁴³. Правильное его определение позволяет установить конкретные задачи, направление и объем расследования и судебного разбирательства дела, сделать их целеустремленными и планомерными, полно и всесторонне вести расследование и разбирательство дела и в то же время затрачивать на это минимум времени и средств. Точное определение предмета доказывания позволяет правильно решить вопрос и о классификации доказательств, в частности о делении их на прямые и косвенные.

В соответствии со ст. 15 Основ, ст. 68 УПК РСФСР по любому уголовному делу подлежат доказыванию только такие обстоятельства, от наличия (которых непосредственно зависит решение вопросов о наличии или отсутствии преступления, его квалификации, виновности или невиновности подсудимого, о мере наказания. Иначе говоря, в предмет доказывания законодатель включает только те обстоятельства, которые имеют материально-правовое значение, уста-

⁴¹ См.: Дорохов В. Я. Указ. соч., с. 117; Кудин Ф. М. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе. Дис. канд. юр. наук. Свердловск, 1966. с. 62; Колдин В. Я. Указ. соч., с. 88.

Представляет интерес позиция Ю. К. Орлова, выделяющего два пути доказывания: информационный и логический, а соответственно и два понятия судебного доказательства — единство сведений о фактах и их источников (информационное доказывание) и факты (промежуточные, доказательственные), служащие в качестве посылок при получении и обосновании выводного знания в логическом доказывании (см.: Орлов Ю. К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства.—Вопросы борьбы с преступностью, вып. 28. М., 1978, с. 96—98).

Он правильно указывает, что промежуточные факты в процессе получения выводного знания используются именно как факты-посылки, а не как сведения о них.

⁴² Именно в этом смысле употребляют понятие улики М. М. Гродзинский (Улики в советском уголовном процессе. Ученые труды ВИНУ, вып. VII. М., 1944, с. 76—79) и М. П. Шаламов (Теория улик. М., Госюриздат, 1960, с. 28), хотя они и пользуются этим понятием как синонимом термина косвенное доказательство.

⁴³ Мы полагаем, что термин «обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу», используемый законодателем, равнозначен «термину предмет доказывания», принятому в теории уголовного процесса.

новление которых позволяет правильно разрешить все правовые вопросы⁴⁴.

Как и любое событие реальной действительности, преступление характеризуется множеством признаков. Эти признаки могут относиться к объекту преступления, к объективной его стороне (способу и обстановке, времени и месту совершения, последствиям и т.д.), к субъективной стороне, к субъекту.

Одни из этих признаков имеют материально-правовое значение, с ними закон связывает признание данного деяния преступным, квалификацию и т. д. Другие признаки не имеют материально-правового значения. Среди них есть такие, выяснение которых вообще не обязательно в конкретном случае. Но есть среди этой группы признаков и такие, установление которых необходимо, так как они служат **средством** выявления обстоятельств, имеющих материально-правовое значение, доказательствами этих обстоятельств. Иначе говоря, они имеют **доказательственное значение**.

Первая группа признаков постоянна для всех дел о преступлениях данного вида. Их совокупность и образует предмет доказывания по делу.

Обстоятельства, имеющие доказательственное значение, включают в себя **индивидуальные** для каждого данного дела факты⁴⁵ (промежуточные, доказательственные), совокупность которых образует **пределы доказывания** по данному делу.

⁴⁴ Эта точка зрения не является общепризнанной в советской процессуальной науке. Некоторые ученые считают необходимым включить в предмет доказывания и доказательства (промежуточные) факты, с помощью которых устанавливаются перечисленные в ст. 15 Основ юридически значимые обстоятельства. Аргументируется это тем, что факты, являющиеся доказательствами, сами должны быть достоверно установлены, доказаны (см.: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., изд-во АН СССР, 1955, с. 280; Он же. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 366—367; Алексеев Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе, с. 463; Трусов А. И. Указ. соч., с. 74; Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., изд-во ЛГУ, 1971, с. 81—82; Ривлин А., Альперт С., Бажанов М. О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве. — Соц. законность, 1963, №9, с. 41; Горский Г. Ф. Кокорев Л. Д., Эльминд П. С. Проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978, с. 80—82; Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 52—55). Последнее не вызывает сомнения и не оспаривается никем из советских процессуалистов. Тем не менее, это не может служить основанием для включения промежуточных фактов в предмет доказывания.

⁴⁵ В литературе высказан взгляд, согласно которому «факт» и «обстоятельство» — разные понятия (см.: Иванов О. В. Объективная истина в советском гражданском процессе. Автореф. дис. канд. юр. наук. М, 1964, с. 8; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания, с. 49—50). Мы употребляем эти термины для обозначения реальных явлений объективной действительности, поскольку не видим оснований для их разграничения в гносеологическом плане.

Как правильно отмечается в литературе, предмет доказывания отражает категорию **общего** для всех уголовных дел⁴⁶, пределы доказывания являются выражением категории единичного для конкретного дела.

Закон включает в предмет доказывания только такие обстоятельства, установление которых представляет **конечную цель** доказывания по уголовному делу. Промежуточные факты являются **средством** достижения этой цели, средством установления события преступления и других элементов предмета доказывания. Если отдельный промежуточный факт окажется недоказанным, то обстоятельство, для выяснения которого он использовался, может быть установлено с помощью других достоверных фактов. Подобная «замена» в отношении обстоятельств, входящих в предмет доказывания, недопустима.

Границы предмета доказывания как критерий для определения задач доказывания должны быть конкретно очерчены. Включение в предмет доказывания промежуточных фактов лишает его необходимой определенности⁴⁷

Некоторые авторы предлагают включить промежуточные факты в предмет доказывания не в качестве обязательного, а в качестве факультативного элемента: в тех случаях, когда доказывание осуществляется с помощью косвенных доказательств, образующие их доказательственные факты сами должны быть доказаны⁴⁸. Изучение следственной и судебной практики показывает, что почти не встречается дел, в которых в той или иной мере не использовались бы косвенные доказательства. Это означает, что промежуточные факты практически стали бы не факультативными, а обязательными элементами предмета доказывания. Но дело не только в этом. Нельзя точно предвидеть, какие именно промежуточные факты могут быть установлены по каждому делу. Столь неопределенное содержание предмета доказывания лишает это понятие практического значения.

В предмет доказывания входят только такие факты, которые содержат в себе признаки расследуемого преступления или имеют правовое значение для решения вопросов о виновности (или неви-

⁴⁶ См.: Банин В. А. Гносеологическая и правовая природа предмета доказывания в советском уголовном процессе. Учебное пособие, вып. 1. Уфа, 1975, с. 36.

⁴⁷ См.: Шаламов М. П. Теория улик, с. 14—16. В. Д. Арсеньев правильно указывает, что смешение обстоятельств, подлежащих доказыванию, с промежуточными фактами на практике иногда приводит к неправильному составлению процессуальных документов, в которых изложение искоемых фактов, инкриминируемых обвиняемому, смешивается с доказательственными фактами, и в результате обвинение теряет четкие границы, а доказательственный материал излагается с пробелами (Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., Юрид. лит., 1964, с. 24).

⁴⁸ Алексеев Н. С. Указ. соч., с. 462.

новности) привлеченного к ответственности лица и применении к нему наказания⁴⁹.

С предметом доказывания в процессуальной литературе нередко связывается понятие так называемого главного факта. Единого взгляда на содержание этого понятия в советской процессуальной науке не существует. Одни авторы считают, что в понятие «главного факта» входят все «обстоятельства, указанные в ст. 68 УПК РСФСР и составляющие, по сути, содержание объективной истины по делу»⁵⁰. В этом значении понятие главного факта равнозначно общепризнанному в теории понятию предмета доказывания, в связи с чем его существование представляется излишним.

Другие авторы под «главным фактом» понимают «установление в действиях лица того или иного состава преступления, т. е. лишь часть предмета доказывания, определяющую индивидуальную уголовную ответственность данного лица»⁵¹.

М. П. Шаламов определяет «главный факт» как «сумму фактических обстоятельств, совокупность которых образует основу, главное содержание состава преступления»⁵².

М. С. Строгович включает в понятие «главного факта» событие преступления, соответствующее признакам состава преступления, предусмотренным статьей Уголовного кодекса; совершение преступления обвиняемым, его виновность; смягчающие, отягчающие и характеризующие личность обвиняемого обстоятельства. Последствия преступления и обстоятельства, способствовавшие его совершению, он оставляет за пределами «главного факта»⁵³.

Некоторые авторы под «главным фактом» понимают виновность лица в совершении преступления или факт совершения преступления данным лицом⁵⁴.

Против применения этого понятия говорит прежде всего то, что понятие это лишено реального содержания, ибо, как правильно заметил С. А. Голунский, «такой вещи, как «главный доказуемый

⁴⁹ См.: Эйсман А. А. Структура и язык описания предмета доказывания. — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 19. М., 1973, с. 93—94; Банин В. А. Указ. соч., с. 14, 53.

⁵⁰ Ривлин А., Альперт С., Бажанов М. Указ. соч., с. 40, См. также: Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств, с. 20. В. Д. Ареньев включает в «главный факт» все фактические обстоятельства, предусмотренные ст. 15 Основ (Вопросы общей теории судебных доказательств, с. 21).

⁵¹ Алексеев Н. С. Указ. соч., с. 455, 453.

⁵² Шаламов М. П. Теория улик, с. 14.

⁵³ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 363—369.

⁵⁴ См.: Рахунов Р. Прямые и косвенные доказательства. — Соц. законность, 1959, № 7, с. 19; Он же. О понятии доказательства и главном факте доказывания. — Сов. государство и право, 1965, № 12, с. 101; Михайловская И- Петрухин И. Некоторые вопросы теории судебных доказательств. — Сов. юстиция, 1964, № 15, с. 8.

факт», в природе не существует»⁵⁵. Этим понятием обычно охватывается сложный комплекс реальных фактов, каждый из которых для расследования и разбирательства дела является столь же «главным», как и образуемая ими совокупность.

Выделение из подлежащих доказыванию фактических обстоятельств «главного факта» означает отнесение всех остальных фактов к числу второстепенных. Но это, как справедливо отметил М. М. Гродзинский, противоречит самой сущности доказывания в советском уголовном процессе⁵⁶.

Применение понятия «главный факт» приводит подчас к искажению сущности доказательств в советском уголовном процессе. Опираясь этим понятием, И. Б. Михайловская утверждает, что «существуют и такие доказательства, которые не находятся в какой-либо объективной связи с главным фактом»⁵⁷, что дает повод думать о возможности существования обвинительных доказательств, не имеющих объективной связи с обстоятельствами расследуемого преступления.

Следует согласиться с С. В. Курьевым, считавшим «по меньшей мере ненужной» конструкцию «главного факта» и полагавшим необходимым устранить ее, помимо прочего, еще и потому, что «она служит основой для неправильного мнения об основаниях деления доказательств на прямые и косвенные, основой для бесплодных споров об объеме обстоятельств, охватываемых понятием «главного факта»⁵⁸.

В литературе отмечается, что употребление понятия «главный факт» имело смысл в условиях, когда законодательство не содержало нормы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. При наличии же такой нормы это понятие превратилось «в бессодержательный термин, фикцию, ничего не дающую ни теории уголовного процесса, ни практике»⁵⁹. Многие советские ученые высказали обобщенное мнение, что с принятием нового уголовно-процессуального законодательства, четко определившего предмет доказывания, даль-

⁵⁵ Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР, с. 154.

⁵⁶ См.: Гродзинский М. М. Некоторые проблемы теории косвенных доказательств. — Вопросы криминалистики, вып. П. М., Юрид. лит., 1964, с. 7; см. также: Винберг А., Кочаров Г., Миньковский Г, Указ. соч., с. 21.

⁵⁷ Михайловская И. Б. Относимость доказательств в советском уголовном процессе. — Сов. государство и право, 1958, № 12, с. 121.

⁵⁸ Курьев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969, с. 52.

⁵⁹ Бания В. А. Указ, соч., с. 20.

нейшее применение в теории понятия «главный факт» нельзя признать оправданным⁶⁰.

См.: Танасевич В. Г. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу. — В сб.: *Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования*, М., 1962, с. 38; Винберг А., Кочаров Г., Миньковский Г. Актуальные вопросы теории судебных доказательств в уголовном процессе. — *Соц. законность*, 1963, № 3, с. 21; Гродзинский М. М. Указ. соч., с. 7—8; Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 183— 185, и др.

А. А. ХМЫРОВ
Основы теории доказывания
Краснодар, 1981, с. 85-101

Проблема достаточности доказательств

В доказывании чрезвычайно большое значение имеет вопрос: когда наступает тот момент, при котором количество переходит в качество — вероятные знания в достоверные, и каким должно быть количество гармонизирующих доказательств, оно могло считаться достаточным для достоверного вывода ?

В криминалистической литературе предприняты попытки чисто количественного, математического решения, этого вопроса с использованием отдельных положений общей теории связи. В этой теории описывается характерный для каналов электрической связи «квадратичный эффект», суть которого состоит в том, что при взаимодействии когерентных (т. е. совпадающих по фазе) сигналов мощность суммарного сигнала становится больше суммы мощностей отдельных сигналов на величину, называемую взаимной мощностью когерентных сигналов.

Отправляясь от этого положения, О. Г. Гвахария делает следующий вывод: «Как представляется, квадратичный эффект усиления сигналов существует не только в каналах электрической связи, но и в гносеологическом канале связи следствия с событием преступления». Проводя далее аналогию доказывания с языковым общением людей и исходя из того, что средняя избыточность языков мира составляет 75 %, а средняя величина удлинения информационных сообщений равна четырем, автор приходит к выводу: «Если принять, что один многозначный акт доказывания, взятый сам по себе, обладает нулевой избыточностью, то для достижения 75 % избыточности нужно иметь четыре многозначных акта доказывания. Эта последовательность доказательств будет обладать достаточной надежностью, гарантирующей от ошибок». И затем следует уже категорическое заключение: «Наличие четырех «ненадежных» доказательств образует надежный доказательственный комплекс, который и можно принять за доказательство главного или промежуточного факта». Автор оговаривается, правда, что он не предлагает «установить жесткие «автоматически действующие» критерии оценки доказательств, отдавая дань теории формальных доказательств», но добавляет, что «следование принципам свободной оценки доказа-

тельств не означает, что критерии оценки вообще не должны существовать и учитываться».

Наличие такой оговорки, однако, не меняет существа дела, и выводы О. Г. Гвахария, а также путь, которым он пришел к этим выводам, представляются неприемлемыми, прежде всего, потому, что отождествление познания в доказывании с электрическими каналами связи и языковым общением кажется, по меньшей мере, рискованным. Кроме того, при определении количества доказательств, необходимых для установления каждого промежуточного факта, а тем более всего предмета доказывания в конкретном уголовном деле вообще, как нам кажется, нельзя прибегать к средним величинам.. Поэтому никакие жесткие критерии (хотя и предназначенные, по мысли автора, для «гибкого» применения) здесь неприемлемы. Нельзя забывать, что ценность различных доказательств (а значит, и степень их «ненадежности») далеко не равнозначна. В практике отнюдь не редко встречаются случаи, когда и одно, даже косвенное, доказательство вследствие своей неповторимости и наглядности бывает настолько убедительным, что заставляет и упорно запиравшегося обвиняемого поверить в раскрытие следователем истины. С другой стороны, даже обширная совокупность косвенных доказательств бывает иногда настолько «слабой», что не дает оснований для достоверного вывода даже об отдельном промежуточном факте.

Сейчас, когда наука еще не располагает надежными способами определения количества информации, заключенного в каждом доказательстве, и точного количественного выражения степени его надежности и вероятности, количественные критерии, подобные предложенному О. Г. Гвахария, в доказывании неприменимы.

Современная криминалистика усиленно изучает возможности использования в доказывании методов теории вероятностей и математической статистики. Применению математических методов в доказывании посвящаются уже не только отдельные статьи по частным вопросам, но и монографические исследования. В настоящее время вероятностно-статистический метод, связанный с использованием математического аппарата теории вероятностей, начинает играть все большую роль в производстве идентификационных экспертиз, открывая возможности для объективной оценки значимости идентификационных признаков тех или иных объектов. Возможности применения этого метода в доказывании вообще и в оценке доказательств в частности изучены пока еще недостаточно и находятся на уровне гипотезы, хотя, как заметил А. А. Эйсмэн, «убеждение в невозможности случайного совпадения множества признаков, характеризующих индивидуальный предмет, и убеждение в невозможности случайного совпадения множества косвенных

доказательств, устанавливающих общий тезис, родственны по своей логической природе и основываются на количестве и качестве совпадающих признаков (улик)».

Тем не менее, применение вероятностно-статистических методов для оценки достоверности выводов из системы косвенных доказательств, аналогичное их применению в идентификационных исследованиях, не представляется делом даже относительно близкой перспективы. Более того, есть основания сомневаться в возможности широкого использования для указанной цели этих методов в принципе.

В каждом случае оценки системы доказательств следователь и суд имеют дело не с массой однородных явлений, случайных по своему значению (а это и есть предмет теории вероятностей), а с уникальным, единственным в своей неповторимости событием, конкретные признаки которого, отразившиеся в доказательствах, образуют также индивидуальный, в принципе неповторимый комплекс. В этом комплексе могут фигурировать не только типичные для данного вида преступлений доказательства, частота встречаемости которых может получить количественную оценку вероятностно-статистическими методами, но и доказательства атипичные, сугубо индивидуальные по своему характеру, ценность их нельзя даже и предвидеть, а тем более определить количественно. Можно говорить о том, какой удельный вес могут иметь эти доказательства в системе, но их наличие всегда будет вносить в конечные выводы некоторый элемент неопределенности.

Таким образом, предположения о возможности количественной оценки достоверности выводов из системы доказательств представляются, по крайней мере, в настоящее время, чрезмерно оптимистичными. Тем не менее, критерий для такой оценки в распоряжении следователя и суда имеется, им является практика, понимаемая и как ате конкретные процессуальные действия, которые составляют содержание самого доказывания, и как личная практика следователя и судей, и как общественная практика, преломляющаяся в доказывании через закон и социалистическое правосознание, а также опытные положения, выработанные в различных отраслях науки и техники.

Мы не разделяем взгляда ученых, полагающих, что «критерием истинности выводов суда относительно установленного им имевшего место в прошлом деяния является практика в виде всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств единичного случая». Критерий истинности выводов из системы доказательств по делу нельзя искать только в рамках самой системы уже хотя бы потому, что на основании этого критерия должен быть сде-

лан вывод о достаточности доказательств как внутри каждой частной системы, так и в общей системе доказательств по делу.

При оценке достаточности доказательств особое значение приобретает учет **условий места и времени** события преступления. Без этого правильно оценить достаточность доказательств для вывода о наличии промежуточного факта трудно, а иногда и невозможно. Так, показания свидетеля о том, что на месте кражи в момент ее совершения он видел «Москвич» вишневого цвета, конечно, вызывают подозрения против владельца этого автомобиля, однако основанием для подозрения служит лишь крайне незначительная степень вероятности: «Москвичей» такого цвета вообще очень много, их может быть несколько даже в данном населенном пункте. Результаты осмотра и заключение эксперта о наличии дефекта протектора правого заднего колеса исследуемого автомобиля и совпадении дефекта по локализации и размерам с отраженным в следах на месте происшествия сами по себе тоже лишь с вероятностью подтверждают факт использования данного автомобиля при краже, но в связи с первым доказательством степень этой вероятности значительно повышается. Обнаружение на сиденьях данного автомобиля микрочастиц волокон тканей, сходных, по заключению эксперта, с волокнами тканей, похищенных во время расследуемой кражи, если его рассматривать изолированно, также представляет лишь вероятность: не исключено, что где-то и в другое время автомобиль использовался для перевозки аналогичных тканей вне связи с преступлением. Взятые же вместе, в связи друг с другом, эти доказательства образуют частную систему, с достоверностью, устанавливающую факт использования данного автомобиля при совершении кражи. Почему этой совокупности достаточно для установления данного факта? Потому, что совпадение всех, перечисленных признаков у одного только автомобиля, который **в данное время** находился **в данном месте**, уже нельзя объяснить случайностью.

Однако весь этот комплекс доказательств образует лишь одну частную систему, и формирование ее является лишь первым этапом доказывания. Накопление количества и силы доказательств идет и на втором этапе. Аналогичным образом фигурирующие здесь промежуточные факты, хотя они и установлены достоверно, взятые сами по себе, означают лишь вероятность их связи с предметом доказывания: то, что автомобиль в приведенном примере использовался при краже, вовсе не доказывает, что его владелец совершил кражу или принимал в ней участие. Но, когда к этому промежуточному факту добавляется следующий: у подозреваемого оказались ткани, сходные с похищенными, что было установлено другой частной системой доказательств, степень вероятности предположения возраста-

ет. Если в общей системе к указанным двум фактам присоединится третий (факт пребывания подозреваемого в помещении, откуда произведена кража), четвертый (неожиданное появление у него крупной суммы денег) и так далее, то возможность случайного образования этого комплекса промежуточных фактов очень быстро сведется к нулю. Связь фактов между собой, усиливая значение каждого из них, вместе с тем укрепляет надежность и тех частных систем, которыми они установлены. Благодаря наличию объективной связи между всеми промежуточными фактами и всех их — с предметом доказывания, система приобретает свойство однозначности, доказательств становится достаточно для достоверных выводов о наличии предмета доказывания.

Определение достаточности доказательств представляет установление пределов доказывания. Под этими пределами в уголовном процессе обычно понимаются такие границы исследования обстоятельств дела, которые обеспечивают полное и достоверное установление всех обстоятельств, могущих иметь значение для дела. Практически, как замечает А. М. Ларин, определение пределов доказывания — это главным образом определение круга доказательственных фактов. Однако, поскольку за каждым фактом стоит частная система косвенных доказательств с их источниками, они также должны охватываться понятием пределов доказывания. Таким образом, если предмет доказывания определяет конечную цель этого процесса, то пределами доказывания определяются средства и границы этой деятельности.

В связи со сказанным достаточность доказательств, как нам представляется, определяется следующими требованиями: 1) каждая из частных систем должна содержать доказательства, с достоверностью устанавливающие промежуточный факт; 2) промежуточных фактов должно быть достаточно для надежного установления каждого из элементов предмета доказывания, а тем самым и всей их совокупности; 3) все частные системы и устанавливаемые ими промежуточные факты должны образовать общую систему, отвечающую описанному в предыдущем разделе требованиям.

С проблемой пределов доказывания и достаточности доказательств связан важный вопрос, поднятый в криминалистической литературе, посвященной косвенным доказательствам. М. П. Шаламов, рассматривая особенности доказывания при помощи улик, когда отсутствуют прямые доказательства, указывает: «Истина может считаться установленной и в том случае, если некоторые детали картины события преступления выяснены неполностью». Г. Н. Мудьюгин, основываясь на данных изучения им уголовных дел об «убийствах без трупа», пишет: «Хотя следствию зачастую и не удавалось уста-

новить такие элементы предмета доказывания, как определенное место, точное время и конкретный способ совершения преступления, все же в своей совокупности собранные косвенные доказательства не вызвали у суда сомнения в том, что потерпевший убит и убит именно обвиняемым». Здесь речь идет уже не о «некоторых деталях», а об отдельных элементах предмета доказывания.

Действительно, в практике встречаются случаи, когда событие преступления и все существенные его обстоятельства установлены с достоверностью, однако некоторые факты, несмотря на все усилия следователя и суда, установить не удалось. Особенно часто это встречается в делах о хищениях, совершенных должностными лицами, когда, например, при доказанности всех фактов хищений и суммы причиненного ущерба не удается (даже признаниями обвиняемых) точно установить, в каких пропорциях несколько соучастников разделили между собой похищенное. Иногда не удается установить, куда и как сбывались похищенные ценности.

Такую неполноту судебная практика не считает существенной. В этом отношении представляет интерес определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 18 апреля 1973 г. по делу В., А. и К. Отменяя определение суда первой инстанции о возвращении этого дела на дополнительное расследование из-за неполноты выяснения его обстоятельств, Судебная коллегия указала; «Не может быть признано достаточным основанием для направления дела на дополнительное расследование и неустановление следственными органами лиц, которым В. сбывал похищенные детали,.. Следует иметь в виду, что само по себе неустановление лиц, приобретающих похищенное, не имеет значения для юридической оценки действий виновных при доказанности самого факта совершения хищений.

Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание следующее: неустановление факта не признано существенным потому, что факт этот не имеет материально-правового значения и, следовательно, не является составной частью предмета доказывания. Такие «пробелы» в доказывании могут иметь место. Это, действительно, лишь детали события преступления.

Что же касается отдельных элементов предмета доказывания, подобных тем, о которых пишет Г. Н. Мудьюгин, то при решении вопроса о том, допустимы ли какие-то «пробелы» в доказывании этих обстоятельств и, если да, то в какой мере, необходимо учитывать следующее.

Все обстоятельства, в возможности установления которых уликами высказываются сомнения, могут относиться только к объективной стороне преступления. Его объект, субъект и субъективная

сторона должны быть установлены исчерпывающим образом. В установлении отдельных обстоятельств объективной стороны преступления косвенными доказательствами, действительно, встречаются серьезные трудности и гносеологического, и, главным образом, практического порядка. Картину преступления во всех ее мельчайших подробностях столь же яркой цельно, как это может сделать очевидец преступления, одними только косвенными доказательствами восстановить обычно не удастся. Но сточки зрения задач уголовного судопроизводства этого и не требуется: пределы доказывания ограничиваются необходимостью установить только те фактические обстоятельства, которые входят в предмет доказывания, и только с такой полнотой и глубиной, какая необходима для исчерпывающего определения юридического значения этих обстоятельств. С этих позиций, для решения всех правовых вопросов по делу об убийстве, например, не будет иметь значения, сидели или стояли потерпевший и убийца, оказывал ли потерпевший какое-то сопротивление убийце и т. п. Поэтому, если доказаны факт убийства, способ его совершения, виновность обвиняемого, мотивы преступления и другие, имеющие материально-правовое значение обстоятельства, указанными деталями вообще можно пренебречь — все вопросы дела могут быть правильно разрешены и без их выяснения.

Однако эти обстоятельства могут иметь процессуальное значение, т. е. служить уликами юридически значимых фактов, входящих в предмет доказывания. Так, следы борьбы, оставшиеся на подозреваемом или оставленные им в результате этой борьбы на месте преступления (например, зажатый в руке убитого клочок волос или пуговица от одежды убийцы и т. п.), могут быть косвенными доказательствами причастности обвиняемого к преступлению или способа его совершения. В этом плане установление указанных обстоятельств полезно и важно, но не безусловно необходимо, если причастность обвиняемого к преступлению и способ его совершения достоверно установлены другими доказательствами. Поэтому установление подобных обстоятельств не может считаться органическим пороком доказывания. Следует также иметь в виду, что закон не определяет степень точности, с какой должны быть установлены отдельные обстоятельства объективной стороны, в частности такие, как время и место совершения преступления. Это зависит от характера преступления, конкретных условий его совершения, а также уголовно-правового, процессуального и криминалистического значения этих обстоятельств в том или ином деле. Например, при расследовании преступления, совершенного обвиняемым в день своего совершеннолетия, время преступления приходится зачастую уста-

навливать с точностью до часов и даже минут. В других случаях подобная точность не требуется, и время совершения преступления может определяться более или менее продолжительным периодом (например, в большинстве дел о должностных, хозяйственных и подобных преступлениях). Еще меньшая точность требуется в определении места совершения преступления, если учитывать только его материально-правовое значение.

Однако указанные факторы имеют также процессуальное и криминалистическое значение. Нередко от точного установления времени и места преступления зависит решение вопроса о причастности того или иного лица к его совершению. В таких случаях значение хронологических и пространственных связей в доказывании обуславливает необходимость установления времени и места совершения преступления с максимальной точностью.. Изложенными соображениями и определяется возможность «пробелов» в доказывании: такие «пробелы» допустимы только тогда, когда они относятся к обстоятельствам, не имеющим непосредственного материально-правового значения и потому не входящим в предмет доказывания. Речь, действительно, может идти о «некоторых деталях картины события преступления», как об этом пишет М. П. Шаламов, а не о существенных его обстоятельствах. Что же касается последних, то они всегда должны быть установлены исчерпывающим образом, тем более что никаких принципиальных гносеологических препятствий к этому нет.

Структура перехода от вероятности к достоверности. Роль версий в доказывании

Переход от вероятности к достоверности в доказывании, осуществляемый путем постепенного накопления доказательств, представляет собой достаточно сложный процесс. Он имеет определенную структуру, включает в себя несколько этапов:

- построение исчерпывающего круга версий по делу в целом и по каждому невыясненному обстоятельству;
- выведение логических следствий из каждой версии, определение возможных доказательств;
- проверку версий;
- логические выводы по результатам проверки каждой версии;
- подтверждение одной из версий и отпадение не подтвердившихся версий.

Центральное место в структуре этого перехода занимает, таким образом, следственная версия. Являясь по своей логической

природе разнообразностью частной гипотезы, она отражает предварительную оценку, объяснение ограниченного числа фактов, сведениями о которых вначале располагает следователь. Кроме того, версия указывает, какие еще неизвестные факты должны быть установлены для всестороннего выяснения признаков расследуемого события, направляя тем самым процесс доказывания от известных фактов к неизвестным, от явлений — к сущности.

Наличие обширной криминалистической литературы, посвященной следственным версиям, позволяет лишь коротко остановиться на характеристике названных этапов перехода от вероятности к достоверности в доказывании.

Начальный этап представляет построение следственных версий. Они выдвигаются относительно всего расследуемого события в целом (направленные на установление наличия этого события и его характера) и каждого из элементов предмета доказывания, а также относительно каждого из промежуточных фактов, на основе которых эти элементы устанавливаются. Таким образом, по делу должна строиться система следственных версий, по структуре своей аналогичная системе доказательств по делу. Отличие здесь заключается в наличии конкурирующих систем версий и обусловлено тем общепризнанным положением, согласно которому по делу должны выдвигаться и проверяться все объективно возможные в данной конкретной ситуации версии.

При конструировании версий следователю и судье необходимо знание конкретных форм связи доказательств с предметом доказывания. Обычно говорят, что версия должна основываться на фактических данных. Это следует понимать в том смысле, что в основу версии кладутся не только сведения о фактах, но и предположения о возможной связи этих фактов с расследуемым событием, причем доминирующая роль принадлежит как раз связям. Поэтому, сталкиваясь с каждым новым фактом, следователь, прежде всего, ставит перед собой вопрос, не связан ли он с событием преступления или с другим обстоятельством, связь которого с преступлением уже установлена. В каждом случае, отвечая на этот вопрос, следователь имеет в виду конкретные формы связи и те выводы, которые можно сделать из ее наличия. Так, собственно, и возникает следственная версия.

При выведении логических следствий из версии также необходимо иметь в виду все формы связей доказательств, а не только причинно-следственные отношения. При этом следует учитывать возможность не только необходимой, но и случайной связи предполагаемых следствий с событием преступления и с остальными, уже известными следствиями. Ограничение круга выводимых следствий

только теми, которые связаны с преступлением необходимой причинной связью, приводит к тому, что многие доказательства могут не быть обнаружены. Количество выведенных из каждой версии следствий и их разнообразие являются фактором, предопределяющим надежность выводов о подтверждении версии.

Не менее важно определить характер предполагаемых отражений каждого из следствий, которые должны существовать в случае истинности построенной версии. От этого прямо зависит выбор средств и способов собирания доказательств. Здесь также не обойтись без анализа всех конкретных форм связи доказательств с предполагаемыми следствиями.

Выводы об истинности или ложности каждой из проверяемых версий делаются на основании доказательств, с одной стороны, подтверждающих данную версию, с другой — опровергающих все остальные, не согласующиеся с ней. В связи с этим необходимо остановиться на характеристике содержания и значения, а также соотношения **подтверждения** и **опровержения** в доказывании.

Прежде всего, следует указать на то, что ведущая роль принадлежит «положительному» доказыванию — установлению обстоятельств предмета доказывания связанными с ним доказательствами. Метод исключения версий не может быть основным, а тем более единственным способом доказывания. Опровержение всех выдвинутых по делу версий, кроме одной, далеко не всегда означает истинность этой последней. Это может иметь место лишь в том случае, когда по делу выдвинуты и проверены все объективно возможные версии, без какого бы то ни было исключения. Однако в силу необозримого многообразия конкретных условий, в которых подготавливаются и совершаются преступления, неповторимости комплекса обстоятельств каждого дела и многозначности связей доказательств такой уверенности у следователя и судей обычно быть не может.

Недостаточность метода опровержения версий даже в тех случаях, когда по делу выдвинуты все объективно возможные версии, подчеркивается тем важным соображением, которое правильно указал А. А. Старченко: оставшаяся после опровержения всех других версия предстает в чрезвычайно общем виде, «не раскрывает и не показывает множества частных и деталей, без которых нельзя установить конкретный состав преступления, участие в нем определенных лиц, степень их виновности и ответственности за содеянное и т. д.». Необходимая конкретизация версии, выяснение всех «частностей и деталей» могут быть достигнуты только в ходе «положительного» доказывания, подтверждения всех выведенных из данной версии следствий.

Против подобного использования метода опровержения версий говорит и очень важное соображение. Некоторые практические работники сущность этого метода, в свое время односторонне освещавшегося в литературе, посвященной косвенным доказательствам, видят в рекомендации проверить и опровергнуть все объяснения отрицающего свою вину обвиняемого и считать его виновным как только эта цель будет достигнута. Такое применение метода исключения версий означает, по существу, запрещенное законом переложение на обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность.

Значение метода опровержения версий велико и может оказаться решающим при проверке общих версий, объясняющих характер события в целом. Число этих версий бывает строго ограниченным и, что особенно важно, исчерпывающим. Исключив из этого числа все версии, кроме одной, следователь и суд тем самым утверждают истинность оставшейся. Так, при осмотре труда и места его обнаружения у следователя возникает обычно четыре общие версии, полностью исчерпывающих возможные варианты объяснений сущности события: убийство, самоубийство, несчастный случай, естественная смерть. Опровергнув три последние версии, следователь тем самым, бесспорно устанавливает истинность первой и, исходя из этого, определяет дальнейшее направление расследования.

При этом факты, опровергающие одну из версий, служат **одновременно** «положительными» доказательствами наличия обстоятельств, охватываемых противоположной версией. В этом качестве обычно выступают факты, получившие в криминалистической литературе название отрицательных, или **негативных**, обстоятельств.

Первоначально это понятие связывалось только с осмотром места происшествия и трактовалось как отсутствие каких-то следов, которые, судя по обстановке, должны были быть. Так, А. Р. Ратинов определяет негативные обстоятельства как "обстоятельства, которые должны быть при предполагаемом ходе событий, но которых не оказалось в действительности". Аналогичное значение придают этому понятию и другие ученые-криминалисты. Однако позднее в работах ряда ученых это понятие подверглось существенной трансформации: им стали обозначать также и наличие следов, которых при предполагаемом ходе событий не должно бы быть (например, следов предварительной подготовки взлома внутри помещения и т. п.). Понятие это стали связывать не только с осмотром места происшествия, и негативными обстоятельствами стали называть всякие факты, противоречащие определенному объяснению событий. Некоторые авторы настолько широко трактуют их, что включают в число негативных обстоятельств и все улики поведения. Понятие, таким образом, в значительной мере утратило свой первоначальный смысл, в

связи с чем, очевидно, в литературе и высказываются сомнения в целесообразности использования этого понятия вообще.

Действительно, «негативность» обстоятельств всегда связана с определенной версией, объясняющей расследуемое событие или отдельные его элементы: они опровергают ее и в то же время подтверждают другую, по отношению к которой являются «положительными». Такое диалектическое единство противоположных значений присуще каждому факту, подтверждающему или опровергающему одну из версий по делу. Оно непременно должно учитываться и теорией, и практикой доказывания. Поэтому употребление понятия «негативное обстоятельство» в столь широком его значении не может принести пользы ни теории, ни практике, и правильное всего, пожалуй, будет вернуть этому понятию его изначальный смысл, с небольшим, однако, уточнением. Мы полагаем, что негативными следует называть обстоятельства, относящиеся к материальной обстановке места происшествия, и считать ими как отсутствие, так и наличие следов или предметов, противоречащее обстановке этого места. С этой точки зрения негативными обстоятельствами следует считать и отсутствие какой-либо подставки возле ног висящего высоко в петле трупа, и наличие множественных переломов ребер и других серьезных повреждений на трупе. И тот, и другой факты опровергают версию о самоповешении и заставляют выдвигать версию об убийстве. В этом и состоит основное значение негативных обстоятельств: опровергая версию, вытекающую из обстановки места происшествия, они заставляют выдвинуть и проверить другую версию, иначе объясняющую событие.

Рассматриваемое таким образом понятие «негативные обстоятельства», как нам представляется, имеет право на существование и будет, несомненно, полезным для практики. Знания о негативных обстоятельствах помогут следователю всесторонне и полно провести осмотр места происшествия и своевременно выдвинуть обоснованные версии по делу. Выявление этих обстоятельств дает возможность разоблачать инсценировки.

Конкретизация общей версии, оставшейся после опровержения остальных, осуществляется путем построения версий по элементам предмета доказывания. Круг этих версий обычно бывает шире, а главное — как раз здесь у следователя и суда зачастую не может быть полной уверенности в том, что ими выдвинуты все версии, абсолютно исчерпывающие возможные варианты объяснения события. При расследовании неочевидных преступлений, когда необходимо доказать наличие и способ их совершения (например, в делах о хищениях, совершаемых должностными лицами), это относится к версиям по объективной стороне преступления, способу его

совершения; при расследовании очевидных преступлений (например, обнаружение трупа с признаками насильственной смерти) это касается версий, относящихся к субъекту преступления.

Опровержение таких версий тоже имеет доказательственное значение, однако уже иное, чем при проверке общих версий. Здесь опровержение всех выдвинутых версий, кроме одной, как правило, еще не означает истинности оставшейся. Если, например, в ходе проверки пяти версий о причастности к убийству конкретных лиц опровергнуты четыре, это еще не означает, что убийство совершил пятый — это должно быть положительно установлено доказательствами, подтверждающими факт совершения убийства данным лицом и его виновность.

Завершение перехода от вероятности к достоверности в доказывании связано с логическими выводами, сделанными по результатам проверки версий, и оценкой всей совокупности доказательств. Необходимым условием достижения достоверности является наличие отвечающей описанным выше требованиям системы доказательств, с несомненностью подтверждающей только одну систему версий из числа построенных по делу и одновременно опровергающей все другие системы версий, любое другое объяснение событий преступления.

С моментом и условиями достижения такой достоверности связаны некоторые разногласия среди ученых, исследовавших этот вопрос. М. С. Строгович полагает, что «версия может считаться подтвержденной, а достоверность — достигнутой лишь тогда, когда по делу выдвинуты и проверены все, без исключения версии и все, кроме одной, опровергнуты доказательствами, а эта одна представляет единственно возможный вывод из всех обстоятельств дела». При этом он возражает А. Р. Ратинову, который считает, что «вовсе не обязательно специально исследовать и доказывать ошибочность всех возможных предположений. Тот же результат достигается путем достоверного подтверждения правильной интерпретации события, исключающей все иные объяснения». Аналогичный взгляд высказывают А. А. Старченко и А. Н. Васильев.

Мы полагаем, что при решении данного вопроса следует, прежде всего, исходить из того, что проверка всех выдвинутых по делу версий осуществляется всем комплексом доказательств, собранных в ходе проверки каждой из них. Как было сказано выше, практически каждое из доказательств, подтверждая одну версию, одновременно опровергает другие, несовместимые с ней, и наоборот. Вследствие этого весь комплекс доказательств, собранных по делу, если они правильно систематизированы, подтверждает одну систему версий и одновременно опровергает другие. Оба условия достоверности, по

поводу которых и возникла указанная выше дискуссия, в подавляющем большинстве случаев достигаются одновременно: подтверждая одну систему версий, мы тем же комплексом доказательств опровергаем другие.

Однако такое положение складывается, если только все выдвинутые и проверенные версии являются взаимоисключающими, несовместимыми. В практике же встречаются случаи, когда следователю и суду приходится проверять совместимые системы версий. Например, иногда кража совершается из магазина, работники которого уже до этого совершили присвоение или растрату ценностей.

Следователю, возбудившему дело о такой краже, приходится расследовать дело о двух преступлениях, не исключаящих друг друга, и проверять две системы совместимых версий. В подобных ситуациях подтверждение одной из них не означает опровержения тем самым другой. Обе системы версий должны проверяться самостоятельно от начала и до конца, независимо от подтверждения одной из них.

По этим соображениям в названной дискуссии мы принимаем точку зрения М. С. Строговича: проверка следственных версий не может считаться завершенной, а достоверность достигнутой до тех пор, пока не опровергнуты все реально возможные в данной конкретной ситуации версии, несовместимые с одной, полностью подтвердившейся доказательствами.

В криминалистической литературе обычно подчеркивается, что по делу должны выдвигаться и проверяться лишь реально возможные в данной ситуации, а не все теоретически мыслимые версии. Применительно к косвенному доказыванию это правило, как нам представляется, следовало бы формулировать с меньшей категоричностью, чтобы исключить какую бы то ни было возможность искусственного сужения круга проверяемых версий.

Судебная практика знает случаи настолько исключительного стечения обстоятельств, что пренебрежение проверкой всех, даже маловероятных, версий создает реальную угрозу тяжких судебных ошибок. Во всяком случае, независимо от подтверждения одной из версий, должны быть до конца проверены объяснения обвиняемого, противоречащие этой версии. Судебная практика очень последовательно стоит на данной позиции, и это следует признать безусловно оправданным.

Л. М. Карнеева, И. Кертэс
ИСТОЧНИКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
по советскому и венгерскому законодательству
Москва, "Юрид. лит-ра", 1985, с. 23-35

**ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ИСТОЧНИКОВ В
ВЕНГЕРСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Понятие «средство доказывания» в ВНР используется законодателем и в теории доказательств имеет самостоятельное значение, отличное от понятия «доказательство». В абз. 1 § 61 УПК ВНР указывается, что средствами доказывания являются, в частности, показания свидетеля, заключение эксперта, вещественное доказательство, документ, осмотр, доказательственный эксперимент, предъявление для опознания и показания обвиняемого.

Выражением «в частности» законодатель подчеркивает примерный перечень видов средств доказывания. В этом позиция УПК ВНР существенно отличается от советского уголовно-процессуального законодательства (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства), что оказывает влияние и на возникновение иных особенностей доказывания.

Согласно абз. 3 § 5 УПК ВНР, в уголовном процессе могут быть использованы все те средства доказывания и доказательства, которые пригодны для установления фактического состава. Официальные органы оценивают их как каждое в отдельности, так и в их совокупности по внутреннему убеждению.

В венгерской правовой литературе не раз высказывалось мнение о том, что законодатель, отказавшись от исчерпывающего перечня средств доказывания, слишком широко трактует принцип свободной оценки доказательств. Но законодатель не счел необходимым изменить свою позицию.

Отмечалось также, что, поскольку возможные источники судебного познания известны из опыта, их число не может быть произвольно расширено. Правильность такого утверждения подтверждается практикой.

Когда появилась возможность консервировать остатки запаха и впоследствии идентифицировать их с запахами подозреваемых или подучетных, возникли споры о доказательственном их значении и спосо-

бе оформления выборки, но никто не предлагал закрепить в законе новое средство доказывания. К делу просто начали приобщать в качестве документа протокол о применении в присутствии политых служебно-розыскных собак; некоторые суды в дополнение к этому допрашивают в качестве свидетелей собаководов (кинологов), понятых или вызывают эксперта-кинолога для дачи заключения. Документ, показание, заключение эксперта - это уже закрепленные в законе средства доказывания, новым оказалось только их содержание, которое оценивалось по существу в совокупности с имеющимися по делу другими сведениями. Доказательственное значение подобных средств доказывания, взятых изолированно, по-видимому, невелико, но все-таки они играют определенную роль в формировании судьейского убеждения.

Примерно так же можно, по нашему мнению, решать вопрос о доказательственном значении сведений учета по способу совершения преступлений (модус операнда). То, что подозреваемый в прошлом уже совершил ряд преступлений таким же методом, каким совершено расследуемое преступление, еще не доказывает его причастность к делу, но не принимать данный факт во внимание тоже нельзя (кстати, не только указанный, но и любой другой факт, взятый отдельно, недостаточен для осуждения обвиняемого). Этот вопрос приобретает особое значение в связи с развитием техники, применяемой для фиксации следов на месте происшествия, и с появлением возможностей их машинной обработки. Доказательственное значение способа совершения преступления зависит от количества совпадающих признаков, частоты его повторения, отражения в нем индивидуальных навыков лица, совершившего деяние.

Конечно, сведения, полученные из подобных источников (средств доказывания), имеют важное значение для раскрытия преступлений, и «проблематичность» этих сведений не дает оснований исключить их из «окончательной оценки доказательств». Само собой разумеется, что доказательства, содержащие такие сведения, не могут быть прямыми, они должны оцениваться как косвенные.

Примерный перечень средств доказывания, данный в §61 УПК ВНР, вызывает и некоторые другие замечания. В отношении документов как средств доказывания отмечалось, что было бы правильнее обозначать их как письменные средства доказывания в отличие от вещественных. Они различаются в зависимости от того, что в конкретном случае имеет значение для дела: их материя, внешние признаки или содержание текста.

Еще больше сомнений вызывает правильность отнесения к средствам доказывания осмотра, доказательственного эксперимента и предъявления для опознания. По своей природе они относятся к следственным и судебным действиям; и только их результат, т. е. показания и протоколы, является средством доказывания.

Таким образом, в законе ВНР к средствам доказывания отнесены разнопорядковые понятия, не выдержана основа их классификации. Возникает также вопрос, если осмотр является средством доказывания, то почему в перечне средств доказывания нет такого следственного действия, как обыск? Представляется более логичным к средствам (источникам) доказывания относить протоколы следственных и судебных действий, а не сами действия, как это и предусмотрено в советском законодательстве в отношении источника доказательств (ч. 2 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства). В венгерской литературе уже отмечалось, что «осмотр не есть средство доказывания, а один из методов осуществления доказывания. Средством доказывания является предмет осмотра или, иначе говоря, вещественное доказательство». Конечно, надо добавить, что средством доказывания является и протокол осмотра. Советское уголовно-процессуальное законодательство причисляет протокол к источникам доказательств (ст. 69 УПК), а венгерское - к документам (абз. 3 § 83 УПК) и тем самым к средствам доказывания.

Существенно отличается отношение венгерского и советского законодателя к доказательственному значению материалов, полученных на первоначальном этапе производства по делу до его возбуждения.

Абзац 2 §61 УПК ВНР гласит: «В процессе могут быть использованы и такие средства доказывания, которые были получены соответствующими официальными органами до возбуждения уголовного дела — в рамках выполнения установленных законом задач». Ими признаются, например, результаты ведомственной проверки, осмотра, проведенного в административном порядке, акт ревизии, объяснения заинтересованных лиц. Последние приобщаются к делу в качестве документов и не заменяют показаний свидетелей или подозреваемых, допрашиваемых в обязательном порядке в интересах осуществления принципа непосредственности. Обычно рассматриваемые материалы собираются на этапе «дополнения донесения о преступлении».

По закону (абз. 1 § 126 УПК ВНР) после поступления донесения об уголовно наказуемом деянии в течение трех суток должен быть решен вопрос о возбуждении производства по уголовному делу или об отказе в этом. Если материалов для этого недостаточно, во избежание

необоснованных решений законодатель обязывает провести дополнение донесения во всех случаях, когда нет достаточных оснований для обоснованного вывода.

Донесение может быть дополнено в течение 15 суток, но в необходимых случаях руководитель органа расследования может продлить его еще на такой же срок. В ходе дополнения донесения следственный орган может: а) потребовать у любого лица, за исключением того, против которого сделано донесение, представления имеющихся в его распоряжении документов, справок, проведения контроля или ревизии, установления размера понесенного ущерба;

б) заслушать лицо, сделавшее донесение, или потерпевшего; осмотреть местность или предметы, имеющие значение для принятия решения (но это не осмотр, проводимый с соблюдением всех требований § 84 УПК ВНР); использовать ведомственные и учетные материалы в отношении лица, против которого сделано донесение;

в) пригласить для консультации сведущее лицо, если для решения вопроса нужны специальные знания (например, по законодательству ВНР кража может являться преступлением или административным поступком в зависимости от суммы ущерба, поэтому часто для определения стоимости украденного предмета приглашается специалист).

В качестве доказательств к делу приобщаются материалы, полученные органами милиции в результате их административной деятельности. Так, при дорожном контроле и происшествиях нередко в административном порядке у водителей транспорта берут кровь на исследование содержания алкоголя. В зависимости от результатов исследования решается вопрос о наложении административного взыскания или о возбуждении уголовного дела.

Для выяснения обстоятельств самоубийства, как правило, тоже проводится ведомственная проверка. Если при этом возникает подозрение в преступлении, она немедленно приостанавливается и возбуждается уголовное дело. Например, вскрытие трупа в таких случаях производит эксперт единолично, но как только он обнаружит признаки, которые могут свидетельствовать о преступлении, вскрытие приостанавливается немедленно сообщается о происшедшем органу расследования. Поскольку судебно-медицинское вскрытие по уголовному делу в ВНР производит не один, а два эксперта, по постановлению официального органа подключается второй судебно-медицинский эксперт для продолжения вскрытия, как правило, в порядке неотложного следственного действия.

До возбуждения уголовного дела доказательства получают не только из материалов, добытых при дополнении донесения или в порядке административного производства, но и при выполнении неотложных следственных действий. По УПК ВНР (абз. 2 § 130) до возбуждения уголовного дела могут быть осуществлены неотложные следственные действия, если промедление их производства может воспрепятствовать или предотвратить завершение начатого или совершение нового преступления, будет препятствовать сокрытию лица, совершившего преступление, сокрытию или уничтожению доказательств, причем закон не определяет конкретно, какие именно следственные действия могут быть осуществлены.

В случае проведения неотложных следственных действий до возбуждения дела в постановлении указывается, когда они были выполнены, поскольку срок расследования исчисляется с момента проведения первого из них. Если в результате следственных действий устанавливаются обстоятельства, исключающие возбуждение дела, в возбуждении дела не отказывается, а оно прекращается, поскольку после выполнения неотложных следственных действий дело считается уже находящимся в производстве.

В законе подчеркивается (абз. 3 § 61 УПК ВНР), что ни одно из доказательств не имеет заранее установленной доказательственной силы, что факт, не доказанный без сомнения, не может быть использован для обвинения (абз. 4 § 61 УПК ВНР).

В соответствии с абз. 2 § 35 УПК ВНР не является основанием для отвода представителя официального органа, если производство начато по его донесению о совершенном преступлении и эти сведения получены при исполнении служебных обязанностей.

Согласно абз. 1 § 38 УПК ВНР, в производстве расследования не может участвовать лицо, ранее участвовавшее в деле в качестве судьи, или если оно является родственником судьи. В отличие от советского уголовного процесса в возобновленном расследовании дела не может участвовать работник, принимавший участие в первом производстве по делу.

По постановлению Уголовной и Военной коллегий Верховного Суда ВНР это правило распространяется и на прокурора, если он вел следствие или выполнял по нему одно или несколько следственных действий. Прокурор должен быть отведен, если даже он при первом производстве выполнял только надзорные, прокурорские функции. Объясняется это тем, что к нему относится общее требование п. «в»

абз. 1 § 35 УПК ВНР о беспристрастности представителя официального органа, ведущего производство по уголовному делу.

В работах, опубликованных после принятия УПК 1973 года, понятие «средство доказывания» толкуется в соответствии с законом. До этого некоторые авторы считали, что «средства доказывания — это те лица и вещи, которые создают возможность для органа, ведущего процесс, воспринимать доказывающий факт и через него сделать вывод о доказываемом факте». Такой взгляд вызывал возражения, в том числе даже еще в старой процессуальной литературе, в которой, по нашему мнению, правильно указывалось, что лица (свидетель, эксперт, обвиняемый) не могут быть отнесены к средствам, ибо не они сами, а их показания или заключения являются средствами доказывания: только последние формируют судебское убеждение.

Термином доказательство» законодатель пользуется редко, в основном когда речь идет об оценке доказательств, например в цитированном уже § 5, где указано, что в своем решении суд должен описать фактический состав дела «и, оценив доказательства, обосновать, почему пришел к данному выводу». Законодатель указывает, что анализу подлежат как средства доказывания и способы их получения, так и достоверность, относимость и значение самой доказательственной информации, т. е. доказательства в целом. Из этого можно сделать вывод, что под доказательством законодатель понимает средство доказывания вместе с полученной с его помощью информацией. Соответственно обнаружение и использование средств доказывания не является самоцелью, а осуществляется потому, что они являются носителями информации о доказываемом событии.

Иногда эта важная сторона вопроса теряется из виду, и доказывание ведется нецелеустремленно, безотносительно к доказательственной информации, содержащейся в добытых средствах доказывания.

В инструктивных материалах Верховной Прокуратуры и МВД ВНР неоднократно указывалось на вредность практики «передоказывания». Дело не только в излишней трате времени, сил и средств, но и в создании обманчивого представления о доказанности. На самом же деле собрано излишне большое количество доказательств по второстепенным фактам, допрошено слишком много свидетелей по одним и тем же вопросам, проведены ненужные экспертизы по общеизвестным обстоятельствам, которые не требовали специальных знаний, и т. п. Возникает это, в частности, от смешения представлений о таких основных понятиях теории доказательств, как доказательство, источник дока-

зательства, фактические данные, доказывающий и доказываемый факты, главный факт и т.д., которые не определены в законе ВНР и многими авторами трактуются по-разному.

При всем разнообразии взглядов все согласны с тем, что доказательства должны дать информацию о доказываемом событии. Многие считают, что именно эта доказательственная информация и является доказательством. А на самом деле она является сущностью, содержанием доказательства, которая проявляется в форме средства доказывания. Доказательство — это единство формы (т. е. средство доказывания) и содержания (т. е. доказательственной информации).

Доказательственная информация возникнет вследствие совершения преступления или связанных с ним других событий и является результатом изменений, вызванных ими, их отражениями в сознании или в материальной обстановке. Соответственно средства доказывания некоторые венгерские процессуалисты делят на личные и вещественные в зависимости от того, возникла ли содержащаяся в них полезная для уголовного процесса информация в результате отражения доказываемых или доказывающих фактов в сознании людей (свидетелей, подозреваемых и т.п.) или путем элементарного (механического, химического и т. п.) отражения в материальной среде. Соответственно средства доказывания можно разделить на имеющие личный и вещественный характер.

Многие считают, что с этой точки зрения экспертиза, осмотр, доказательственный эксперимент и даже предъявление для опознания — по сути смешанные виды средств доказывания. Например, при экспертизе основой познания об интересующем нас факте является предмет вещественного характера, но для раскрытия его сущности, оценки его особенностей нужен эксперт, т.е. лицо, обладающее специальными познаниями, а при осмотре, доказательственном эксперименте, предъявлении для опознания действия совершаются субъектами, результатами же обычно, являются предметы, вещи.

Данная точка зрения представляется не бесспорной. Вещественное доказательство не теряет самостоятельность при экспертизе, не становится частью заключения. Речь идет о двух средствах доказывания самостоятельного характера. То же самое можно сказать и о других средствах доказывания. Протокол осмотра и вещь, изъятая на месте происшествия при осмотре, это не одно средство, а два, тесно взаимосвязанных, но вполне самостоятельных.

Информация может быть познана только через ее носителей, в частности доказательственная информация, — только через средства

доказывания. Уголовно-процессуальный закон регулирует способ собирания и оформления: этих средств, а наука криминалистика помогает в этих рамках выбирать наиболее целесообразные приемы и методы их обнаружения, выявления и фиксации. Сведения о доказываемом или доказывающем фактах могут иметь доказательственное значение лишь тогда, когда они содержатся в средствах доказывания, добытых и оформленных в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Вещь-следоноситель, чтобы стать вещественным средством доказывания, должна быть изъята и приобщена к делу; сведения о событии преступления, сохранившиеся в памяти свидетеля, должны быть оформлены в виде показаний, иначе они не будут иметь доказательственного значения.

Не является исключением изъятие вещи не в оригинале, а в виде слепок с нее или показания свидетеля о рассказе очевидца вне уголовного процесса. В обоих случаях речь идет о производных средствах доказывания, когда оригиналом не распоряжались ни следствие, ни суд, а информация содержалась в средствах доказывания, полученных в рамках уголовного процесса и в установленном законом порядке.

Иногда считают, что средства доказывания содержат факты доказывающие или доказываемые. Это неверно. Они содержат только сведения, информацию об этих фактах. В некоторых случаях подобные сведения могут быть восприняты, осмыслены и оценены на основе жизненного опыта, а в некоторых случаях для этого нужны специальные знания. Из средств доказывания личного характера информация поступает в словесной форме, в вещественных средствах доказывания — в материальной. Чтобы использовать ее в процессе доказывания, она декодируется, вербализуется правоприменяющим лицом или экспертом в зависимости от ее характера.

Средства доказывания личного характера об имеющем значение факте выражаются в словесной форме, а вещественные средства доказывания сохраняют их в виде материальных объектов. Информация в языковых, знаковых и вещественных структурах передает нам данные об интересующих фактах. В этом смысле она представляет собой «фактические данные», которые выступают в средствах доказывания личного характера сведениями, в вещественных — элементарными отражениями.

Соответственно различаются генезис и способ сохранения доказательственной информации, полученной из этих источников, неодинаковы и методы извлечения из них информации. Поэтому изучение подобных особенностей и учет их в процессе доказывания имеют важное

значение, и мы не согласны с теми, кто считает такое деление ненужным и бесполезным.

Соотношение средств доказывания и сведений, содержащихся в них, может быть охарактеризовано как соотношение сигнала и информации, формы и содержания. Они находятся в тесной взаимной связи, влияют друг на друга, а потому не могут быть рассмотрены изолированно, в абстракции. Это две стороны одного понятия доказательства.

Сведения, содержащиеся в средствах доказывания, по-разному могут относиться к предмету доказывания, который в венгерском уголовно-процессуальном законе не обозначен. Уголовное право определяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании конкретных преступлений. Указанные обстоятельства, или, по мнению многих авторов, некоторые из них, выделенные в понятие «главный факт», и есть то, что в науке уголовного процесса обычно называют доказываемыми фактами. Иногда доказывание содержит информацию не об этих, а об иных, в литературе обычно называемых доказывающими, фактах, использование которых дает возможность дать заключение о существовании доказываемых фактов.

Дискуссия о том, могут ли существовать средства доказывания, не содержащие доказывающие факты» (правильнее: сведения о них), может быть завершена именно таким образом: из них должны быть извлечены полезные сведения, но не всегда о прямо относящихся к предмету доказывания фактах. Дело в том, что приготовление к преступлению, покушение на него или совершение преступления всегда находятся в более или менее тесной причинной связи между собой и также с бесконечным количеством незначимых для дела событий. Большинство авторов под доказывающим фактом» понимают факты, находящиеся в причинной связи с событием преступления, и именно объективное существование такой связи делает их пригодными для доказывания.

Как и в теории советского уголовного процесса, доказательство, содержащее сведения о доказываемых фактах, считается прямым доказательством, а относящееся к вспомогательным «доказывающим» фактам — косвенным. Но «доказываемый» и «доказывающий» факты здесь условные термины. Доказывающие факты могут доказывать что-нибудь при условии, что их существование и связь с доказываемым фактом достоверно установлены и проверены, т.е. вначале они тоже «доказываются». Поэтому в некоторых работах венгерских и советских процессуалистов факты такого рода называются не доказывающими, а вспомогательными, связанными с событием преступления.

В процессе доказывания доказывающие и доказываемые факты находятся в сложной диалектической взаимосвязи. На основе уже познанных и проверенных фактов судят не только о новом, но и углубляют знания о ранее познанном. Показания свидетеля, например, доказывают те факты, о которых в них есть сведения, а их соответствие уже имеющимся в деле доказательствам в то же время подтверждает и их достоверность. Характер телесных повреждений как доказываемый факт в то же время может быть доказывающим, например, в отношении мотива преступления. Доказывание всегда представляет собой установление характера связей между фактами, который может измениться. В результате доказываемый факт превращается в доказывающий и наоборот.

Информация, содержащаяся в средствах доказывания, не всегда относится к предмету доказывания. Речь идет не о сведениях, не имеющих никакого значения для дела, а о том, что есть такие факты, которые должны быть познаны и установлены в уголовном процессе, но не нуждаются в доказывании со всеми процессуальными гарантиями. Венгерские процессуалисты к фактам, не требующим доказывания, обычно относят обстоятельства, не имеющие уголовно-правового или процессуального значения. Так, подлежат выявлению, а не доказыванию условия, способствовавшие совершению преступления.

В теории доказательств одним из центральных понятий является «факт». Факты объективно существуют (или существовали) в материальном мире, воспринимаются органами чувств как состоящие из частей индивидуальные явления. Такие явления могут быть разделены на две группы: предметы и события. В первой доминирует относительный покой, во второй — движение. В венгерской процессуальной литературе высказано мнение о существовании фактов третьего вида, к которым относят внутренние проявления человеческой психики, например мотивы, умысел. В возражениях на это отмечалось, что содержание человеческого сознания может быть познано только через такие его внешние «конкретные выражения», как действия субъекта или результаты этих действий, т.е. опять-таки через события или предметы.

Используя терминологию теории информации, средства доказывания в последнее время все чаще называют каналом, «через который информация о событии доходит до суда». В этом смысле в основе средства доказывания лежит ряд фактов действительности, создающих «канал информации». Приготовление к преступлению, его совершение, реализация результатов действия вызывают какие-то изменения в окружающем мире, образующие первый ряд фактов. Результаты их вос-

приятия, хотя и не всегда адекватно, сохраняют такую информацию, образуют второй ряд фактов. Потом следует их воспроизведение в установленном уголовно-процессуальным законом порядке - третий ряд фактов. Например, свидетель видел событие, запомнил, воспроизвел в памяти, дал о нем показание на допросе. Если все это анализировать, то их тоже можно разделить на ряд фактов. Таким образом, «канал информации» между событием и судом состоит из ряда фактов, комплекс которых может быть пригоден для установления тех событий, которые нас интересуют.

С точки зрения доказывания чрезвычайно важно исследовать весь комплекс фактов. В результате оценки информации нужно установить, что она не была ложной в первоисточнике и не исказилась в канале передачи. Для этого необходимо учитывать особенности источника информации.

Возвращаясь к модели доказывания как каналу информации, создающему связь между событием и органом, ведущим следствие, и судом, можно сказать, что первоначальным источником информации, исходной причиной, основой возникновения доказательств является само событие преступления. У следователя или суда нет возможности непосредственно черпать информацию из данного источника, и дело здесь не только в том, что расследуемое преступление — это событие прошлого. Как и в советском уголовном процессе, следователь или судья не могут принимать участие в производстве по уголовному делу, если являются или были в нем свидетелями (п. 5 абз. 1 § 35 УПК ВНР).

Итак, мы различаем источник информации (событие) и источник средства доказывания (например, свидетель). Ответ на вопрос об источнике информации указывает, откуда она происходит, а из ответа на вопрос об источнике средства доказывания мы узнаем, откуда можно получить эти средства, чтобы изучить и оценить доказательственную информацию. Источник и информация связаны между собой, поскольку характер события определяет и характер его отражения. В свою очередь характер источника средства доказывания накладывает отпечаток на характер содержащейся в нем информации. Что воспринял один свидетель, то не смог бы воспринять другой при тех же условиях. Информация, ожидаемая от эксперта, отличается от той, которая может быть получена, например, от обвиняемого. Нам кажется, что разграничение источника информации и средства доказывания имеет теоретическое и практическое значение.

Многие венгерские процессуалисты и криминалисты пользуются терминами «источник» и «средства доказывания» как однозначными,

считая, что именно из средств доказывания черпаются сведения о доказательственных фактах. Высказано, однако, и иное мнение, согласно которому понятие «источник» шире, так как данные, годные для приближения процесса к достижению его цели, могут быть почерпнуты не только из средств доказывания, но и, например, непосредственно с места происшествия.

На деле все данные, которые используются в процессе доказывания, должны содержаться в средствах доказывания. Так, данные с места происшествия приобретают доказательственное значение при условии, если они надлежащим образом зафиксированы в протоколе.

Показания имеют свое содержание - сведения о значимом факте — и исходят от лица, которое и является источником этих показаний. Личные средства доказывания, как правило, обозначают свой источник (показания свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, заключение эксперта). Представляется, что если показания — средство доказывания, то источником самого средства доказывания являются свидетель, подозреваемый, обвиняемый, эксперт. Таким же образом, на наш взгляд, решается вопрос об источнике письменных средств доказывания — документов. Информация, содержащаяся в письменных сообщениях, исходит от лица — автора документа. Обычно это лицо и исполнитель - одно и то же лицо, но они могут быть и разными.

Более сложно решается вопрос об источнике протоколов следственных действий. Представляется, что они должны быть разделены на две группы, к первой из которых относятся протоколы допросов. Хотя они и исполняются представителями официальных органов, но запись ведется в первом лице от имени допрашиваемого и последний своей подписью удостоверяет соответствие содержания протокола сказанному им. Поэтому нет оснований сомневаться, что источниками таких протоколов, как средства доказывания, являются сами допрашиваемые. Это относится и к протоколам очных ставок, а равно предъявления для опознания.

Вторую группу образуют протоколы иных следственных действий, в которых следователь фиксирует свои впечатления, например описывает, каким образом он воспринял обстановку места происшествия или обыскиваемой квартиры. Изменения в обстановке также вызваны событием преступления, потому оно и является первичным источником информации, но протокол следственного действия исходит от самого следователя, которого мы и считаем источником этого средства доказывания.

Для гарантии объективности фиксации следователем информации закон предписывает в перечисленных случаях приглашать понятых, чтобы при возникновении сомнения последние удостоверили бы факты, содержащиеся в протоколе. Тогда они тоже могут стать источником информации наряду со всеми лицами, которые в указанном в законе порядке подписывают эти протоколы. Объективности протоколов способствуют и прилагаемые фотокарточки, слепки, планы, схемы и т.д. Надо признать, что изложенная точка зрения не является общепризнанной в теории доказательств ВНР.

Самым дискуссионным в этом плане является вопрос об источниках вещественных доказательств. Понятно, что источником той информации, которая в них содержится, являются также значимые для дела события. Но откуда берутся сами вещественные доказательства? Высказывалось мнение о том, что источником является их материальное окружение. Так, Геза Катона считает, что вещественное доказательство — это выражение сущности следа, а предмет-следоносите́ль может играть роль его источника, ибо создает возможность для восприятия и опознания следа». Авторы учебника по уголовному процессу для юридических факультетов тоже считают, что места происшествия «в широком смысле слова являются источниками доказательств, потому что там могут возникнуть доказательства».

Здесь допустима, как нам кажется, аналогия между процессуальным положением лица как источника личного средства доказывания и местом возникновения вещественного средства доказывания как источником последнего. Как не имеют доказательственного значения показания, содержащие сведения, источник которых неизвестен, так не может быть признана источником доказательства вещь, происхождение которой неизвестно. Само вещественное доказательство «не может удостоверять свое происхождение», потому оно приобщается к делу в процессуальном порядке и оформляется надлежащим документом, удостоверяющим источник его возникновения.

Таким образом, сущностью доказательства является доказательственная информация, а формой его проявления — средство доказывания. Эти две стороны доказательства существуют в тесном единстве между собой.

В. Д. Арсеньев, В. Г. Заблоцкий
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
при установлении обстоятельств уголовного дела
Красноярск, 1986, с. 105-110

СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ИХ ОЦЕНКА

Понятие судебных доказательств и их оценка относятся к числу центральных проблем теории доказательств в уголовном процессе. В настоящем параграфе мы ограничимся кратким изложением основных вопросов указанных проблем.

Уголовно-процессуальный закон дает достаточные основания для двоякого понимания судебных доказательств:

а) как фактических данных (доказательственных фактов) на основе которых устанавливаются фактические обстоятельства дела (ч. 1 ст. 16 Основ); б) как показаний свидетелей, заключений экспертов и других средств доказывания, которыми устанавливаются фактические данные (ч. 2 ст. 16 Основ).

Закон не случайно дважды употребляет слово «устанавливать»: в ч. 1, где оно, бесспорно, означает «доказывать» — фактические данные (доказательства) устанавливают (доказывают) фактические обстоятельства; в ч. 2, согласно которой показания, заключения и другие средства опять-таки устанавливают (доказывают) фактические данные. Это дает основание рассматривать понятие «фактические данные» в ст. 16 Основ равнозначным понятию фактов. Отсюда не только фактические данные, но и устанавливающие их средства должны рассматриваться как судебные доказательства. Не случайно одно из них закон именует — «вещественные доказательства» (ст. 83 УПК). Ст. 88 УПК называет доказательствами документы. В руководящих указаниях Верховного Суда ССОР и Верховного Суда РСФСР доказательством называется «заключение эксперта». Что касается фактических данных как доказательственных фактов, то, хотя большинство их относится к прошлому и потому не может иметь непосредственной процессуальной формы (подобно вещественным доказательствам и другим средствам), не исключается возможность признавать их правовой характер (как и подлежащих установлению обстоятельств).

Исходя из изложенного, следует признать не основанной на законе позицию авторов, отстаивающих «единое понятие» судебных до-

казательств, в связи с чем фактические данные рассматриваются как содержание доказательств, средства доказывания — как их форма что прямо противоречит ст. 16 Основ. В то же время нельзя не отметить, что нынешняя редакция ст. 16 Основ не может быть признана безупречной, поскольку, по точному смыслу этой статьи, получается, что показания, заключения, документы и другие средства доказывания могут устанавливать только фактические данные (доказательственные факты), тогда как на самом деле они могут устанавливать и фактические обстоятельства дела (ст. 68 УПК), о чем прямо говорят ст. ст. 74, 83 и 88 УПК и др. Представляется спорной предложенная В. Я. Колдиным концепция «уровней процессуального доказывания», согласно которой, установление доказательственных фактов образует первый, «информационный уровень» доказывания, а установление фактических обстоятельств дела на основе доказательственных фактов — второй, «логический уровень» доказывания. Между тем применительно ко всему процессу доказывания следует различать не «уровни», а способы доказывания: в одних случаях они связаны с использованием информации, имеющей искусственный (языковой) код (показания, заключения, документы), в других — с использованием информации, носителями которой являются «сигналы-признаки», не имеющие такого кода (вещественные доказательства, доказательственные факты). Эти способы могут использоваться при доказывании фактических обстоятельств одного и того же дела и последовательно (как указано у В. Я. Колдина), и параллельно (когда одни обстоятельства дела устанавливаются логическим, а другие — информационным способом).

Судебные доказательства характеризуются двумя основными свойствами — относимостью и допустимостью. В основе относимости лежит связь доказательства с устанавливаемыми им обстоятельствами. Она имеет объективный характер и может быть выявлена лишь в результате окончательной оценки доказательств. Поэтому на момент получения его следователем (судом) о наличии этой связи можно говорить лишь предположительно. Однако такой характер суждения о связи не делает «предположительными» сами доказательства, как утверждает С. В. Курылев точно так же это не служит основанием для предложенного Ф. Н. Фаткуллиным понятия «возможной относимости» доказательств. Наличие предположения о связи доказательств с объектом доказывания (фактическими обстоятельствами) дает основание признать доказательства относимыми к делу. При соблюдении требований закона о получении доказательств, в надлежащих процессуальных условиях доказательства становятся и допустимыми, что не исключает

возможности для лиц (органов), ведущих процесс, отвергнуть их в результате оценки. Но это не влечет изъятия из дела (делопроизводства) соответствующих материалов (протоколов допросов, письменных заключений экспертов и др.).

Сложная взаимосвязь содержания и формы судебных доказательств недостаточно учитывается, на наш взгляд, в тексте процессуального закона и в литературе. Так, ст. 70 УПК предусматривает право участников процесса представлять «доказательства» (вещи, документы); ст. 314 УПК говорит об «отвергнутых доказательствах». Между тем предметы и документы, которые представляются участниками процесса следователю и суду, могут стать доказательствами в процессуальном смысле только после того, когда их приобщат к уголовному делу, т. е. придадут им процессуальную форму доказательств. Их нельзя рассматривать как доказательства в процессуальном смысле и тогда, когда они отвергнуты следователем и судом, поскольку они уже не могут быть использованы для установления фактических обстоятельств дела и, таким образом, не могут соответствовать своему главному назначению ст. 16 Основ).

Игнорирование взаимосвязи содержания и формы доказательств в литературе ведет, с одной стороны, к недооценке их содержания, что выражается в необоснованном отрицании связи доказательств с подлежащими установлению фактами — как основы их относимости. С другой стороны, оно ведет к недооценке процедуры формирования доказательств, когда утверждается, что формирование представляет только объективный процесс, чем игнорируется роль следователя и суда в этом процессе, т. е. с придании полученной информации процессуальной формы судебных доказательств.

Остановимся теперь на центральном вопросе оценки доказательств — соотношении в ней субъективного и объективного факторов. Объективный фактор — сами доказательства как непосредственный объект оценки, осуществляемой в ходе и в итоге соответствующих процессуальных действий, направленных на собирание и исследование этих доказательств. Оценка каждого отдельного доказательства носит предварительный характер. Окончательная оценка его осуществляется только в совокупности с другими доказательствами (ст. 17 Основ), и их же совокупность дает основание для окончательных выводов о наличии или отсутствии фактических обстоятельств дела.

Данное положение послужило в свое время основанием для выдвижения концепции, согласно которой совокупность доказательств по делу представляет собой основное проявление практики как критерия

истины в судебном доказывании. Концепция не встретила поддержки в литературе, однако, критика ее представляется не убедительной. Так, например, А. А. Хмыров считает, что «критерий истинности выводов из системы доказательств по делу нельзя искать только в рамках самой системы хотя бы потому, что на основании этого критерия должен быть сделан вывод о достаточности доказательств». Автор не учитывает относительности критерия практики, который не может автоматически и однозначно указывать на достижение или не достижение истины, для этого нужен субъективный элемент (внутреннее убеждение), который лежит не внутри, а вне данного критерия. Иные концепции критерия истины крайне неопределенны, страдают явной недооценкой конкретной, «чувственной» практики и, по-существу, лишены какого-либо практического значения и смысла. Предложенная концепция дает теоретическое обоснование тому положению, что ни одно доказательство не может само по себе рассматриваться как безусловно достоверное — этот вопрос может быть решен лишь при оценке доказательств в их совокупности (ст. 17 Основ).

Субъективным фактором оценки доказательств является внутреннее убеждение следователя, судей и других субъектов, ведущих уголовный процесс (ст. 17 Основ). Оно выступает, прежде всего, как метод свободной оценки доказательств, при котором никакие доказательства «не имеют заранее установленной силы» для лиц, оценивающих их. Следует признать принципиально неверными утверждения о внутреннем убеждении как «критерии оценки доказательств», ибо критерий (мерило) должен быть объективным, «внешним», а не субъективным, «внутренним» (иначе у каждого субъекта будет «свой» критерий).

А. А. Эйсман в основном правильно отмечает, что «методом оценки доказательств является не использование внешних критериев, а внутреннее убеждение». Вместе с тем такое утверждение нуждается и в существенном уточнении: «внешние» критерии из оценки доказательств по внутреннему убеждению не исключаются полностью. Прежде всего здесь следует указать на закон — нормы УПК, содержащие правила получения и проверки доказательств. Они выступают как объективный критерий при оценке допустимости доказательств. Отсюда ст. 17 Основ и предписывает при оценке доказательств руководствоваться законом (и социалистическим правосознанием). Далее в качестве объективного критерия при оценке доказательств по внутреннему убеждению можно рассматривать законы логики («логический критерий»), которыми обязаны руководствоваться субъекты оценки.

Наконец, при оценке доказательств экспертом, наряду с внутренним убеждением действует и такой **объективный фактор,** как **специальные знания эксперта,** которые могут рассматриваться и как объективный критерий его оценки.

Внутреннее убеждение выступает и как результат свободной оценки доказательств, выражая отношение субъектов оценки к каждому отдельному доказательству (признание или непризнание его достоверности, силы и значения) и всей совокупности доказательств (признание или «непризнание их достаточности для установления определенных обстоятельств дела). Что касается самих обстоятельств дела (объектов доказывания), то по отношению к ним в результате оценки доказательств внутреннее убеждение в их наличии или отсутствии не всегда может сложиться, и нередко субъективной основой выводов о наличии или отсутствии соответствующих обстоятельств является более или менее обоснованное предположение следователя (суда) о них.

Оба аспекта понятия внутреннего убеждения (как метода и как результата оценки доказательств) тесно взаимосвязаны, ибо только свободная оценка доказательств может привести к формированию у следователей и судей свободного внутреннего убеждения о достоверности, силе и значении этих доказательств.

А. А. Давлетов
Основы уголовно-процессуального познания
Свердловск, 1991, с. 29-45, 59-74

**Проблема понятия доказательства в науке
уголовного процесса**

В теории уголовного процесса нет, пожалуй, более трудно решаемой проблемы, чем проблема понятия доказательства. Один перечень многочисленных и разноречивых мнений, высказанных по этому поводу в юридической литературе, потребовал бы значительного времени и места. Объясняется такое положение не только объективной сложностью проблемы, ибо «понятие доказательства принадлежит к числу основных, исходных в теории доказательств и доказательственном праве», но и субъективными причинами, главным образом недостаточным и непоследовательным методологическим обоснованием предлагаемых решений.

Определение доказательств, данное в уголовно-процессуальном законе, закреплено в ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), состоящей из двух частей. В первой сказано: «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела». Во второй части говорится: «Эти данные устанавливаются показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Осмысление приведенного определения, т. е. уяснение сущности уголовно-процессуального доказательства, требует ответа, по меньшей мере, на три вопроса:

- 1) что означают «фактические данные»;
- 2) какова связь фактических данных и способов их установления, перечисленных в ч. 2 ст. 16 Основ;
- 3) как соотносятся доказательства и обстоятельства дела.

Первые два вопроса направлены на выяснение внутреннего устройства доказательства, а третий - на определение места и роли доказательств в системе уголовно-процессуального познания.

Главный вопрос в раскрытии природы процессуального доказательства - о фактических данных. Именно через толкование фактических данных идет трактовка доказательства в юридической науке. Здесь уместно вкратце проследить историю решения этой проблемы.

В 40-50-е гг. в советской правовой литературе доказательства отождествлялись с фактами. «Судебные доказательства, - писал А. Я. Вышинский, - это обычные факты, те же происходящие в жизни явления, те же вещи, те же люди, те же действия людей». Хотя принятые в 1958 г. Основы, говоря о доказательствах, вели речь не о фактах, а о фактических данных, долгое время после этого многие юристы продолжали трактовать доказательства как факты. В 1962 г. известный процессуалист М. А. Чельцов писал: «Факты, из которых выводится существование предмета доказывания, носят название доказательственных фактов или доказательств».

Дальнейшее исследование сущности процессуальных доказательств связано с усилением методологической основы решения этой проблемы и прежде всего с применением теории отражения и теории информации. Многие юристы показали несостоятельность отождествления доказательств и фактов (подразумеваемая под последними явления, события действительности). Приводились такие аргументы, как объективность фактов, исключающая возможность их собирания и проверки, тогда как относительно доказательств эти действия прямо предусмотрены законом (ст. 70 УПК); прошлый характер фактов, предопределяющий опосредствованность их установления, и др. В результате была предложена информационная концепция доказательства. «Доказательство в уголовном процессе, - утверждает В.Я. Дорохов, - будучи отражением объекта, структурно не отличается от сигнала. Оно так же, как любой сигнал, имеет содержание - фактические данные, т. е. информацию, сведения о фактах, подлежащих установлению по делу.

Информационная концепция уголовно-процессуального доказательства получила в литературе широкую поддержку и в настоящее время разделяется большинством юристов. Вместе с тем ряд авторов отстаивают своего рода компромиссное мнение, считая, что доказательствами в уголовном процессе являются и информация, и факты, утверждая, что и те и другие охватываются понятием «фактические данные». Вот что писала по этому поводу П. С. Элькин: «Поскольку логика доказывания необходимо предполагает установление и обосно-

вание доказываемых суждений при помощи других, уже доказанных, постольку не только сведения о фактах, но и установленные факты служат средствами познания искоемых, еще не установленных».

Здесь мы вышли на еще один, ранее не рассмотренный аспект уголовно-процессуального познания. Для конкретного представления о нем обратимся к делу об убийстве Смирнова. Вскоре после возбуждения уголовного дела был установлен гражданин, с которым Смирнов в день преступления распивал спиртное. Им оказался ранее судимый Кошелев, который при допросе показал, что действительно в тот день познакомился у винного магазина со Смирновым, распивал у него в квартире спиртное, но не ссорился с ним и не убивал его. При обыске в квартире Кошелева обнаружены пиджак и туфли Смирнова, опознанные его родственниками. Два свидетеля показали, что нож, которым был убит Смирнов, видели ранее у Кошелева. На ноже выявлены следы пальцев Кошелева.

Все это позволило следователю предъявить Кошелеву обвинение в убийстве Смирнова. Такой вывод был получен на основе, во-первых, установленных фактов: Кошелев был в квартире Смирнова во время, близкое к моменту совершения преступления; нож, которым был убит Смирнов, принадлежал Кошелеву; в квартире Кошелева обнаружены вещи Смирнова. Во-вторых, на основе информации, сведений об этих фактах - показаний свидетелей, протоколов предъявлений для опознания, протоколов обыска и др.

Так вот, по мнению П. С. Элькинд и сторонников данной позиции, фактическими данными, а значит и доказательствами, являются и перечисленные факты, и сведения, информация о них. Такова проблема понятия «фактические данные» в процессуальной науке.

Теперь рассмотрим второй вопрос - о соотношении фактических данных и способов их закрепления, потому что оба вопроса взаимосвязаны и требуют единого, комплексного решения.

Названный вопрос в первую очередь порожден структурой ст. 16 Основ (ст. 69 УПК). Поскольку, о фактических данных говорится в первой ее части, а о процессуальных формах их закрепления, именуемых иногда источниками, - во второй, то юристы разошлись во взглядах на понятие доказательства.

Одни авторы считают доказательствами в уголовном процессе только фактические данные. Уже после принятия Основ С. А. Голунский писал: «Уголовно-судебные доказательства - это фактические данные; источники же таких данных доказательствами не являются». Развивая этот взгляд, Ф. М. Кудин утверждает: «Доказательства и ис-

точники доказательств - категории различного порядка. Роль тех оснований, опираясь на которые следователь, суд делают определенные выводы, выполняют в процессе доказывания только доказательства - фактические данные. Источники же представляют собой то, в чем содержатся доказательства».

Другие юристы понимают под доказательствами и фактические данные, и формы (источники) их получения. Своеобразие этой позиция состоит в том, что фактические данные и их источники обособляются и рассматриваются как самостоятельные доказательства. Так, по мнению М. С. Строговича, «доказательства - это, во-первых, те факты, на основе которых устанавливается преступление или его отсутствие ... или иные обстоятельства дела... Доказательствами являются, во-вторых, те предусмотренные законом источники, из которых следствие и суд получают сведения об имеющих значение для дела данных».

Наконец, третья группа ученых признает уголовно-процессуальными доказательствами единство фактических данных и источников их получения, видя в этом неразрывную связь содержания (фактических данных) и формы (предусмотренных уголовно-процессуальным законом способов закрепления этих данных). В последние годы эта позиция укрепляется и поддерживается многими авторами.

Таково решение в литературе второго вопроса проблемы понятия доказательства в уголовном процессе. Остался нерассмотренным последний из поставленных по данной проблеме вопросов - о соотношении доказательств и обстоятельств. В отличие от первых двух должно-го внимания ему в процессуальной науке не уделяется. Юристы зачастую не видят прямой зависимости трактовки доказательства от того, как понимаются обстоятельства дела, и не выясняют, какова связь обстоятельств и доказательств в системе уголовно-процессуального познания. Чаще всего предпринимается попытка раскрыть сущность уголовно-процессуального доказательства «изнутри», т. е. на основе одного нормативного определения данного понятия, без выхода на ту систему, в которой доказательство занимает место одного, а обстоятельство - другого элемента. Взаимосвязь же доказательств и обстоятельств такова, что они могут быть уяснены только друг через друга. Характеристика доказательств невозможна без показа их роли в установлении обстоятельств дела, и наоборот, описание обстоятельств немыслимо без рассмотрения их значения для доказательств, что обусловлено неразрывностью средств и целей познания.

Итак, мы получили представление о существующей в юридической литературе проблематике о понятии доказательств и обстоятельств уголовного дела. Можно утверждать, что данная проблема остается открытой и главная причина этого - отсутствие системного подхода к понятию и соотношению доказательств и обстоятельств.

Доказательство в системе уголовно-процессуального познания

Системный подход к выяснению сущности уголовно-процессуального доказательства требует такой логики исследования. Вначале надо выявить место и роль доказательства в структуре уголовно-процессуального познания, т. е. установить внешние связи доказательства в рамках данной системы, поскольку от них в первую очередь зависит внутреннее строение доказательства. Затем следует раскрыть содержание самого доказательства - составные его элементы и структурную их упорядоченность. А чтобы эта работа была обоснованной и последовательной, нужно руководствоваться не только нормами уголовно-процессуального закона, но и философской характеристикой ретроспективного познания. Это позволит получить полное и ясное представление о доказательстве - одном из центральных понятий теории уголовно-процессуального познания, определяющем трактовку многих других понятий и вопросов. Нельзя забывать, что «в теории каждое понятие, положение занимает строго определенное место и необходимым образом связано с другими понятиями и положениями».

Как отмечалось, в ст. ст. 15 и 16 Основ прямо выражено назначение доказательств в системе уголовно-процессуального познания. Они названы средствами установления обстоятельств дела: доказательствами признаются «фактические данные, **на основе которых...** органы дознания, следователь и суд **устанавливают ...обстоятельства** (выделено мной. - А. Д.), имеющие значение для правильного разрешения дела» (ст. 16 Основ).

Уголовно-процессуальный закон, раскрывая содержание познавательной деятельности по уголовному делу, ограничивается общей характеристикой ее системы, показывая лишь место и роль в ней доказательств и обстоятельств как средств и целей познания. Для получения более подробной картины содержания уголовно-процессуального познания (составных моментов и структурной их организации) обратимся к философии ретроспективного познания.

Нетрудно заметить, что доказательству в уголовно-процессуальном познании соответствует такой элемент ретроспективного познания, как информация. Следовательно, философская характеристика информации служит тем ориентиром, который способствует не только решению проблемы понятия доказательства, но и его всестороннему и полному анализу. Итак, вернемся к первому вопросу проблемы доказательства - что означают «фактические данные»?

Само это словосочетание можно представить по-другому - «данные о фактах». Значит, поставленный вопрос разбивается на два подвопроса: 1) что понимать под словом «данные»; 2) что выступает в качестве фактов, на которые эти данные указывают?

Эти вопросы по существу уже были заданы и ответы на них получены при рассмотрении содержания и структуры ретроспективного познания. Здесь только остается напомнить их. «Данные» есть сведения, сообщения, сигналы, полученные органами судопроизводства от тех материальных объектов, которые в результате отражения приобрели следы расследуемого преступления и его обстоятельств. Фактическими эти данные именуются потому, что они свидетельствуют о реальных событиях действительности, т. е. о фактах, в качестве которых выступает само прошлое преступление и иные связанные с ним обстоятельства. Таким образом, фактические данные - это информация, а доказательства в уголовном процессе имеют информационную природу, основанную на взаимодействии и отражении двух объектов - происшедшего события преступления и явлений, вещей, процессов, окружавших это событие и сохранивших его следы.

Как отмечалось, проблема понятия «фактические данные» включает в себя вопрос, являются ли ими, а значит и доказательствами наряду с информацией, и определенные факты, называемые доказательствами, промежуточными. Сейчас получить ответ на этот вопрос затруднительно, поскольку еще не рассмотрено понятие фактов, обстоятельств дела. После того, как это будет сделано, мы вернемся к указанной проблеме, шлея аргументы ее решения.

Поскольку принципиальный - информационный - подход к трактовке доказательства в уголовном процессе найден, то целесообразно проследить все характеристики информации применительно к доказательству. Это позволит получить развернутое представление о доказательстве и заодно найти ответ на вопрос о связи фактических данных и форм их закрепления, перечисленных в ч. 2 ст. 16 Основ.

Доказательство как единство фактических данных и объекта-носителя следов. Уже говорилось, что «снятый след, став информаци-

ей, отрывается от объекта-носителя и может существовать (использоваться) самостоятельно, например, в виде письменного акта без того физического тела, которое приобрело данный след. Но это значительно снижает степень достоверности достигаемого знания, и поэтому в уголовном процессе фактические данные рассматриваются в неразрывной связи с их материальным носителем. Перед следователем, прокурором, судом предстают не только сообщения, сведения, следы, а прежде всего люди, передающие сообщения, документы, несущие сведения, предметы, обладающие следами. Перечисленные объекты - люди, документы, вещи прямо фигурируют в законе как обязательный элемент, составная часть процессуального доказательства. Так, лица, располагающие необходимыми по делу сведениями, занимают в уголовном процессе определенное положение - свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта с соответствующими правами и обязанностями, в частности давать показания или заключение (ст. ст. 46, 52, 53, 72, 73, 76, 77, 82 УПК). Анонимные сведения, т. е. сообщения, автор которых неизвестен, не могут допускаться по делу в качестве доказательств именно потому, что имеющиеся сведения предстают в отрыве от их носителя, лично не подтверждающего изложенные данные. В вещественных доказательствах определяющим их признаком закон в первую очередь называет материальность, предметность. «Вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления...» (ст. 83 УПК). Особенность документов протоколов следственных, судебных действий и иных документов (ст. ст. 87, 88 УПК) - состоит в том, что они фиксируют действия или состояния, т. е. те явления, процессы, которые по своей природе (скоротечности, длительности, объемности и т. д.) не могут быть сами «введены» в уголовное дело. Поэтому их представляют только документы, тогда как в первых двух случаях доказательством выступают сами лица и вещи с исходящими от них фактическими данными.

Множественность доказательств об одном факте. Это свойство информации выражено в требовании собирания доказательств (ст. 70 УПК), что указывает на количественную сторону работы с информацией. Кроме того, закон содержит правило достаточности доказательств (ст. ст. 108, 143, 200 и др. УПК), означающее такое их количество, которое приводит следователя, прокурора, судей к твердому внутреннему убеждению о наличии необходимого объема информации для принятия решений по уголовному делу.

Рассматриваемая характеристика доказательства выводит на два аспекта уголовно-процессуального познания. Первый состоит в надежности, «запасе прочности» знания, приобретаемого на основе значительного числа доказательств. Второй заключается в том, что множественность фактических данных дает возможность взаимной проверки доказательств, указывающих на один факт.

Степень полноты доказательства. Каждое доказательство содержит ограниченный объем информации, определяемый способностью, «емкостью» носителя воспринимать признаки факта. Это свойство выражает внутренние рамки доказательства, т. е. то количество информации, которое вместились в данный носитель при его взаимодействии с фактом. Для установления полноты фактических данных необходимо различать и учитывать этапы формирования доказательства: восприятия, сохранения, воспроизведения, а также объективные и субъективные факторы, действующие на каждом из них.

Степень достоверности доказательства. Соответствие фактических данных действительности, т. е. их истинность, достоверность - обязательное условие приобретения объективного знания. Свойство достоверности доказательства выясняется путем проверки доказательства. Согласно ч. 3 ст. 70 УПК «все собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда». При этом органы судопроизводства руководствуются правилами оценки доказательств, названными в ст. 71 УПК. Кроме этих общих норм уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд конкретных предписаний, обеспечивающих использование по делу достоверной информации. Так, согласно ст. 74 УПК, «не могут служить доказательствами фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности». Руководствуясь этими требованиями, следователь, прокурор, суд критически рассматривают собранные сведения, выясняют соответствие их действительности и в результате используют для вынесения решений только достоверные сведения, исключая из доказательственного материала недостоверные.

Процессуальная форма доказательств. Процедуре, порядку, способам закрепления производимых действий, т. е. процессуальной форме в уголовном судопроизводстве, придается особо важное значение. Вне предусмотренной законом формы нет уголовного дела, нет уголовного процесса. И работа с доказательствами входит в содержание уголовно-процессуального познания лишь в том случае, если она облекается в надлежащую процессуальную форму.

Уголовно-процессуальный закон, регламентируя познавательную сторону уголовного судопроизводства, в первую очередь определяет форму закрепления фактических данных. Они могут использоваться по уголовному делу, т. е. служить доказательствами только в том случае, если оформлены в виде показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, заключения эксперта, вещественных доказательств, протоколов следственных, судебных действий, иных документов (ч. 2 ст. 16 Основ, ч. 2 ст. 69 УПК). В дальнейшем закон подробно регламентирует порядок получения фактических данных, например, при помощи следственных действий, что также определяет форму доказательств.

Поскольку содержание не существует без формы, а форма есть выражение содержания, то доказательство в уголовном процессе представляет собой неразрывное единство фактических данных (содержания) и предусмотренных законом способов и средств получения этих данных (формы). Это единство выражается в таком обязательном свойстве доказательства, как допустимость, означающем соблюдение процессуального порядка закрепления информации, который позволяет использовать ее (допустить) в качестве основы выносимых по уголовному делу процессуальных решений. Отсутствие или нарушение необходимой процессуальной формы лишает фактические данные их доказательственного значения. Так, информация, добытая оперативно-розыскным путем представляет собой фактические данные, ибо указывает на факты дела, но форма этой информации (оперативно-розыскная) уголовно-процессуальным законом в качестве доказательства по делу не допущена.

Тем самым мы получили ответ на вопрос о характере связи фактических данных и формы их закрепления. Правы те юристы, которые усматривают в нормативном определении доказательств единое понятие, изложенное законодателем таким образом, что в ч. 1 ст. 16 Основ акцентируется содержание доказательства, а в ч. 2 этой статьи указываются его формы.

Значимость доказательств. Доказательством в уголовном процессе служат только те фактические данные, которые имеют значение по расследуемому делу, так как указывают на факты, подлежащие установлению. Сведения, не связанные с данным делом, не включаются в число доказательств, используемых для вынесения процессуальных решений. Это необходимое свойство доказательства в уголовном процессе именуется относимостью. Оно служит тем мерилом, которое способствует накоплению значимой, ценной, т. е. нужной, информации, препятствуя сбору ненужной. Поэтому, например, в качестве сви-

детеля вызывается то лицо, которому «могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу» (ст. 72 УПК).

Непосредственность исследования доказательств. Это одна из наиболее существенных характеристик доказательства, которая выступает главным критерием отграничения доказательства от обстоятельства. Не случайно философское понятие «непосредственность исследования» прямо внесено в текст закона. Статья 240 УПК определяет: «Суд первой инстанции при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы».

Что же непосредственно предстает перед судом и участниками судебного разбирательства, т. е. воспринимается ими лично, при помощи органов чувств?

Этими субъектами непосредственно исследуются в первую очередь материальные носители следов - лица (свидетели, потерпевшие и т. д.), предметы, документы. Как правило, они сами должны предстать перед судом и передать имеющиеся сообщения, сведения. Лишь в исключительных случаях при отсутствии самого объекта - носителя информации допускается оглашение сведений, полученных от него на предварительном расследовании. Например, согласно ст. 286 УПК оглашение показаний свидетеля допускается при неявке его в суд по уважительной причине.

Непосредственность исследования доказательств означает, кроме того, личное восприятие судом сообщаемых фактических данных. Лица дают показания устно, обращаясь к суду, протоколы и иные документы зачитываются вслух. Таким образом, требование непосредственности исследования охватывает обе части доказательства - фактические данные и материальный их носитель.

Правило непосредственности исследования доказательств действует и на предварительном расследовании за исключением производства отдельных следственных действий в другом районе по поручению следователя (ст. 132 УПК). Подчеркнем, что для суда это правило имеет абсолютное значение, поскольку судебное поручение для исследования доказательств ни при каких обстоятельствах законом не допускается.

Итак, благодаря философской характеристике информация в системе ретроспективного познания, мы получили всестороннее представление о природе уголовно-процессуального доказательства, методоло-

гически обоснованно осмыслив нормативные положения регламентирующие эту процессуальную категорию. Тем самым проведен общий, принципиальный анализ понятия доказательства, что является необходимой предпосылкой для углубленного рассмотрения его внутреннего устройства, а также выявления места и роли доказательства в системе уголовно-процессуального познания.

Факты (обстоятельства) в системе уголовно-процессуального познания

В уголовно-процессуальном познании, сформулированном как «установление обстоятельств при помощи доказательств», мы выявили суть и назначение такого ее элемента, как доказательство. Теперь необходимо проделать то же самое относительно другого элемента - обстоятельств.

Если доказательство, без сомнения, соответствует месту и роли информации в структуре ретроспективного познания, то с обстоятельствами уголовного дела такой определенности нет. Что означают обстоятельства - объективные явления, события действительности, т. е. факты либо знания, приобретенные о них? Для ответа на этот вопрос, прежде всего, обратимся к уголовно-процессуальному закону.

В законе термин «знание» для обозначения каких-либо сторон уголовно-процессуального познания не применяется. Слово же «факт» используется. Говорится о факте преступления (ст. 10 УПК), об установленных фактах (ст. 87), об удостоверенных фактах (ст. 88), о доказанных фактах (ст. ст. 352, 380) и т. д. Но значительно чаще закон применяет термин «обстоятельство». В УПК упоминаются обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу (ст. 5), обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 68), обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 131), идет речь о выяснении обстоятельств (ст. 68), установлении обстоятельств (ст. 87), удостоверении обстоятельств (ст. 88), исследовании обстоятельств (ст. 343) и т. д. Таким образом, закон оперирует двумя терминами: «факт» и «обстоятельство». Одинаково или различно значение этих понятий, и какой смысл вкладывает в них уголовно-процессуальный закон?

В процессуальной литературе такой вопрос ставится. Для его решения юристы в первую очередь обращаются к философии. Философское толкование факта и обстоятельства неоднозначно. Одни авторы обстоятельствами именуют объективные явления действительности,

фактами же - те явления, которые уже познаны. Другие определяют факт как «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло», а обстоятельства - как «явления, сопутствующие какому-нибудь другому явлению и с ним связанные».

Некоторые юристы прямо переносят в уголовный процесс ту или иную трактовку факта и обстоятельства. Так, В. Д. Арсеньев считает, что те события, явления, которые подлежат установлению по уголовному делу, но еще не познаны, следует именовать обстоятельствами. Если же эти явления (обстоятельства) познаны, уже установлены по делу, то они выступают как факты. «Отсюда факты, - утверждает В. Д. Арсеньев, - не предмет и не объект познания, а результат такового. Обстоятельства же могут рассматриваться именно как объекты познания (доказывания)». Но с таким же успехом можно предложить противоположное мнение, а именно - фактами уголовного дела назвать объективные явления, а обстоятельствами именовать познанные факты, т. е. знание о них, ибо соответствующее философское обоснование этому имеется. Так что же, верны оба взгляда, а если не оба, то какой из них?

Вопрос этот неразрешим, поскольку оба предложенных подхода страдают общим недостатком, о котором уже говорилось, - прямым, «зеркальным» перенесением философской трактовки в область специальной науки, что порождает произвол, субъективизм авторов и в итоге ведет к многообразию и противоречивости мнений. Происходит это потому, что философские категории применяются неверно и не выполняя свою методологическую роль. Вместо преломления философской категории через специфику данного вида познания, для превращения ее в понятие частной науки, положения диалектики просто переносятся в уголовный процесс.

Но от этого философское положение не становится уголовно-процессуальным, а как было философским, таковым и остается. Учитывая сказанное, уголовно-процессуальное значение понятий «факт» и «обстоятельство» необходимо определять не столько тем или иным философским их толкованием, сколько тем смыслом, который придается им законом.

Анализ уголовно-процессуальных норм, в которых идет речь о фактах и обстоятельствах, позволяет сделать вывод об однозначности, тождественности этих понятий. Такой вывод основан на следующих аргументах. Во-первых, и под обстоятельствами, и под фактами уголовного дела закон подразумевает то, что подлежит изучению, познанию. Так, в ст. 74 УПК говорится об установлении обстоятельств, а в ст. 405 - об установлении фактов; в ст. 75 - о доказывании обстоя-

тельств, а в ст. 352 - о доказывании фактов. В протоколе судебного заседания должны содержаться «указания на **факты**, которые участвующие в деле лица просили удостоверить...» (ст. 264 УПК), а в протоколе следственного действия следует отражать «обнаруженные при его производстве существенные для дела **обстоятельства**» (ст. 141 УПК - выделено мной. - А. Д.).

Во-вторых, доказательства фигурируют средствами установления как обстоятельств, так и фактов дела. Например, ст. 87 УПК определяет: «Протоколы, удостоверяющие **обстоятельства и факты** (выделено мной. - А. Д.), установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске... являются доказательствами по уголовному делу». То же самое сказано в ст. 88 УПК относительно другого вида доказательств - документов. Поскольку в уголовном процессе любое обстоятельство может устанавливаться при помощи любых доказательств, то приведенное положение касается не только протоколов следственных, судебных действий и иных документов, но и всех других доказательств - показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключения эксперта, вещественных доказательств.

Итак, термины «обстоятельство» и «факт» в уголовном процессе имеют одинаковое значение, а их применение в тексте закона в том или ином случае объясняется синтаксическими правилами.

Теперь вернемся к вопросу, какой элемент ретроспективного познания имеется в виду под обстоятельствами (фактами) уголовного дела - прошлое событие или знание о нем.

Решение этого вопроса упростится, если в уголовно-процессуальном законе будет дано разграничение двух названных элементов. Последовательный анализ нормативного регулирования в УПК уголовно-процессуального познания раскрывает такую его картину. Вначале - в ст. ст. 2, 3, 5 и др. УПК идет речь о раскрытии, расследовании преступления, т. е. указывается на объект познания, ибо только в данной роли может выступать произошедшее противоправное событие. И уже здесь начинают фигурировать термины «обстоятельство» и «факт». Причем используются они для обозначения или уточнения этого объекта. Так, перечень обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу (ст. 5 УПК), предназначен для конкретизации рамок, границ объекта уголовно-процессуального познания, поскольку наличие того или иного из этих обстоятельств делает невозможным начавшуюся уголовно-процессуальную деятельность. Отметим, что под общей рубрикой «Обстоятельства...» закон имеет в виду и событие, и состав преступления (п. п. 1 и 2 ст. 5 УПК). Таково же назначение сло-

ва «факт», впервые появившегося в ст. 10 УПК, - «факт преступления».

Другая ситуация в главе V УПК (ст. ст. 68-88). Здесь закон говорит об обстоятельствах, фактах, подлежащих доказыванию, установлению, выяснению, т. е. о необходимости их познания. Обстоятельства, перечисленные в ст. 68 УПК, выступают как знания, которые должны быть приобретены при расследовании уголовного дела. Иными словами, это - **ожидаемый результат познания**. С данного момента закон ведет речь об обстоятельствах, фактах уголовного дела.

По-иному закон оперирует данными терминами при регламентировании уголовно-процессуального познания в отдельных стадиях уголовного процесса (с главы VIII, ст. 108 УПК). Здесь уже говорится об установленных, доказанных, выясненных, исследованных обстоятельствах и фактах, т. е. о достигнутом, приобретенном знании, **имеющемся результате**. Например, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должны быть указаны «обстоятельства совершения преступления, поскольку они установлены материалами дела» (ст. 144 УПК). Суд кассационной инстанции «не вправе устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены в приговоре или отвергнуты им» (ст. 352 УПК).

Изложенное схематически можно выразить таким образом: объект - абстрактное знание - конкретное знание. И все эти элементы уголовно-процессуального познания обозначены одними и теми же терминами «обстоятельство» и «факт». Следовательно, закон, во-первых, смысловыми акцентами выделяет в уголовно-процессуальном познании его объект и результат (знание), но, во-вторых, терминологически именует данные стороны познания одинаково - «обстоятельство», «факт».

Такая позиция законодателя вполне обоснованна и объясняется необходимостью достижения истинного, т. е. соответствующего объекту знания. Только в этом случае уголовно-процессуальное познание, а вместе с ним вся уголовно-процессуальная деятельность могут решить стоящие перед ними задачи. Связующим звеном между объектом и знанием в уголовном процессе служит перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 68 УПК). Это - **программа познавательной деятельности** в уголовном судопроизводстве. До расследования того или иного дела она выступает абстрактной моделью-образом необходимых сторон объекта, способствуя целенаправленному и системному его исследованию. По окончании же расследования данная программа, будучи реализованной, становится кон-

кредным знанием, достигнутым результатом познания. Поскольку объект и знание о нем должны совпадать, то с позиции лаконичного языка закона достаточно одного термина - обстоятельство (факт), обозначающего в системе уголовно-процессуального познания два его элемента - объективные явления и субъективные знания о них. Поэтому и тот и другой элементы именуются фактом, обстоятельством уголовного дела.

Однако сказанное не означает тождества двух названных элементов уголовно-процессуального познания. Одно дело нормативное регулирование познавательной деятельности, и другое - ее действительное содержание. Вспомним, что уголовно-процессуальный закон регламентирует лишь основные, специфические стороны и моменты познания в уголовном процессе. В учебных, практических и научных целях необходимо иметь ясное представление о различной гносеологической природе фактов-объектов и фактов-знаний.

Философская характеристика факта и знания, данная при рассмотрении ретроспективного познания, полностью применима к соответствующим элементам уголовно-процессуального познания. Как отмечалось, факту-объекту присущи объективность, единичность, многосторонность, природность, значимость, опосредствованность, тогда как факту-знанию - идеальность, субъективность, предметность, истинность - неистинность, полнота - неполнота, природно-ценностное отражение объекта, опосредствованность. В последующих разделах работы мы используем эти свойства в качестве методологических при рассмотрении того или иного элемента уголовно-процессуального познания.

Здесь же ограничимся общим сравнительным анализом доказательств и фактов-знаний (в дальнейшем последние будут именоваться фактами, обстоятельствами уголовного дела), поскольку именно эти элементы образуют содержание самого процесса познания, тогда как факты-объекты остаются за пределами практической деятельности органов уголовного судопроизводства. Этот анализ позволит выявить соотношение доказательств и обстоятельств, их место и роль в системе уголовно-процессуального познания.

Принципиальная схема познания в уголовном процессе выражена, как отмечалось, в ст. ст. 15 и 16 Основ (ст. ст. 68 и 69 УПК): установление обстоятельств уголовного дела при помощи доказательств. Суть доказательства заключается в том, что им служит информация, непосредственно полученная в предусмотренной законом форме от материального объекта, отразившего признаки прошлого преступного со-

бытия, и указывающая на ту или иную его сторону. Главным, определяющим критерием доказательства в уголовном процессе является специфический способ его исследования - **непосредственность**. Говоря максимально сжато, доказательство в уголовном судопроизводстве - это те явления, вещи, процессы действительности, которые непосредственно изучаются следователем, прокурором, судом при расследовании уголовного дела.

Суть же обстоятельств, фактов дела состоит в том, что ими выступает знание о прошлых или настоящих, но происходящих вне места нахождения следователя, прокурора, суда явлениях, вещах, процессах действительности, имеющих значение по уголовному делу и исследуемых при помощи доказательств. Главный критерий обстоятельства - **опосредствованность** его установления, тот особый способ, которым познаются прошлые или отдаленные от познающего настоящие события, явления действительности. Иными словами, факт, обстоятельство уголовного дела - это знание о тех явлениях, вещах, процессах, которые устанавливаются органами судопроизводства опосредствованно, при помощи доказательств.

Итак, мы получили общую методологическую и нормативную характеристику основы уголовно-процессуального познания - центральных, главных его элементов и их взаиморасположения в системе данной познавательной деятельности. Теперь мы располагаем достаточными предпосылками решения одного из поставленных ранее вопросов, касающихся проблемы понятия доказательства. Это вопрос, являются ли уголовно-процессуальными доказательствами обстоятельства, факты, именуемые в юридической литературе доказательственными.

Место и роль доказательственных фактов в системе уголовно-процессуального познания

Вспомним суть проблемы. Некоторые юристы полагают, что уголовно-процессуальными доказательствами в смысле ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), т. е. фактическими данными, являются не только сведения, информация о фактах, но и сами факты, точнее, знание о них, именуемые доказательственными, промежуточными.

Действительно, в процессе познания по уголовному делу не только информация, но и уже достигнутое знание являются средством, основой приобретения нового знания. Но одного этого общего, что объединяет информацию и знание, еще недостаточно, чтобы поста-

вить их в один ряд, рассматривать как единую процессуальную категорию доказательства, так как различий между ними значительно больше. Разграничение информации и доказательственных фактов можно провести по нескольким основаниям.

Во-первых, по механизму формирования. Информация есть результат отражения двух явлений - происшедшего в действительности события и вступившего с ним в контакт материального объекта - носителя отраженных следов. Доказательственные факты представляют собой достигнутое по уголовному делу знание о прошлом событии или его фрагментах. Эти факты не являются отражением более общего объективного события преступления, а находятся с ним в определенной связи, через которую познающий логически «выходит» на данное событие. Другими словами, если информация порождается прошлым преступлением, является продуктом взаимодействия с ним, то доказательственные факты не имеют такого происхождения, а выражают иные формы объективной связи явлений - пространства и времени, сущности и явления, причины и следствия и др.

Во-вторых, по способу восприятия субъектом. Информация материальна, поскольку неразрывно связана с физическим телом - человеком, предметом, документом, в силу чего исследуется непосредственно, воспринимается познающим чувственно (видится, слышится и т. д.). Доказательственные факты как знание есть идеальное отражение в сознании следователя, судей явлений действительности, находящихся за пределами непосредственного изучения. Поэтому доказательственные факты устанавливаются опосредствованно и правило непосредственности исследования доказательств (ст. 240 УПК) к ним неприменимо.

В-третьих, по способам познания. Исследование информации в уголовном процессе складывается из двух видов познавательных действий: 1) практических - поиск, обнаружение, фиксация сведений и их носителей; 2) мыслительных, рациональных - проверка, оценка сведений и носителей. Именно эта часть уголовно-процессуального познания детально регламентирована правовыми нормами, определяющими порядок собирания, проверки и оценки доказательств (ст. 70, 71 УПК). Выяснение же доказательственных фактов производится только путем мыслительных операций, при помощи которых в сознании следователя, судей формируется идеальный образ реального явления действительности.

В-четвертых, по формам процессуального закрепления. Сведения и их носители, образующие информацию в уголовном процессе, фикс-

сируются в тех процессуальных формах, которые указаны в ч. 2 ст. 16 Основ (ч. 2 ст. 69 УПК), - в виде показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключения эксперта, вещественных доказательств, протоколов следственных, судебных действий и иных документов. Факты же, будучи итогом мыслительной деятельности, полученным, как правило, от нескольких носителей сведений, излагаются не в протоколах, а в процессуальных решениях - постановлениях, обвинительном заключении, определениях, приговоре и др.

В-пятых, по уровням уголовно-процессуального познания. Информация «работает» на исходном, отправном уровне познания по уголовному делу, связывая следователя, суд с внешними признаками прошлых фактов, отразившихся в носителях следов. Доказательственные факты служат средствами уголовно-процессуального познания на другом, более высоком уровне, где из одних фактов-знаний (доказательственных) делается вывод о других фактах-знаниях - более глубоких, существенных сторонах и связях прошлого события.

Изложенное, думается, достаточно убедительно свидетельствует о принципиальных различиях между информацией и доказательственными фактами, о недопустимости их отождествления, объединения в одну категорию уголовно-процессуального доказательства. **Доказательства в уголовном процессе имеют только информационную природу и служат средствами установления фактов, обстоятельств.** Доказательства и факты занимают различное место в структуре уголовно-процессуального познания, характеризуются разным процессуальным режимом исследования. Разграничение доказательств и фактов имеет важное значение и лежит в основе построения теории уголовно-процессуального познания.

Какая бы проблема уголовно-процессуального познания ни рассматривалась, ее решение так или иначе связано с трактовкой данных процессуальных категорий. Такова роль основы в формировании теории, выведении обоснованного. «После того, как определяющая сторона (отношение) в исследуемом целом будет выделена, она превращается в исходное начало для построения системы понятий, благодаря которой достигается теоретическое осмысление сущности исследуемого объекта, одна за другой выводятся все присущие ему необходимые стороны (свойства) и отношения, их взаимосвязь».

СТРУКТУРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

У нас имеются все необходимые предпосылки для анализа внутреннего устройства доказательств и фактов уголовного дела. До этого мы, во-первых, определили понятие и соотношение доказательств и обстоятельств в системе уголовно-процессуального познания; во-вторых, выявили общую философскую и нормативную характеристику доказательств и фактов; в-третьих, рассмотрели диалектику философских категорий явления и сущности как методологию раскрытия внутренней организации доказательств и обстоятельств. Теперь предстоит, опираясь на взятую методологическую основу, проанализировать структуру доказательств и фактов, выделяя как в тех, так и в других две стороны - фактическую (явление) и юридическую (сущность).

Фактическая основа уголовно-процессуального доказательства

Анализируя информацию как элемент ретроспективного познания, мы вели речь о трех ее компонентах: 1) материальном объекте - носителе отраженных следов прошлого; 2) сведениях, полученных от носителя; 3) формах закрепления носителя и сведений. Все они представляют внешнюю, чувственно воспринимаемую сторону информации. И носитель, и сведения, и форма их закрепления доступны личному изучению познающим, т. е. в этих аспектах информация «является» субъекту познания. Какие же из названных элементов образуют уголовно-процессуальное доказательство?

Ранее уже говорилось, что в юридической литературе спор при трактовке доказательства идет вокруг двух элементов - фактических данных (сведений) и их источников (формы закрепления), ясно выраженных в ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), в первой части которой выделены фактические данные, а во второй - процессуальные источники их получения. А что же материальный объект-носитель фактических данных? Является ли он составной частью доказательства?

Большинство авторов вообще не рассматривают этот вопрос, ограничивая проблему двумя названными элементами. Те же юристы, которые затрагивают вопрос о месте носителя в системе уголовно-процессуального познания, не включают носитель в понятие доказательства. Так, В. Я. Дорохов, именуя носитель источником доказательства, пишет: «Влияя на содержание доказательства и определяя его субъективную форму, источник доказательства вместе с тем не входит в понятие доказательства в качестве его элемента». Каких-либо аргу-

ментов в пользу своего взгляда автор не приводит и в результате приходит к спорным выводам. Если В. Я. Дорохов прав, что носителем устных сведений, полученных от лиц, являются сами эти лица - свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, то вряд ли можно согласиться с утверждением, что «носителем вещественного доказательства будут следователь и понятые, а также граждане, представившие предмет». Следователь и понятые, считает В. Я. Дорохов, также выступают носителями таких доказательств, как протоколы следственных действий.

Данная позиция уязвима прежде всего с методологической стороны. Объективность познания прошлого достигается в первую очередь благодаря объективности сохранившихся его следов, которые формируются без вмешательства субъекта ретроспективного познания. Происходит это, как отмечалось, при взаимодействии двух объектов - прошлого события и носителя его следов, что происходит до и вне субъекта, который вступает в познание уже после взаимного контакта двух объектов. Объект, обнаруженный при расследовании дела и сохранивший к этому моменту следы преступления, является носителем сведений, фактических данных. Носителю, таким образом, присущи два признака. Во-первых, это материальное, физическое тело, способное сохранять отраженные следы относительно долго - от момента отражения до момента расследования дела. Во-вторых, такое тело, которое действительно было в контакте с обстоятельствами преступления и сохранило их следы до момента их исследования органами судопроизводства. Только в этом случае можно говорить об объективной основе уголовно-процессуального доказательства. Хотя следователь и понятые, строго говоря, становятся носителями сведений, полученных при производстве того или иного следственного действия, однако они взаимодействуют и отражают не само расследуемое событие, а процесс непосредственного исследования его следов.. Ни следователь, ни понятые не входят в прямой контакт с прошлыми фактами и поэтому не могут быть носителями сведений, используемых в качестве доказательств по делу. Признание названных субъектов носителями фактических данных ведет к представлению о возможности искусственного создания доказательств по делу, что чревато серьезными негативными последствиями в практике органов уголовного судопроизводства.

Что же выступает носителем сведений в отдельных видах доказательств, названных в ч. 2 ст. 16 Основ (ст. 69 УПК)?

Как известно, таких видов доказательств восемь. Первые четыре показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, а

также пятый - заключение эксперта - объединяет то, что в них фактические данные исходят от лица, человека, лично излагающего в устной (показания) или письменной (заключение) форме известные ему сведения по делу. Это лицо является носителем фактических данных, поскольку оно само восприняло устанавливаемые факты и сообщает о них. Следующий вид - вещественное доказательство. В нем носитель - сама вещь, предмет, так или иначе связанный с расследуемым преступлением и приобщенный к делу специальным постановлением. Сложнее определить носитель в оставшихся двух видах доказательств - протоколах следственных, судебных действий и иных документах. Но критерий определения должен быть единым и поэтому носителем фактических данных, закрепленных в протоколах следственных и судебных действий, следует считать те материальные объекты, которые непосредственно осматриваются (место происшествия, труп, помещение, предметы и т. д.), освидетельствуются (тело живого человека) и т. д., а также действия, производимые самими органами судопроизводства при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске и др. в конкретных условиях места, времени, участвующих лиц. Носителем же документа является его автор - лицо, составившее соответствующий документ.

Итак, мы определили, что такое носитель фактических данных в уголовном процессе. Теперь вернемся к вопросу, каково место носителя в системе уголовно-процессуального познания.

Прежде всего, отметим, что носитель сведений служит составной частью объекта уголовно-процессуального познания и, следовательно, подлежит изучению по уголовному делу. Еще до получения фактических данных и их процессуального закрепления носитель следов предстает перед органами судопроизводства, которые исследуют сам объект - его свойства, связь с обстоятельствами дела, способности отражать и сохранять следы и т. д. В некоторых случаях закон прямо указывает на необходимость изучения объекта-носителя. Например, ст. 79 УПК предусматривает обязательное проведение экспертизы для определения психического состояния свидетеля и потерпевшего, если возникают сомнения в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Поскольку носитель сведений является объектом уголовно-процессуального познания, а в системе данной познавательной деятельности имеются два элемента - доказательства и обстоятельства, то место носителя - либо в доказательстве, либо в обстоятельстве. Третьего, как говорится, не дано. С методологических позиций эта проблема

уже была решена. Коротко решение может быть сформулировано следующим образом: носитель является обязательным элементом уголовно-процессуального доказательства, которое представляет собой единство трех элементов: 1) носителя следов фактов; 2) фактических данных, полученных от носителя; 3) процессуальной формы закрепления носителя и фактических данных.

Трехчленная структура доказательства выражена в положениях уголовно-процессуального закона. Так, в нормативном определении доказательств (ст. 16 Основ, ст. 69 УПК) говорится не только о фактических данных и процессуальных формах их получения, но и о носителях таких данных - свидетеле, потерпевшем, подозреваемом, обвиняемом, эксперте, вещах. Процессуальные формы доказательств, названные в ч. 2 указанных статей, охватывают не только фактические данные, но и их носитель. В протоколах следственных действий носитель сведений закрепляется достаточно подробно. Например, в протоколе допроса свидетеля указываются его фамилия, имя, отчество, место и время рождения, место жительства, работы и т. д. В протоколах выемки, обыска, осмотра описываются предметы, документы, окружающая обстановка и другие объекты. Хотя большинство таких объектов остается физически вне уголовного дела (лишь вещественное доказательство приобщается к делу), формально эти носители «привязываются» к нему, выступая неотъемлемым компонентом содержащихся в деле доказательств.

Требование непосредственности исследования доказательств (ст. 240 УПК) относится в первую очередь к объекту-носителю, а уж затем к полученным от него фактическим данным. Перед следователем, судом должны предстать сами лица, сообщаящие сведения, сами предметы, документы, помещения, местность и другие объекты, обладающие следами устанавливаемых по делу фактов.

Оставление носителя за рамками доказательства ведет к неправильному решению ряда вопросов, имеющих теоретическое и практическое значение. К примеру, непосредственность исследования доказательств может быть истолкована судом как личное изучение им материалов, представленных предварительным расследованием, т. е. как изучение поступившего уголовного дела без обращения к тем объектам, от которых собранные данные были получены. Подобные высказывания в юридической литературе встречаются. Так, М. К. Треушников, разделяя двухчленную трактовку доказательства, пишет: «Судебные доказательства, с помощью которых достигаются истинные знания суда о существовании фактов, относятся к числу материализованных

явлений ...доступных непосредственному восприятию суда». Хотя данное суждение высказано применительно к гражданскому процессу, оно неточно характеризует смысл непосредственности исследования доказательств. При таком подходе материальность доказательства видится в письменной форме, в самом письменном акте, содержащем фактические данные, - протоколе и иных процессуальных документах. Если следовать приведенному утверждению, то изучение судом этих актов и есть непосредственность исследования доказательств. При трехчленном же понимании доказательства его материализованность означает иное. Здесь непосредственность исследования направляется на объект - носитель сведений, а не на его письменный «заменитель».

Так же решается вопрос о значимости по уголовному делу анонимных фактических данных, т. е. полученных от неизвестного лица-носителя. Если подходить к таким сведениям с позиции двухчленного строения доказательства, то анонимные сведения, поступившие в письменном виде, могут признаваться доказательством, например, документом в смысле ст. 88 УПК. Именно внесение носителя в содержание доказательства позволяет исключить анонимные данные из уголовного процесса.

Итак, в своей фактической основе, т. е. на уровне явления, уголовно-процессуальное доказательство представляет собой единство носителя, сведений и процессуальной формы закрепления носителя и сведений, что подтверждается как методологически, так и нормативно.

Юридические свойства доказательства

Появление в уголовном деле фактических данных, полученных от определенного носителя и закрепленных в процессуальной форме, еще не означает, что следователь или суд располагает полноценными уголовно-процессуальными доказательствами, т. е. пригодными для использования средствами установления обстоятельств. Если бы любая информация, «вошедшая» в уголовный процесс, сразу бралась в основу принимаемых по делу решений, то доля юридических ошибок была бы огромной. Но этого не происходит, поскольку, прежде чем использовать собранные по делу сведения, следователь, прокурор, суд подвергают их критическому анализу в целях выяснения доброкачественности, ибо только такие фактические данные позволяют приобрести истинное знание. Следовательно, каждое доказательство проходит в уголовно-процессуальном познании два этапа. На первом доказатель-

ство предстает в том виде, в каком оно вошло в уголовный процесс. Это уровень явления, фактической основы доказательства. Но она еще не уголовно-процессуальное доказательство в строго правовом значении данного понятия, а его реальная база. Иначе говоря, это «сырой» информационный материал, который может обладать надлежащим правовым качеством и в таком случае станет полноценным доказательством, а может и не иметь необходимого качества, что исключит имеющуюся информацию из числа доказательств, используемых для вынесения решений по делу. Потому доказательство на втором этапе исследуется под углом зрения необходимых юридических свойств. Это уровень познания правовой сущности доказательства. Лишь на нем доказательство **становится правовым (уголовно-процессуальным) явлением**, т. е. доброкачественным средством установления фактов.

Выделение в доказательстве двух сторон - фактической и юридической - не только обусловлено методологическими предпосылками (явление-сущность), но и выражено в уголовно-процессуальном законе. Согласно ст. 70 УПК доказательства сначала **собираются**, т. е. вводятся в уголовный процесс, после чего подлежат «тщательной, всесторонней и объективной **проверке** (выделено мной.- А, Д.) со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда». Значит, по мысли законодателя, отдельное доказательство рассматривается в двух аспектах: в одном - при его собирании и в другом - при проверке. В противном случае не было бы необходимости разделять в законе собирание и проверку доказательств.

Вместе с тем доказательство не следует разрывать на две части, рассматривая каждую из них как нечто самостоятельное. Фактическое и юридическое - две стороны одной «медали». Поскольку любой познаваемый объект есть единство явления и сущности, поскольку доказательство представляет собой неразрывное слияние фактического и юридического. Разграничение названных сторон возможно лишь теоретически и необходимо для раскрытия сложного внутреннего строения доказательства.

Правовые свойства доказательства в законе прямо не названы, не обозначены какими-либо терминами. Они выработаны наукой в виде определенных теоретических положений. В сжатой форме эти свойства выразились в понятиях **относимости, допустимости и достоверности** доказательства.

Относимость доказательств

Огромный информационный поток, воспринимаемый органами судопроизводства при расследовании преступления, а также ограниченность предмета познания задачами уголовного процесса требуют «отсева» поступающей информации, отбора в дело только нужных, значимых фактических данных. Образно говоря, перед потоком информации надо поставить сито, оставляющее необходимые и пропускающее не нужные по делу сведения. В качестве такого сита выступает требование относимости доказательства.

В соответствии со ст. 16 Основ (ст. 69 УПК) доказательствами признаются лишь такие фактические данные, которые «устанавливают (выделено мной. - А. Д.) обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела». Значит, если фактические данные устанавливают обстоятельства, т. е. обладают способностью указывать на них, то они являются доказательствами по делу; если же фактические данные такой способности не имеют, то они доказательствами по делу признаваться не должны. Поэтому относимость доказательства определяется в литературе как связь фактических данных с обстоятельствами дела, как способность доказательства свидетельствовать о фактах.

В основе этой связи (способности) лежит взаимодействие двух объектов и отражение признаков одного - факта другим - носителем его следов. В ретроспективном познании средствами выяснения фактов служат только те объекты, которые, во-первых, **контактировали** с исследуемым фактом либо с другим носителем, ранее отразившим данный факт; во-вторых, **сохранили** на (в) себе отраженные признаки факта к моменту расследования дела. Если тот или иной объект не вступал во взаимодействие с фактом либо вступал, но отраженные его следы ко времени расследования не сохранились, то сведения, полученные от данного объекта, будут неотносимыми, т. е. не имеющими значения для уголовного дела. Например, нож, «подброшенный» на место происшествия с целью увести расследование в сторону, в действительности с преступлением не связан (не взаимодействовал с ним), и поэтому орудием убийства признаваться не должен как не относимое к данному факту доказательство. (Однако доказательством по делу нож будет, но не по факту убийства, а по факту попытки воспрепятствовать установлению истины по делу.) След обуви, обнаруженный на месте преступления, но не имеющий индивидуальных признаков и недоступный копированию и описанию, не привлечет внимания следователя как не сохранившийся к моменту осмотра места происшествия. Таким образом, определение относимости доказательства состоит в решении двух

вопросов: 1) находился ли объект - носитель информации во взаимодействии с устанавливаемым фактом дела; 2) располагает ли носитель в настоящее время приобретенными следами данного факта.

Относимость доказательства затрагивает два его элемента - носитель и сведения. Носитель выступает материальной основой сведений и выражает объективную связь доказательства с фактом, а сведения - наличие сохранившихся следов этого факта. Третий элемент доказательства - форма закрепления носителя и сведений - с взаимодействием двух объектов не связан, и поэтому на относимость доказательства не влияет.

Данная характеристика относимости обусловлена трехчленной структурой доказательства. При двухчленной же трактовке, распространенной в процессуальной литературе, относимость доказательства определяется как свойство лишь одного его элемента - фактических данных. Здесь мы находим еще один аргумент в пользу включения объекта-носителя в содержание доказательства. Это дает более точное представление об относимости доказательства, раскрывая не только способность сведений указывать на факты, но и объективную основу этой способности, приобретенной вследствие контакта двух явлений действительности. Понимание относимости лишь как свойства сведений без анализа связи между носителем сведений и фактом может вести к использованию по уголовному делу недоброкачественных фактических данных.

Объективность относимости как свойства, внутренне присущего доказательству, не всегда учитывается исследователями. Например, М. К. Треушников определяет относимость доказательства как «правило поведения суда, в силу которого он принимает, истребует. Исследует только доказательства, способные подтвердить факты, имеющие значение по делу». Действительно, именно органы судопроизводства, в частности суд, определяют относимость того или иного доказательства. Но делают они это не по своему субъективному побуждению, а с учетом того, имеется или отсутствует необходимая связь между доказательством и фактом. Относимость, будучи свойством, лежит в том объекте, которому оно присуще, - доказательстве. Действия же суда по оценке относимости порождаются этим свойством, являются его следствием. Трактовка относимости как правила поведения органов судопроизводства лишает объективного критерия определение данного свойства, предлагая взамен его субъективное усмотрение следователя, прокурора, суда.

В юридической литературе распространено мнение, что «решение вопроса об относимости доказательства предполагает исследование двух моментов. Во-первых, входит ли факт, для установления которого привлекается данное доказательство, в предмет доказывания или в число промежуточных и иных вспомогательных фактов, выяснение которых необходимо при проверке версий и доказательств. Во-вторых, способно ли доказательство, с учетом его содержания, этот факт установить». Представляется, что здесь смешиваются две взаимосвязанные, но разные проблемы - относимости доказательств и относимости фактов. Причина этого все та же - нечеткое разграничение доказательств и фактов.

В сложном процессе ретроспективного познания перед органами уголовного судопроизводства встает в первую очередь задача правильного определения объекта познания по уголовному делу, т. е. того круга явлений действительности, который очерчивает рамки познавательной деятельности. Уже в процессе познания эти явления дифференцируются на две группы - фактов и доказательств, подчиняясь иерархии целей и средств. Проблема построения системы целей выступает как проблема относимости обстоятельств, а проблема построения системы средств достижения данных целей - как проблема относимости доказательств. Первая зависит от конечного круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 15 Основ, ст. 68 УПК), а вторая - от совокупности всех фактов, устанавливаемых по делу для правильного его решения. Причем зависимость здесь односторонняя: относимость обстоятельств определяет относимость доказательств, но относимость доказательств не влияет на относимость фактов. В этой связи заключается то общее, что объединяет относимость доказательств и обстоятельств.

В остальном же относимость этих объектов принципиально друг от друга отличается. Во-первых, по объектам оценки. Если в уголовном процессе доказательства и факты не одно и то же, то определение относимости доказательства не означает определение относимости факта. Во-вторых, по природе связей, лежащих в основе относимости. Относимость доказательства обусловлена контактом двух материальных, физических тел и взаимным отражением ими следов друг друга. В основе же относимости фактов находятся иные связи - пространственно-временные, явления и сущности, причинно-следственные и др. В-третьих, по способам определения относимости. Относимость доказательства выясняется как практическими действиями (сбором новых доказательств), так и рациональными, мыслительными операция-

ми. Относимость же фактов устанавливается только рационально, при помощи одних мыслительных выводов, умозаключений. В-четвертых, по уровням уголовно-процессуального познания, на которых определяется относимость. Относимость доказательства выявляется на первоначальных, низших ступенях познания, на уровне формирования доброкачественных средств, тогда как относимость обстоятельств - на более высоких этапах познания, на уровне достижения цели.

Итак, **относимость доказательства есть наличие в нем таких фактических данных, которые были приобретены их носителем в результате взаимодействия с выясняемыми по делу фактом и обладают в силу этого способностью указывать на данный факт.**

Допустимость доказательства

Соблюдение предусмотренного законом порядка, формы процессуальной деятельности - одно из основных условий уголовного судопроизводства. Признавая фактические данные доказательствами по делу, ст. 16 Основ (ст. 69 УПК) оговаривает, что при их помощи обстоятельства устанавливаются «в предусмотренном законом порядке», а также перечисляет те процессуальные формы, в которые должны облекаться фактические данные, - показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение эксперта и др. Это необходимое свойство доказательства именуется в литературе допустимостью и определяется как «законность источника, методов и приемов получения сведений».

Опираясь на двухчленную трактовку доказательства (единство содержания - фактических данных и формы - порядка их закрепления), юристы характеризуют допустимость как свойство, присущее лишь форме доказательства, отмечая, что сами фактические данные этим свойством не обладают, и выделяют три признака допустимости: 1) законность источников получения фактических данных; 2) законность способов собирания фактических данных; 3) законность оформления полученных фактических данных.

Такой анализ допустимости обусловлен избранной концепцией доказательства. При трехчленной же структуре доказательства - носитель, сведения, форма их закрепления - понимание допустимости будет несколько иным. Это, во-первых, **доброкачественность носителя информации.**

Не всякий объект, хотя и обладающий необходимыми (относительными) сведениями, может использоваться по делу в качестве доказа-

тельства. Уголовно-процессуальный закон содержит ряд положений, прямо указывающих на недопустимость привлечения некоторых носителей информации. В частности, это перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей (ст. 72 УПК). Так, не может быть свидетелем лицо, которое «в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания» (п. 2 ст. 72 УПК). Не допускается в качестве эксперта лицо, не обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения, и по иным основаниям, названным в ст. 67 УПК. Если по делу будут получены сведения от таких лиц, то имеющееся доказательство должно быть признано недоброкачественным как недопустимое.

Во-вторых, допустимость доказательства **предполагает законность способа получения фактических данных**. Одна из гарантий достижения истинного знания по уголовному делу заключается в том, что информация может «входить» в уголовный процесс только при помощи тех способов, которые предусмотрены законом. Статья 70 УПК называет следующие способы собирания доказательств: 1) следственные действия; 2) истребование предметов и документов; 3) требование о назначении ревизий; 4) представление доказательств участниками процесса. Ни одним иным способом фактические данные, используемые в уголовном процессе для вынесения решений, собираться не могут.

Этот набор процессуальных способов предусмотрен законом для основных стадий уголовного судопроизводства - предварительного расследования и судебного разбирательства, в которых происходит полное установление истины по делу. Каждая иная стадия имеет свой перечень способов закрепления информации, обусловленный задачами и характером производимой в ней познавательной деятельности. Так, в стадии возбуждения уголовного дела процессуальное познание возможно при помощи следующих способов: получения объяснений, истребования материалов (ст. 109 УПК) и единственного следственного действия - осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства (ст. 178 УПК),

Применение в этой стадии иных способов, например, других следственных действий - выемки, обыска и т. д., ведет к недопустимости полученных при этом фактических данных.

Рассматриваемый аспект допустимости доказательства позволяет определить значимость других способов получения информации при расследовании преступлений - оперативно-розыскных, криминалисти-

ческих, психологических и др. К примеру, применение служебно-розыскной собаки, использование детектора лжи не предусмотрены законом в качестве процессуальных способов приобретения фактических данных, т. е. не допущены в уголовное судопроизводство, а полученные при этом сведения доказательствами по делу признаваться не могут.

Допустимость доказательства, в-третьих, зависит от соблюдения предусмотренного законом порядка применения процессуального способа закрепления информации. Использование законного способа собирания фактических данных само по себе не гарантирует доброкачественности полученных сведений. Необходимо еще правильное применение избранного способа. Данное требование характеризуют следующие моменты.

1. Получение фактических данных уполномоченным органом судопроизводства. Например, производство следственного действия органом дознания по делу, находящемуся у следователя, без соответствующего поручения об этом, либо судом в порядке судебного поручения исключает приобретенные таким образом сведения как недопустимые из числа доказательств.

2. Наличие всех участников проводимого действия. В частности, при производстве выемки и обыска должны присутствовать понятые, а также лицо, у которого производится выемка или обыск (ст. 169 УПК).

3. Соблюдение процедуры, последовательности производимого действия. При производстве выемки или обыска следователь обязан в начале предъявить постановление об этом, затем предложить выдать предметы и документы, подлежащие изъятию, и лишь после этого приступить к принудительному изъятию (если лицо отказалось выдать требуемое).

4. Правильное оформление производимого действия. Неотъемлемым элементом уголовно-процессуальной формы является документирование - письменное оформление всех производимых процессуальных действий. Фактические данные имеют значение доказательств по делу лишь в том случае, если они облечены в надлежащую письменную форму. Для следственных действий такой формой являются протоколы (ст. 102 УПК), содержание которых должно соответствовать требованиям ст. ст. 102, 141 УПК. Все иные процессуальные способы собирания доказательств также фиксируются в письменных актах. Наряду с протоколами закон допускает закрепление фактических данных при помощи звукозаписи, фото-, кино-, видеосъемки и других технических

средств, а также в планах, схемах, слепах и т. д. Однако все эти формы служат дополнениями к протоколу соответствующего следственного действия и могут рассматриваться в качестве доказательств только в единстве с ним (ст. 141, 143' УПК).

В итоге **допустимость доказательства** можно определить следующим образом. Это - **соответствие носителя фактических данных требованиям закона, законность процессуального способа их получения, а также соблюдение предусмотренного законом порядка применения того процессуального способа, при помощи которого закрепляются фактические данные.**

Допустимость, таким образом, характеризует два элемента доказательства - объект-носитель и форму закрепления носителя и сведений. Третий элемент - сами фактические данные - этим свойством не обладает.

Достоверность доказательства

В юридической литературе сложилось мнение, что процессуальное доказательство характеризуется лишь двумя правовыми свойствами - относимости и допустимости. Свойство **достоверности доказательства, т. е. истинности, соответствия фактических данных действительности**, в понятие доказательства не включается. Некоторые авторы прямо подчеркивают, что «достоверность доказательства находится за пределами данного понятия. Фактические данные, полученные в установленном законом порядке, считаются доказательствами независимо от того, достоверны они или недостоверны». Проблема достоверности доказательств традиционно рассматривается в процессуальной теории не в понятии доказательства, а при решении вопроса об оценке доказательств.

Итак, какие же юридические свойства присущи доказательству относимости и допустимости либо относимости, допустимости и достоверности? Это не риторический вопрос. Его решение принципиально важно, прежде всего, для понимания сути доказательства в уголовном процессе, а затем и для раскрытия многих иных его положений, поскольку, как отмечалось, доказательство занимает в системе уголовно-процессуального познания место одного из основополагающих элементов.

Предшествующий методологический и нормативный анализ уголовно-процессуального познания позволяет дать такой ответ на поставленный вопрос: достоверность - необходимое свойство процессу-

ального доказательства, которое наряду с относимостью и допустимостью образует необходимое юридическое качество (сущность) средства установления фактов по уголовному делу.

Относимость, допустимость, достоверность - однопорядковые, самостоятельные, не соподчиненные свойства одного и того же явления, характеризующие его каждое со своей стороны, а все в совокупности (всесторонне) как правовое, уголовно-процессуальное явление. Из всего ранее изложенного нетрудно извлечь аргументы в пользу приведенных суждений. Ограничимся здесь рассмотрением некоторых из них.

Прежде всего, обратимся к нормативному определению доказательств по уголовному делу (ст. 16 Основ, ст. 69 УПК). Таковыми признаются не просто фактические данные, облеченные в процессуальную форму, а такие данные, которые «устанавливают (выделено мной. - А. Д.), обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела». Можно ли говорить об установленных, т. е. познанных обстоятельствах, если это сделано при помощи доказательств, достоверность которых не выявлена? Безусловно, нет. Именно поэтому «собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда» (ч. 3 ст. 70 УПК). Такая проверка имеет целью установление доброкачественности каждого доказательства по делу, т. е. выяснение не только его относимости, допустимости, но и достоверности. Проводится проверка до использования доказательства по назначению, до того момента, когда оно будет положено в основу принимаемых по делу процессуальных решений. В противном случае выяснение достоверности доказательства теряет смысл, ибо, зачем проверять доброкачественность средства, если оно уже применено. Именно на такой позиции вольно или невольно оказываются юристы, включающие свойство достоверности из понятия доказательства. Причина этого все та же - отсутствие в теории четкого размежевания доказательств и обстоятельств уголовного дела. В результате достоверность доказательств смешивается с достоверностью обстоятельств или, по-другому, ставится знак равенства между проблемой соответствия действительности информации и проблемы соответствия действительности знания, приобретенного при помощи этой информации. Достоверность доказательств рассматривается юристами как итог всего уголовного-процессуального познания. В действительности же процессуальное познание завершается установлением обстоятельств, и именно проблема их достоверности решается на конечных этапах познавательной

деятельности по уголовному делу, тогда как вопрос о достоверности доказательств исследуется на первоначальных ее ступенях, что обусловлено субординацией средств (доказательств) и целей (обстоятельств).

Достаточность доказательств

В качестве объекта процессуального познания выступает не только отдельное доказательство, изучаемое с позиций относимости, допустимости и достоверности, но и некоторое количество доказательств, определенная; их совокупность. Объясняется это необходимостью «запаса прочности» того информационного фундамента, который служит основой устанавливаемых по делу обстоятельств. Каждое обстоятельство требует, как правило, не одного, а нескольких доказательств. Поскольку в обоснование процессуального решения берется некая сумма (система) обстоятельств, то для принятия такого решения всегда необходимо—много доказательств. Этот аспект уголовно-процессуального познания выражен в понятии «достаточность доказательств». Требование достаточности доказательств содержится в ряде норм уголовно-процессуального закона. Так, в соответствии со ст. 108 УПК уголовное дело может быть «возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления». Согласно ст. 143 УПК лицо привлекается по делу в качестве обвиняемого «при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления». «Признав собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения», следователь знакомит обвиняемого с материалами уголовного дела (ст. 201 УПК).

Закрепив требование достаточности доказательств, закон в то же время не предусматривает каких-либо количественных показателей, определяющих ту или иную их сумму достаточной. Решение этого вопроса предоставлено самому следователю, прокурору, суду, которые «оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием» (ст. 71 УПК).

С методологической стороны проблема достаточности доказательств обусловлена следующими свойствами информации. Первое - множественность информации, т. е. отражение одного факта во многих окружающих его объектах и, следовательно, познание данного

факта через несколько носителей отраженных следов. Второе - полнота информации, означающая разную степень отражения тем или иным отдельным носителем признаков факта. Фрагментарность отдельного доказательства требует некоторого их количества для получения цельной картины устанавливаемого факта, а также события преступления. Третье - истинность, достоверность информации. Сведения, содержащиеся в доказательстве, с разной степенью соответствия действительности указывают на устанавливаемый факт, и поэтому правильное, точное знание о нем может быть получено из многих взаимопроверяемых доказательств.

Таким образом, достаточность доказательств представляет собой «определяемую по внутреннему убеждению совокупность относимых, допустимых, достоверных доказательств, необходимых для установления обстоятельств преступления в соответствии с действительностью и вынесения обоснованных решений в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела».

В понятии достаточности доказательств мы находим еще одно подтверждение неоднозначности доказательств и обстоятельств уголовного дела, информации о прошлом событии и знания о нем, приобретенного при помощи данной информации. Достаточность доказательств - оптимальная база, фундамент познаваемых фактов дела, а при всей взаимосвязи и взаимозависимости фундамент и возведенное на нем здание - не одно и то же. «Доказательства достаточны тогда, - отмечает Л. Т. Ульянова, - когда они в своей совокупности дают основание сделать достоверные выводы по делу. Если достаточность доказательств характеризует средства уголовно-процессуального познания, то достоверность выводов, произведенных при помощи этих средств, - качество постижения цели данного познания.

Итак, доказательства в уголовном процессе исследуются под углом зрения четырех юридических свойств - относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Первые три характеризуют отдельное доказательство. Для признания того или иного доказательства доброкачественным средством установления фактов оно должно быть относимым, допустимым и достоверным. Достаточность выражает то количество доказательств, которого необходимо для истинного познания обстоятельств дела, как каждого, так и всех их в совокупности.

Б. А. Филимонов
Основы теории доказательств в
германском уголовном процессе
Москва, "Спарк", 1994, с. 11-22

Концепция понятия доказательства как источника сведений.

Одна из особенностей теории доказательств в германском уголовном процессе состоит в том, что по сравнению с уголовным процессом других западных государств в ней значительное внимание уделяется исследованию понятия доказательства. Немецкие процессуалисты еще в начале XIX века высказывали ряд теоретических положений, которые позднее сложились в определенную концепцию доказательства как источника сведений. Эта концепция, получившая распространение не только в Германии, пользуется признанием и в современном уголовном судопроизводстве ФРГ.

Ее анализ предполагает исследование основополагающих вопросов, включающих, прежде всего, мировоззренческие, философские идеи, взаимообусловленность средств и цели доказывания, служебную роль доказательств. При этом важное значение имеет выяснение происхождения и развития понятия доказательства в древнегерманском обвинительном и германском инквизиционном процессах. Это понятие складывалось исторически и всегда отражает сущность данного типа уголовного процесса и его форму.

По своей сущности древнегерманский обвинительный процесс был порождением эпохи раннего феодализма с его неразвитостью общественных отношений. В основе понимания доказательств лежало религиозное начало как отражение господствующей идеологии. Система доказательств складывалась из клятвы сторон, суда божьего, поединка. В качестве основного доказательства выступала клятва. Произнося клятву, обвинитель и обвиняемый зывали к богу и в случае произнесения ложной клятвы предрекали себе гибель. Символическое прикосновение к ритуальным предметам должно было обеспечить сверхъестественную ценность слов клятвы и придать ей волшебную силу. Клятва вызывала бога и демонов, чтобы рассудить тяжущихся. Суд божий выражался, в частности, в вылавливании различных предметов из котла с кипящей водой, перенесении раскаленного железа, вышагивании на

раскаленном лемехе, пробе водой и уксусом. Он основывался на идее, что сам бог находится среди спорящих и должен справедливо решить дело. Аналогичный характер имел и поединок. Такие доказательства не находились в естественной связи с доказываемыми фактами. Суть доказывания состояла в строгом соблюдении ритуальной формы и не имела ничего общего с исследованием обстоятельств дела. Доказательства должны были дать непосредственный ответ на вопрос о "виновности" или "невиновности" подсудимого. Иначе говоря, с помощью таких доказательств выявлялась воля божья, которая и решала исход дела.

Понятие доказательства изменилось с возникновением инквизиционного процесса. Возникнув первоначально в Германии как особая форма розыска и расправы с "лихими людьми", инквизиционный процесс постепенно превратился в ординарное средство подавления крепостных крестьян, выступавших против тирании феодальных князей. Поэтому обвинительная форма процесса больше не соответствовала интересам защиты развитого феодального строя, потребностям резкого усиления репрессивной практики абсолютистского государства. Возбуждение уголовного преследования больше не зависело от усмотрения потерпевшего. Принципами инквизиционного процесса стали официальность, т.е. обязанность уполномоченного органа возбудить уголовное дело, и исследование обстоятельств дела по долгу службы. Постепенно потеряли значение и исчезли такие доказательства древнегерманского обвинительного процесса, как суд божий, поединок, а также и клятва. Прежде всего, возникла необходимость в допросе подозреваемого. Это неизбежно породило стремление по возможности подтвердить подозрение признанием вины обвиняемым и тем самым "выработать доказательство, отличающееся наибольшей надежностью" а средством достижения признания вины стала пытка. Она служила феодальному государству в борьбе с врагами, применялась в целях вымогательства сознания обвиняемого, подтверждала всемогущество государства и его неколебимость.

Инквизиционная форма германского процесса получила законодательное закрепление в Уголовном уложении Карла V — "Каролине". Она ввела систему так называемых формальных доказательств. В качестве основного доказательства выступало признание обвиняемым вины, полученное с помощью узаконенной пытки (ст. 23, 58). Свидетельские показания имели второстепенное значение. Они применялись, когда обвиняемый не признал вину добровольно или отказывался от признания вины, сделанного под пыткой (ст. 69). В этих случаях требовалось согласное показание двух или трех заслуживающих доверия доб-

рых свидетелей (ст. 67). Применялся судейский осмотр. С ним было связано возникновение зачаточных форм судебных экспертиз.

Представление о доказательствах, особенно в период становления и расцвета инквизиционного процесса, носило ту же религиозную окраску. По существу теория и система формальных доказательств были не чем иным, как собранием средневековых догм. Указывая на засилье церкви в политической жизни и правосудии феодального общества, Ф. Энгельс писал: "Догмы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия". Так, одно из требований формальных доказательств о необходимом числе свидетелей для подтверждения вины подсудимого, закреплённого, например, в "Каролине", восходило к библейскому изречению, гласящему, что недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине, и в каком-нибудь преступлении, и в каком-нибудь грехе, которым он согрешит, при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей, состоится дело. Поэтому несостоятельны утверждения, что "Каролина" ознаменовала "полную победу системы материальных доказательств", будто "исследование обстоятельств уголовного дела, относящихся к прошлому, производилось с помощью рациональных средств познания". В действительности так называемые материальные доказательства не были и не могли быть рациональными средствами познания. Они носили религиозный характер и были связаны главным образом с насильственными методами вымогательства признания вины подсудимым.

К позднему периоду инквизиционного процесса, относится зарождение попыток философского истолкования природы доказательства. В основе таких попыток лежали идеи эмпиризма, исходящие из того, что чувственное восприятие (опыт) является надежным и единственным источником познания. Касаясь доказательств, А. Фейербах рассматривал их как средства чувственного судейского познания. Он особо выделял судейский осмотр как непосредственное чувственное восприятие и подчеркивал его высокий ранг по сравнению с опосредствованным познанием, в частности показаниями свидетелей. Продолжая исследования на той же философской основе, А. Миттермейер указывал, что восприятие наших органов чувств, чувственная очевидность должны быть единственным источником знания. Доказательства основываются на непосредственной или опосредствованной чувственной очевидности. Любые средства, которые в состоянии установить досто-

верность, можно рассматривать как доказательства, поскольку они базируются либо на собственном чувственном наблюдении — это судейский осмотр, либо на сведениях, полученных другими лицами путем собственного восприятия. К ним относится признание обвиняемым вины, которое выражает непосредственную чувственную очевидность. Подсудимый сам наблюдал событие преступления, лучше всех знает обстоятельства дела, и его сведения заслуживают доверия. Это же касается и свидетельских показаний, ибо свидетель ссылается на свое собственное чувственное восприятие. А. Миттермейер делает вывод, что доказательством должен рассматриваться любой предусмотренный законом источник (Quelle), который может быть достаточным, чтобы судья сформировал убеждение и в постановленном приговоре признал релевантные факты истинными.

Таким образом, в инквизиционном процессе под доказательством понимался источник сведений. Ему придавалась предустановленная доказательственная сила. По делу требовалось лишь наличие тех или иных источников и не имело значения, соответствуют ли действительности полученные с их помощью сведения. Если и говорилось о фактах, фактических данных (позднее, например, Баварское уголовное уложение 1813 г. упоминало об уликах, т.е. фактах находящихся в естественной связи с преступлением и лицом, его совершившим, называло их доказательством), то все эти фактические данные характеризовались полной изолированностью от источников и понятием доказательства не охватывались. Поскольку речь шла об источниках, то система доказательств представляла конгломерат разных по своей природе источников: предметы (вещи), физические лица, их показания, следственные действия. А. Фейербах доказательствами, например, считал: 1) осмотр эксперта и его заключение; 2) свидетелей; 3) документы; 4) показания обвиняемого. К ним также причислялись признание обвиняемым вины, улики.

По сравнению с древнегерманским обвинительным процессом в инквизиционном процессе исследовались обстоятельства уголовного дела. Э. Шмидт даже указывает, что сущность так называемых материальных доказательств состояла в достижении объективной истины фактов. Но это исследование носило сугубо формальный характер. Под "истиной", о которой, например, упоминала "Каролина", понималось полученное с помощью изощренных пыток признание обвиняемым вины. "Разве первобытно-грубая пытка, — писал К. Маркс, — не опровергала пустую теорию о том, что кровопусканием не обнаруживается истина, что растягивание позвоночника на лестнице пыток не лишает

человека стойкости, что судорога боли не есть признание". В инквизиционном процессе никогда не ставился вопрос о достижении объективной истины, и сама система формальных доказательств это полностью исключала.

Но и после отмены пытки (например, в Пруссии в 1740 г., в Баварии в 1808 г.) было отвергнуто только применение специальных орудий пыток, "но ни в коем случае не розга, карцер, перевод на голодный паек, и все эти средства физического насилия считались необходимыми и разрешенными". Телесные и другие наказания применялись по закону за отказ обвиняемого отдачи показаний, за дачу так называемых нелепых, вздорных, непонятных показаний, за ложные показания, упорное, закоренелое отрицание вины. Получила развитие "система психического и физического принуждения, которая превратилась в искусство осуждения обвиняемого". Применялись различного рода хитрости, увещания, угрозы, мучительства, наводящие вопросы, запугивание обвиняемого. Обвиняемый был бесправным объектом расследования и наказания перед лицом всемогущего судьи, который объединял в своих руках функции обвинения, защиты и разрешения дела. Система формальных доказательств вплоть до второй половины XIX в. была средством расправы. Отдельные немецкие государства вели беспощадное преследование буржуазии в ее борьбе за политическую власть, подавляли любое движение за объединение Германии, в частности так называемых демагогов, представлявших либеральные круги буржуазии и студенческие союзы. Касаясь именно этого периода, К. Маркс писал: "...никогда и нигде не было такого множества арестов и приговоров, никогда крепости не были так переполнены политическими заключенными, как при этом "справедливом" монархе, особенно если вспомнить, какими невинными простаками были эти демагоги".

Инквизиционный процесс был ликвидирован в Германии в результате буржуазной революции 1848 г. Германская буржуазия, освобождаясь от феодальных пут в области уголовного правосудия, создала уголовный процесс на новых буржуазно-демократических принципах — гласности, законности, устности, непосредственности, права обвиняемого на защиту, свободной оценки доказательств.

Но переход к свободной оценке доказательств и закрепление этого принципа в общегерманском УПК 1877 г. не повлекли каких-либо изменений в теоретических взглядах на доказательство. В полной мере были восприняты идеи чувственного эмпиризма. Во всех случаях, отмечал Ю. Глазер, когда требуется установить определенные обстоятельства, события прошлого, эмпирическую достоверность, это делает-

ся путем личного восприятия судьей или использования показаний людей". Позже Я. Гольдшмидт также писал, что в качестве доказательств должно рассматриваться все, что может чувственно восприниматься судьей или сообщаться судье другими лицами. Поэтому существуют два пути доказывания: во-первых, за счет непосредственного чувственного восприятия предметов, как судебский осмотр; во-вторых, сообщение судье чувственного восприятия, сделанного другим лицом, типичным примером которого является показание свидетеля, содержание документа, заключение эксперта". Решение проблемы понятия доказательства на основе чувственного эмпиризма Я. Гольдшмидт рассматривал как "достижение современного рационалистического доказательственного права".

Такой изначальный методологический подход пользуется признанием и в теории доказательств современного уголовного процесса ФРГ, Ю. Редиг в работе "Теория процесса судебного познания", касаясь теоретико-познавательного аспекта доказательств, их традиционной классификации, говорит о доказательстве как источнике сведений, различает первичные и вторичные источники, называет доказательствами вещи, предметы, которые должен запечатлеть судья путем чувственного восприятия". О сохранении эмпирического уровня знаний в определении понятия доказательства говорит и та роль, которая отводится в уголовном процессе ФРГ судебскому осмотру. "Судейский осмотр, — подчеркивает У. Вестхоф, — занимает первое место среди доказательств, поскольку судья опирается на собственное восприятие..., является существенным достижением германского инквизиционного процесса и неоценимым вкладом в развитие уголовного процесса". По-прежнему в содержание понятия доказательства не включаются фактические данные. Ф. Краузе замечает, что если раньше существовал взгляд, согласно которому улики, т.е. фактические данные, считались доказательствами, то это, по его мнению, давно преодолено".

В процессуальной литературе ФРГ прослеживается такой подход. Что если и затрагивается вопрос о понятии доказательства, то само понятие не раскрывается. В одних случаях просто приводится система доказательств, которая была принята еще в инквизиционном процессе и включала различные по своей природе источники сведений. Указывается, например, что доказательствами являются обвиняемый, свидетели, эксперты, осмотр и документы или вместо обвиняемого фигурирует его показания, в качестве доказательства рассматривается так называемый посредник доказывания. В других — приводится общепринятая в германском буржуазном уголовном процессе и единственная класси-

фикация доказательств по признаку источника сведений. М. Альсберг писал, что доказательства делятся на вещи и лица. Вещи служат доказыванию своим внешним видом, свойствами, качествами (объекты судебного осмотра), запечатленными на них человеческими мыслями в виде письменных записей (документы); лица — за счет их физических особенностей, состояния (объекты освидетельствования), сообщаемых сведений, и речь, прежде всего, идет о свидетелях. Но такая классификация, как это признается и в процессуальной литературе ФРГ, приводит к искусственному объединению различных по своей природе источников в изолированные группы и не решает проблемы, вызывает противопоставление вещественных доказательств как лучших личным доказательствам как худшим.

Идеалистическая сущность концепции доказательства как источника сведений состоит в абсолютизации чувственной формы познания, в игнорировании важного значения рациональной формы познания, в придании явственному восприятию значения единственного источника познания и критерия достоверности знания. С точки зрения эмпиризма, чувственное восприятие является не только источником, но и содержанием знания. Происходит отождествление содержания знания с источником восприятия. И поэтому под доказательством понимается источник сведений. Чувственное познание способно отражать внешнюю сторону вещей, имеет дело с миром явлений, сводится к созерцательности, описательности, в то время как рациональное познание проникает в сущность вещей, охватывает внутренние необходимые связи. Именно поэтому оказываются нераскрытыми сущность, содержание, внутренняя структура доказательства. Они выступают только своей внешней, натуралистической стороной как вещь, физическое лицо, показания такого лица. Выхолащивается содержательная сторона понятия доказательства.

Если обращение к идеям чувственного эмпиризма в инквизиционном процессе было прогрессивным, отражало стремление к философскому осмыслению фундаментального понятия доказательственного права, к отказу от средневековой схоластики, постулатов системы формальных доказательств, то их использование для теоретического обоснования понятия доказательства в буржуазном процессе является неоправданным. С переходом к свободной оценке доказательств ситуация коренным образом изменилась. Источник сведений потерял свое исключительное значение, предустановленную доказательственную силу. Становится безразличным, из какого источника получены фактические данные. Старое представление о доказательстве как источнике

сведений вступает в противоречие с принципом свободной оценки доказательств. Поэтому понятие доказательства не может сводиться только к источнику сведений. В процессуальной литературе ФРГ признается, что в отношении основного понятия доказательства "существует большая неясность". Однако понятие доказательства все равно рассматривается с точки зрения сведений (является ли, например, доказательством сам свидетель или его показания). Целям доказывания служат не сами по себе вещи или лица, не сами свойства, качества вещи, не сами показания обвиняемого или свидетеля, а фактические данные о свойствах и качествах вещей, содержание показаний. Раскрытию природы доказательства служит положение о том, что "чувственное представление не есть существующая вне нас действительность, а только образ этой действительности". Поэтому доказательство всегда имеет объективное содержание (отраженный факт объективной реальности) и субъективную форму (отражение в сознании конкретного субъекта) — элементы, характерные для любого процесса познания, в том числе и для процесса познания, которое происходит при формировании доказательства.

Практический смысл концепции доказательства как "источника сведений" заключается в том, что источнику придается самостоятельное доказательственное значение. Решающим становится наличие по делу предусмотренных законом источников. Вследствие этого возникает возможность использования неконкретных, предположительных сведений. Если доказательством является сам обвиняемый или свидетель, то основное внимание полиции, прокуратуры, суда концентрируется на их личности, поведении в процессе. Специфическую окраску приобретает и оценка доказательств. В обязанность суда, согласно разъяснению Верховного суда ФРГ, вменяется оценка самопроявлений обвиняемого, улавливаемых реакций во время оглашения процессуальных актов, внешних проявлений и физического состояния допрашиваемых как результата допроса, возникающих у судьи впечатлений. Судейское убеждение, таким образом, в значительной мере формируется не на основании объективных фактов, а под воздействием различных впечатлений и зависит от субъективистских взглядов судьи. Германский законодатель, кажется, понимал несоответствие между заимствованным из инквизиционного процесса понятием доказательства и принципом свободной оценки доказательств, представлял опасность возврата к различным формам воздействия на обвиняемого, рецидива произвола, но пытался устранить это несоответствие своеобразно. Принятый в 1877 г. германский УПК, отказываясь от признания какой-либо особой доказа-

тельственной силы за показаниями обвиняемого, в которых он признает вину, в то же время вообще не считал обвиняемого доказательством. Эту позицию до поры и времени отстаивал и германский имперский суд, разясняя (например, в 1883 г., в 1914 г.), что допрос подсудимого имеет существенное значение для формирования судейского убеждения, но обвиняемый доказательством в процессуальном смысле не является. Но такой отказ был формальным, ибо понятие доказательства оставалось прежним, а потребность в осуществлении определенной практики не могла обойтись без такого доказательства, как обвиняемый. И произошел возврат к худшему пережитку инквизиционного процесса. Германский имперский суд в 1919 г. своим руководящим разъяснением придал признанию подсудимым вины особое доказательственное значение, указав, что осуждение подсудимого может последовать исключительно на основании признания вины и других доказательств по делу не требуется.

Н. М. Кипнис
ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
в уголовном судопроизводстве
Москва, "Юрист", 1995, с. 12-27

Допустимость — необходимое свойство доказательства

Понятие доказательства

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве дается развернутое определение доказательства (ст. 69 УПК РСФСР). Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь или суд устанавливают наличие или отсутствие общественно-опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами.

Авторы Теоретической модели УПК, а также авторы проекта Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и республик предлагают в принципе похожие определения, но с заменой слова «фактические данные» на слово «сведения». Это предложение представляется правильным, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, «фактические данные», о которых говорится в чл. ст. 69 УПК РСФСР «в жизни, на практике появляются в виде сведений об имевшем место в прошлом событии, их сообщают следователю, суду свидетели, потерпевшие, обвиняемые или получают при осмотре места происшествия, вещей, изучении документов».

Итак, под фактическими данными, о которых говорится в законе, следует понимать содержащиеся в доказательствах сведения, информацию о прошлых событиях. По своему содержанию фактические данные могут быть самыми разнообразными в зависимости от того, фактические обстоятельства какого преступления нужно установить. Для установления обстоятельств дела могут быть использованы любые сведения об этих обстоятельствах. Но доказательство по уголовному делу

всегда имеет не только фактическое содержание, но и процессуальную форму получения, сохранения и воспроизведения необходимой информации. Процессуальной формой: получения, сохранения и воспроизведения информации являются те предусмотренные законом источники, из которых правоприменительные органы такую информацию получают. Эти источники фактических данных перечислены в ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, причем перечень их является исчерпывающим; сведения (фактические данные), полученные из других источников, не смогут стать доказательствами по уголовному делу, поскольку не будут отвечать требованиям допустимости. Таким образом доказательство по уголовному делу выступает в единстве своего содержания (фактические данные или сведения) и процессуальной формы (источник получения фактических данных).

«Определение доказательств, данное в ст. 16 Основ, раскрывает соотношение и между процессуальной и логической сторонами понятия доказательства — соотносимыми, но не тождественными. В логике доказательством (с точки зрения процессуальной терминологии) является аргумент, довод, подтверждающий выдвинутый тезис или опровергающий тезис, противоположный ему; мысль, обосновывающая или опровергающая другую мысль. Доказательства в уголовном судопроизводстве — это фактические данные, содержащиеся в законом установленном источнике».

В теории уголовного процесса не достигнуто единства взглядов в отношении содержания понятия «судебное доказательство», однако независимо от того, какую позицию занимают авторы, все едины в том, что источники фактических данных могут иметь доказательственное значение лишь при условии, если они отвечают требованию допустимости.

Вопрос о допустимости доказательств в русской дореволюционной литературе и законе

Русский процессуалист Н.Н. Розин писал о допустимости доказательств следующее: «Второе правило доказывания (**помимо «основного правила» — относимости — Н.К.**) заключается в том, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны быть подтверждаемы лишь доказательствами с процессуальной точки зрения допустимыми. Не всякое доказательство в бытовом смысле может быть допущено и принято во внимание судом. Допустимость доказательств обуславливается, прежде всего, их надежностью и безупречностью -с

внутренней, психологической точки зрения. В этом смысле теория процесса делит доказательства на первичные, получаемые из первоисточника (свидетель лично наблюдал факт, документ устанавливает факт), и вторичные, получаемые из вторых рук (свидетель слышал о факте, копия документа, подтверждающего факт), и рекомендует суду пользоваться более достоверными, первичными доказательствами, а вторичными лишь тогда, когда нет возможности добыть первичное доказательство. По тем же основаниям рекомендуется лишь осторожное пользование подозрительными доказательствами, например, показаниями заинтересованных свидетелей, духовно ослабленных лиц и т.п., и ряд таких доказательств, как явно недостоверных, отсекается самим законом. Таковы, например, по нашему праву, показания душевнобольных (безумных и сумасшедших — ст. 93 п. 1, ст. 704 п. 1 Устава уголовного судопроизводства). С другой стороны, допустимость доказательства может ограничиваться соображениями, лежащими вне процесса и заключающимися в оберегании государством различных интересов, представляющихся более важными, чем интерес допущения к делу того или иного доказательства. По нашему праву к этой группе недопустимых доказательств относятся показания лиц, на которых лежит особо уважаемая государством обязанность профессиональной тайны: показания священников в отношении к признанию, сделанному на исповеди (ст. 93 п. 2, ст. 704 п. 2. Устава уголовного судопроизводства), и поверенных и защитников обвиняемых — в отношении к признанию, сделанному им доверителями во время производства о них дел (ст. 93 п. 3, ст. 704 п. 3 Устава уголовного судопроизводства)».

Таким образом, под допустимостью доказательств Н. Н. Розин понимал возможность установления (подтверждения) любых обстоятельств, подлежащих доказыванию лишь посредством тех доказательств, которые указаны в законе и использование которых прямо законом не запрещено (негативная концепция допустимости). Розин выделяет также и ненормативный аспект допустимости, который по своей сути является еще. одним свойством доказательств (или правилом доказывания) — достоверность, когда говорит о предлагаемом наукой делении доказательств на первичные и вторичные. Здесь автором, по сути, выражены два положения английской концепции доказательственного права — правило «о наилучшем доказательстве» и правило об исключении свидетельства «по слуху» (hearsay), которые, в принципе, не были известны дореволюционному праву, хотя и содержались в теоретических рекомендациях.

А.Ф. Кони предлагает несколько иной взгляд на оценку доказательстве точки зрения их допустимости по источнику, содержанию и психологическим свойствам, когда закон формально не запрещает использовать определенные сведения в качестве доказательств. Кони указывает, что «само процессуальное право признает законность вторжения в область своего применения требований нравственности и стараются в тех случаях, где эти требования можно осуществить прямыми предписаниями, дать им необходимое выражение (ст. ст. 93, 704, 705 Устава уголовного судопроизводства); есть, однако, много случаев и положений, ускользающих от внешней регламентации закона... Особенно обширным является влияние нравственных соображений в таком важном и сложном деле, как оценка доказательств по их источнику, содержанию и психологическим свойствам, как выяснение себе, позволительно ли, независимо от формального разрешения закона, с нравственной точки зрения пользоваться тем или другим доказательством вообще или взятым в его конкретном виде? Следует ли вообще и если следует, то можно ли безгранично пользоваться дневником подсудимого, потерпевшего как доказательством?» В результате рассуждений А.Ф. Кони приходит к выводу, что «дневник очень опасное, в смысле постижения правды, доказательство. В дневнике следует пользоваться лишь фактическими указаниями, отбросив всю личную сторону». Таким образом, А.Ф. Кони дает обоснование концепции психологической недопустимости доказательства независимо от разрешения или запрещения формального закона. Мерилом допустимости доказательств он избрал критерий нравственности.

Итак, мы видим, что русские дореволюционные процессуалисты выделяли в оценке доказательств, в частности, такие элементы, как допустимость и достоверность, причем считали условие допустимости необходимой предпосылкой достоверности.

Русскому дореволюционному праву была известна и концепция позитивной допустимости доказательств. «Несомненно право и вместе обязанность суда, — писал Вл. Случевский, — основывать внутреннее убеждение свое на всех доказательствах, могущих содействовать обнаружению материальной истины. Устав знает, однако, исключения:

а) по преступлениям диффамации суд, определяя ответственность виновного в печатном оглашении о должностных лицах таких обстоятельств, которые могут повредить их чести, достоинству и доброму имени, допускает доказательства позорящего обстоятельства не иначе, как в форме предъявленных со стороны подсудимого письменных доказательств и то только в тех случаях, когда такие обстоятельст-

ва касаются служебной или общественной деятельности этого лица, причем Сенат разъяснил, что под понятием письменных доказательств в этом случае следует разуметь всякие письма и официальные или неофициальные документы, могущие иметь для уголовного дела значение доказательств, если только эти документы не заключают в себе изложение показаний свидетеля. Но устанавливая таким образом ограничения в исследовании доказательств, подлежащих расследованию по делам о диффамации должностных лиц, закон не нарушает этим основного начала оценки судом уголовных доказательств по внутреннему его убеждению;

б) возраст подсудимого точно также не терпит применения всех уголовных доказательств с целью выяснения его. Когда, говорит закон (ст. 413 Устава уголовного судопроизводства), возраст обвиняемого может иметь влияние на вменение ему содеянного в вину или на определение ему наказания, то показание о его летах проверяется справкою из метрических книг, а за неимением их, из ревизских сказок или других документов; за невозможностью же этих справок возраст обвиняемого определяется посредством освидетельствования его через судебного врача. Метрические выписки не служат, однако, для уголовного суда неопровержимым, предустановленным доказательством. Таким же образом на практике выясняется возраст потерпевшего от преступления лица при встречающейся к этому надобности, с тем при этом, однако, ограничением, что освидетельствование врачом не может, по толкованию Сената, заменить собою требуемой законом справки из документов (69/958; 70/65);

в) точно так же не всякое доказательство может быть допущено для удостоверения судимости лица, занятия, особых заслуг и отличий (ст. 414 Устава уголовного судопроизводства). Справки о личном состоянии собираются: о дворянах — от дворянских депутатских собраний и уездных предводителей дворянства; о потомственных и личных почетных гражданах и купцах — от сословных управ; о чиновниках, если у них нет указов об отставке, — от подлежащих начальств; о состоящих на военной службе — от подлежащих команд.

Таким образом, для установки на суде всех только что указанных обстоятельств, суд не может прибегать к помощи свидетельских показаний, так же как не может предлагать присяжным заседателям соответствующих вопросов для их решения (67/613)».

Вопрос о допустимости доказательств в литературе, законодательстве и практике Российской Федерации

В принятых в 1958 г. Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в 1960 г. УПК РСФСР институт допустимости прямого нормативного закрепления не получил. Вывод о признании законодателем за доказательствами такого свойства, как допустимость вытекает из анализа принципов уголовного процесса и иных уголовно-процессуальных норм, в особенности ст. 69 УПК РСФСР, в которой дается определение понятий «доказательство».

Анализ процессуальной литературы позволяет выявить различия в подходе ряда авторов к определению понятия «допустимость доказательств».

Так, М.С. Строгович считает, что допустимость доказательства — это его способность как источника сведений о факте быть средством установления этого факта. Строгович выделяет два условия допустимости доказательств:

1) соответствие источника сведений определенным условиям, указанным в законе (ст. 16 Основ);

2) облечение этих источников в определенные процессуальные формы, предусмотренные законом (ст. ст. 150, 151, 152, 155-161, 184-194 и др. УПК РСФСР).

М. С. Строгович предлагает также делить правила о допустимости доказательств на имеющие негативный и позитивный характер. Правила о допустимости доказательств, имеющие негативный характер, указывают, какие средства, источники не допускаются, не применяются для установления фактов по делу (ст. ст. 72, 74 УПК РСФСР; ст. 309 УПК РСФСР, где сказано, что обвинительный приговор нельзя основывать на предположениях, — из этого следует, что не имеют доказательственной силы показания свидетеля и заключения экспертов, в которых высказываются предположения о тех или иных фактах, но не содержится категорических утверждений относительно этих фактов), а правила о допустимости доказательств, имеющие позитивный характер, указывают, что для установления некоторых обстоятельств необходимы определенные доказательства. Положительно оценивая указание М.С. Строговича на выделение позитивного и негативного способов законодательного регулирования допустимости доказательств, авторы курса «Теория доказательств в советском уголовном процессе» вместе с тем не соглашаются с М.С. Строговичем, что «правила о допустимости доказательств имеют главным образом негативный характер». Они указывают, что правила о допустимости доказательств — это правила о надлежащей форме доказательств, а негативный метод имеет

здесь вспомогательный характер. Думается, что и позитивный метод тоже имеет вспомогательный характер, хотя в настоящее время этот метод в законодательном регулировании допустимости не применяется.

Примером позитивного метода регулирования М.С. Строгович считал указания ст. 79 УПК РСФСР на случай обязательного проведения экспертизы. «Для установления обстоятельств, указанных в ст. 79 УПК, необходимо в качестве доказательства заключение экспертов, и эти обстоятельства не могут быть доказаны иными доказательствами (например, свидетельскими показаниями)». Подобный взгляд не получил однако распространения в литературе. Вл. Случевский хотя и относил к случаям обязательного использования определенных доказательств «все те обстоятельства, для оценки которых требуется применение особых знаний, то есть приглашение экспертов», тем не менее, отмечал, что привлечение таковых не исключает возможности применения других доказательств в целях выяснения подлежащих оценке суда обстоятельств (например, вопрос о состоянии умственных способностей подсудимого, ст. 353 Устава уголовного судопроизводства).

Негативный метод регулирования допустимости доказательств осуществляется законодателем двумя путями: включением прямого запрета в УПК (ст. ст. 72, 74) или включением косвенного запрета, когда формулируются нормы, более общего характера, из которых в качестве одного из следствий вытекают условия и случаи недопустимости определенной информации. Так, из формулировки ст. 78 УПК РСФСР о назначении экспертизы, когда по делу необходимы специальные познания в науке, технике и т. д., вытекает недопустимость заключений, базирующихся на методах, не получивших еще научного обоснования.

Авторы курса «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» (М., 1966) определяют допустимость доказательства как его соответствие требованиям процессуального закона относительно источника, условий, способов получения и процессуального закрепления фактических данных о существенных обстоятельствах дела. Решение вопроса о допустимости доказательств должно зависеть от источника фактических данных и от получения и закрепления их в надлежащей процессуальной форме, которая является надежной гарантией доброкачественности сведений, содержащихся в данном источнике информации (см. с. 269). Далее авторы указывают, что «из правил, регулирующих допустимость доказательства по виду источника, вытекает, что:

а) недопустимо использовать в процессе доказывания фактические данные, не закрепленные в деле в виде одного из источников (в частности, ссылки на доказательства, не приобщенные к делу);

б) нельзя использовать в качестве доказательств фактические данные, содержащиеся в источниках, не предусмотренных процессуальным законом (например, оперативные материалы);

в) недопустимы в качестве доказательств фактические данные, если форма их внешне и соответствует предусмотренной законом, но по существу лишена некоторых существенных признаков последней (анонимные письма и заявления не соответствуют требованиям ст. 110 УПК РСФСР)». Авторы подчеркивают также, что «помимо общих признаков каждого вида доказательств по источнику, процессуальный закон указывает в некоторых случаях дополнительные признаки». Во втором издании «Теории доказательств...» были обобщены и выделены «следующие условия допустимости фактической информации, собираемой по делу: а) известность и возможность проверки ее происхождения; б) компетентность и осведомленность лиц, от которых она исходит и которые ее собирают; в) соблюдение общих правил доказывания, г) соблюдение правил собирания данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений; д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле; е) отказ от включения в нее догадок и предположений»

С. А. Шейфер под допустимостью доказательства понимает качество этого доказательства, связанное с его надлежащей процессуальной формой. Доказательствами же по делу являются фактические данные, облеченные в надлежащую процессуальную форму. С. А. Шейфер не выделяет признак законности источника фактических данных в качестве самостоятельного условия допустимости доказательств, поскольку, по его мнению, «все то, что в теории уголовного процесса называется источниками (видами) доказательств или средствами доказывания (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР), есть не что иное, как требуемая законом процессуальная форма, в которой может быть воплощена и зафиксирована доказательственная информация, полученная органами расследования или судом в процессе собирания доказательств, причем сама эта форма определяется особенностями заключенной в ней информации и способами ее получения». С. А. Шейфер детализирует круг случаев, когда доказательство следует считать недопустимым:

1) закон заранее признает недопустимыми доказательства, полученные путем восприятия тех объектов, в которых следы преступления могут отразиться искаженным образом (анонимные письма; п. 2 ч.2 ст.

72 УПК РСФСР). Не имеет доказательственного значения и информация, происхождение которой и связь с исследуемым событием невозможно проследить (ст. ст. 74, 75; 309 (предположения) УПК РСФСР). Во всех таких случаях недопустимость доказательства связана с условиями образования следов преступления;

2) недопустимость доказательств Может быть порождена и условиями восприятия доказательственной информации. Так, не могут быть признаны допустимыми доказательства, полученные способами, не предусмотренными законом (выборка, произведенная служебно-розыскной собакой);

3) недопустимость доказательства порождает и неправильный выбор познавательных приемов (их несоответствие характеру отображаемой информации) хотя и примененных в рамках известных закону способов получения фактических данных (очная ставка, проведенная вместо опознания, непригодна для выделения опознаваемого из числа объектов, заведомо непричастных к делу). Такие же последствия наступают в случаях, когда следователь или суд при получении доказательств произвольно изменяют требуемое законом сочетание познавательных средств, что проявляется в существенных отступлениях от порядка проведения следственного действия, вызывающих искажение информации;

4) доказательство может быть признано недопустимым и в случае, когда примененный познавательный прием оказывается недостаточно эффективным, т. е. обеспечивает отображение столь малого количества информации, но она практически не может быть использована для установления истины.

Нам представляется, что приведенная детализация не является полной. Обоснованно связывая допустимость доказательства с его надлежащей процессуальной формой, автор показывает влияние последней на достоверность доказательственной информации. Требования закона о допустимости доказательств автор объясняет стремлением законодателя обеспечить надлежащим образом познавательный процесс, устранив искажения в восприятии фактической информации. Но, разделяя точку зрения ряда ученых о том, что доказывание имеет две стороны — познавательную и удостоверительную, С.А. Шейфер в то же время говорит только об одном аспекте доказывания — познавательном, в то время как требования допустимости связаны с удостоверительным аспектом, имея своей целью обеспечить достоверность аспекта познавательного (с этой целью законодатель и регламентирует требования допустимости, учитывая специфику отражения следов пре-

ступления на объектах различным образом). Последний же из рассматриваемых С.А. Шейфером случаев (пункт 4) вообще, на наш взгляд, относится не к допустимости, а к оценке доказательств с точки зрения его достоверности и к оценке доказательств в их совокупности.

Г.М. Резник считает, что «признать доказательство допустимым — значит сделать вывод о соблюдении требований закона, предъявляемых к его процессуальной форме, которая включает в себя: а) источник; б) условия; в) способы получения и закрепления сведений об обстоятельствах дела». В отличие от ранее рассмотренной концепции С.А. Шейфера (источник = процессуальная форма), данная концепция включает все элементы допустимости в понятие «процессуальная форма».

В литературе была высказана точка зрения, согласно которой можно придавать доказательственное значение результатам использования аппаратуры, предназначенной для регистрации изменения физиологических параметров допрашиваемых, в случаях, когда с помощью этой аппаратуры устанавливается не достоверность или ложность показаний, а «...местонахождение трупа, орудий преступления, похищенных вещей, что само по себе могло бы служить доказательством по делу, независимо от источника полученных сведений». Данное предложение, заставляющее нас вспомнить американскую доктрину «плоды отравленного дерева», по мотивам необходимости соблюдения требования законности применительно к источнику фактических данных и процессуальной форме их получения было подвергнуто обоснованной критике.

В уголовно-процессуальной литературе последних лет также разрабатывалось понятие «допустимость доказательств».

Н. С. Алексеев указывает, что «сведения о фактах могут быть доказательствами, если они: 1) устанавливают или опровергают подлежащие доказыванию обстоятельства уголовного дела (свойство относимости доказательств); 2) почерпнуты из указанных в законе источников и 3) получены в законом установленном порядке (2-3 — свойство допустимости доказательств) Допустимость доказательств определяется законом, устанавливающим, какие источники сведений о фактах могут быть использованы для получения доказательств. Допустимость доказательств предполагает знание происхождения сведений и возможность их проверки (**знание источника сведений — Н.К.**), возможность восприятия их лицом, которое об этих сведениях сообщает, соблюдение как общих правил доказывания, так и правил собирания и фиксации информации определенного вида (ст. ст. 17, 20, 72-88, 143-

194, 278-294, 345, 392, 397 УПК РСФСР), соблюдение правил, регламентирующих определенную стадию процесса и определяющих правомочие лица, ведущего производство по уголовному делу»². Точка зрения Н.С. Алексеева на условия (аспекты) допустимости близка точке зрения авторов курса «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Важно, что Н.С. Алексеев, как и авторы «Теории доказательств...», выделяет среди аспектов допустимости соблюдение правил, определяющих правомочие лица, ведущего производство по уголовному делу. Признание этих правил составной частью требования допустимости позволит повысить гарантии законности в уголовном процессе.

По определению П. А. Лупинской «допустимость доказательств включает: а) получение сведений из одного из перечисленных в законе источников; б) получение доказательств с соблюдением процессуальных правил; в) правильный выбор надлежащего источника сведений, особенно в случаях, когда закон предписывает получить определенный вид доказательства (ст. 79 УПК)». В дальнейшем изложении автор раскрывает содержание пункта «б», хотя можно делать это и в рамках общей классификации аспектов допустимости. Выделение же положения, указанного в пункте «в», на наш взгляд, неоправданно, так как оно является составной частью тезиса, обозначенного в пункте «а».

А. А. Костаков различает три свойства допустимости доказательств: законность источника фактических данных; законность способа получения фактических данных; законность закрепления фактических данных (т. е. соответствие норме УПК формы их фиксации). При этом представляется неоправданным включение автором в содержание основных правил закрепления фактических данных, регулирующих допустимость доказательств (третье свойство допустимости), — наличие правомочий у органа или лица на производство соответствующего следственного действия. Признак компетентности органа или лица, осуществляющего производство по делу, представляется настолько важным, что заслуживает выделения в качестве самостоятельного аспекта (свойства) допустимости доказательств. К тому же не совсем правильно отождествлять порядок производства следственного действия (законность закрепления фактических данных) и правомочность лица на его проведение, так как это разные аспекты процессуальной формы.

В 1986 г. Н.В. Сибилевой была защищена кандидатская диссертация на тему «Допустимость доказательств в советском уголовном процессе» основные положения которой отражены в ее книге с аналогичным названием. Анализ ст. 69 УПК позволяет Н.В. Сибилевой

«представить сущность судебного доказательства в тесной связи следующих элементов:

а) фактических данных; б) источников сведений о них, указанных в законе; в) процессуальных способов закрепления их управомоченными на то субъектами уголовно-процессуальной деятельности».

Н.В. Сибилева обоснованно отмечает, что «указанные элементы могут рассматриваться как относительно самостоятельные лишь в научном плане, в практической же деятельности они представляют собой органическую взаимосвязь». Автор определяет допустимость доказательств как признанную законодателем возможность использования данного источника в качестве процессуального носителя информации о фактических данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу, а также процессуального закрепления этой информации управомоченными на то лицами или органами в установленном законом порядке (посредством действий) при соблюдении норм коммунистической нравственности.

Выявление свойств допустимости охватывает оценку: а) соответствия источника фактических данных требованиям ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР; б) правомочий субъекта уголовно-процессуальной деятельности на процессуальное закрепление доказательств установленным в законе способом, а также законности и этичности реализованных тактических приемов,

В определении допустимости доказательств, данным Н.В. Сибилевой, фраза «при соблюдении норм коммунистической нравственности» не является данью времени. Излишне там только слово «коммунистической», остальная же часть фразы отвечает предложенным автором трем критериям допустимости судебных доказательств, а именно: процессуальности, этичности, научности.

«Процессуальность означает, что не только источники фактических данных, но и способы и средства закрепления содержащейся в них информации должны отвечать требованиям уголовно-процессуального закона».

Требования этической допустимости вытекают из обязанности лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда не унижать честь и достоинство личности. В ст. ст. 172, 181, 183 УПК РСФСР содержится указание на применение определенных этических норм при проведении личного обыска, освидетельствования, следственного эксперимента, а в ст. 20 УПК РСФСР — прямое указание на недопустимость получения показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер; однако в нормах, регламентирующих производство иных следст-

венных действий (экспертиза, осмотр, опознание), таких указаний нет. Вместе с тем уголовно-процессуальная деятельность неизбежно связана с вторжением в область прав и свобод граждан, поэтому выполнение требований закона об уважении достоинства личности, справедливости принимаемых решений имеет в уголовно-процессуальном праве особое значение.

Определение критерия научности Н. В. Сибилева не приводит, однако указывает на необходимость определения общих критериев допустимости научно-технических средств в доказывании: их научности и проверяемости результатов в сочетании с изложением условий и порядка применения технических средств.

Нам представляется, что этичность и научность не являются критериями допустимости доказательств. Если и выделять какой-то критерий, то только один — процессуальность. Допустимость — это строго формальное понятие, означающее соответствие источника фактических данных и облекающей его процессуальной формы требованиям закона. Если при проведении следственного эксперимента унижены честь и достоинство участвующих в нем лиц, то результаты должны быть лишены доказательственного значения ввиду нарушения требований процессуальной формы, а не этических норм. То же самое относится и к критерию научности. Если заключение эксперта не основано на научных познаниях в противоречие с целями проведения данного действия, то оно лишается доказательственного значения опять-таки потому, что нарушены требования процессуальной формы (п. 4 ст. 67 УПК РСФСР — основания отвода эксперта ввиду его некомпетентности; ст. 78 УПК РСФСР — необходимость специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле; ч. 2 ст. 184 УПК РСФСР — обязанность следователя выяснить необходимые данные о его специальности и компетентности). Можно, конечно, говорить об этичности, и научности, но только для оценки нарушений процессуальной формы, а не в качестве самостоятельных критериев. Наряду с этим, мы отнюдь не хотим утверждать, что не все следственные действия нуждаются в оценке с точки зрения их этичности и научности, однако такая оценка может производиться научными работниками, практиками при разработке нового законодательства, а законодателем — при принятии законов.

Приводимые Н. В. Сибилевой примеры пробелов в законодательном регулировании этической допустимости, как-то: запрещение принудительного освидетельствования потерпевшего и свидетеля, а также принудительного отобрания у них образцов для сравнительного исследования, запрещение допроса свидетеля, который является близ-

ким родственником обвиняемого (свидетельский иммунитет), действительно являются актуальными, особенно в современный период, когда предъявляется повышенное внимание к гарантиям правовой защищенности личности. Однако при отсутствии законодательного запрета нельзя считать фактические данные, полученные с нарушением норм нравственности (этических норм), недопустимыми.

К случаям этической недопустимости Н. В. Сибилева относит и использование в качестве источников доказательственной информации запаховых следов и полиграфа. Данный вопрос уже много лет обсуждается в науке, причем противников и сторонников примерно поровну. Но он относится не только к этичности, но и научности, а также законности используемых средств. Использование полиграфа при допросе представляет собой разновидность психического насилия, которое запрещено ст. 20 УПК РСФСР, поэтому соображения этичности и научности отступают здесь на второй план. Показания, полученные с использованием полиграфа признаются недопустимыми ввиду нарушения требований процессуальной формы, предъявляемых к такому следственному действию, как допрос. Использование же при доказывании результатов одорологической выборки (которую предлагается называть одорологической экспертизой) противоречит не столько этичности, сколько научности. Но это требование научности является составной частью требований процессуальной формы, предъявляемых к заключению эксперта. Таким образом, использование полиграфа и запаховых следов в доказывании действительно противоречит этичности и научности, но недопустимыми данные способы признаются ввиду нарушения критерия процессуальности.

В целом же можно согласиться с выделением этического критерия допустимости (возможность использования определенных источников фактических данных с точки зрения нравственности обосновал А.Ф. Кони в работе «Нравственные начала в уголовном процессе» — см. выше), если не приравнивать его по своему значению и по последствиям нарушений к критерию процессуальному. Можно, конечно, рекомендовать органам, ведущим процесс, воздерживаться от использования тех или иных доказательств по мотивам их неэтичности, безнравственности, однако нарушение такой рекомендации не может повлечь за собой признание доказательства недопустимым. Но вообще такая тенденция не может привести к конкретизации понятия допустимости, а напротив породит на практике ряд сложностей.

В результате анализа процессуальной литературы представляется возможным дать следующее определение допустимости доказательств:

Допустимость — это свойство доказательства, характеризующее его с точки зрения законности источника фактических данных (сведений, информации), а также способов получения и форм закрепления фактических данных, содержащихся в таком источнике, в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, т. е. уполномоченным на то лицом или органом в результате проведения им следственного действия при строгом соблюдении уголовно-процессуального закона, определяющего формы данного следственного действия.

Как свойство доказательства допустимость включает в себя четыре критерия (элемента, аспекта):

- 1) надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на получение доказательств;
- 2) надлежащий источник фактических данных (сведений, информации), составляющих содержание доказательства;
- 3) надлежащее процессуальное действие, используемое для получения доказательств;
- 4) надлежащий порядок проведения процессуального действия (судебного или следственного), используемого как средство получения доказательств.

Рассмотрим подробнее каждый из этих критериев (элементов, аспектов), обращая особое внимание на проблемы, существующие на практике, и вопросы, возникшие в связи с принятием нового законодательства, затрагивающего институт допустимости доказательств.

ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ IV

После выполнения общих методических указаний сформулируйте свое решение по следующим вопросам:

- а) являются ли доказательства процессуальными моделями непосредственных объектов доказывания;*
- б) изменяется ли природа доказательств по уровням доказывания;*
- в) механизм перехода от информационных доказательств к логическим;*
- г) практический смысл использования понятия «источники» доказательств;*
- д) механизм установления относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств.*